

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2018

№ 13

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель
О.И. Блинова (Томск, Россия) – зам. председателя
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

В.Е. Гольдин (Саратов, Россия)

А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)

В.М. Мокиенко
(Санкт-Петербург, Россия)

О.В. Фельде (Красноярск, Россия)

Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)

Л.И. Шелепова (Барнаул, Россия)

Е.А. Юрина (Томск, Россия)

И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson
Olga I. Blinova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson
Dmitry A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)

Valentin Ye. Gol'din (Saratov, Russia)

Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia)

Valery M. Mokienko
(Saint-Petersburg, Russia)

Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)

Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)

Lyudmila I. Shelepova (Barnaul, Russia)

Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)

Pona Janyšková (Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/lex/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Генералова Е.В. Русская историческая лексикография: текстоцентрический и словоцентрический подходы	7
Пурицкая Е.В., Панков Д.И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных	23

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Хизниченко А.В., Крюкова Л.Б. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака	44
Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л. Языковые нормы в «Академическом толковом словаре русского языка»	58

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бабенко Л.Г. Моделирование семантики русских синонимов в идеографическом словаре (на материале словарных статей синонимов с эмотивной семантикой)	81
Грязнова В.М. Личные суффиксальные существительные мужского рода со значением пациенса в русском языке XIX столетия (по данным словарей и текстов)	100
Купчик Е.В. УМ / РАЗУМ в словарях поэтических образов: метафорические модели и их репрезентация	117

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Бобунова М.А. Русское фольклорное слово в зеркале словаря (о лексикографическом опыте курских лингвофольклористов)	141
--	-----

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Волков С.С., Московкин Л.В. Словари русского языка и их авторы. Рецензия на книги: Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший; Козырев В.А., Черняк В.Д. Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга	154
Харламова М.А. Рецензия на книгу: Иванцова Е.В. Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила	160
Сведения об авторах	166

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

- Generalova E.V.** Russian historical lexicography: word-centered and text-centered approaches 7
- Puritskaya E.V., Pankov D.I.** The lexicon of the modern Russian language: describing normative and stylistic characteristics in the dictionary database 23

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

- Khiznichenko A.V., Kryukova L.B.** The project of the dictionary of perceptual images used in B. Pasternak's poetic works 44
- Tsumarev A.E., Shestakova L.L.** Language norms in the *Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language* 58

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

- Babenko L.G.** Modeling of Russian synonym semantics in a conceptual dictionary (on the basis of dictionary entries of synonymic sets with emotive semantics) 81
- Gryaznova V.M.** Personal male suffix nouns with the meaning of the patient in the 19th-century Russian language (according to dictionaries and texts) 100
- Kupchik E.V.** Mind/reason in dictionaries of poetic images: metaphorical models and their representation 117

ACTIVITY OF CENTRES FOR LEXICOGRAPHY

- Bobunova M.A.** The Russian folklore word as reflected in dictionaries (concerning the lexicographic experience of linguofolklorists from Kursk) 141

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Volkov S.S., Moskovkin L.V. Dictionaries of the Russian language and their authors. Book review: Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. <i>Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy</i> [Lexicography of the Russian language: the present and the past centuries]; Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. <i>Kto yest' kto v russkoy leksikografii: spravochnaya kniga</i> [Who is who in Russian lexicography: a reference book]	154
Kharlamova M.A. Book review: Ivantsova E.V. <i>Idiolektnyy slovar' pretsedentnykh tekstov sibirskogo starozhila</i> [The Idiolect Dictionary of Precedent Texts of the Siberian Old-Timer]	160
Information about the authors	166

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81-139

DOI: 10.17223/22274200/13/1

Е.В. Генералова

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКИЙ И СЛОВОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ¹

Обсуждается неоднозначность понятия «исторический словарь», рассматриваются подходы и приоритеты в русской исторической лексикографии (словоцентрический, текстоцентрический, антропоцентрический, словарно-центрический подходы). При описании лексики условно единого языкового состояния чаще всего применяются словоцентрический (центром описания выступает слово как единица лексико-семантической системы) и текстоцентрический (слово характеризуется как составляющая текста) подходы. Размышления о теоретических основаниях исторической лексикографии имеют выход в конкретную сферу составления словаря.

Ключевые слова: историческая лексикография, исторический словарь, лексико-семантическая система, словник, толкование, текстоцентрический подход, словоцентрический подход.

1. Неоднозначность понятия исторической лексикографии.

В настоящей статье поднимается вопрос приоритетов и подходов в исторической лексикографии. Отечественная историческая лексикография достаточно развита, представлена разными типами исторических словарей, при этом, однако, не существует ни бесспорного понятия «исторический словарь», ни общепринятого подхода к интерпретации исторического материала. Современные исследователи пишут о насущной задаче создания интегрального исторического словаря: «...идея создания универсального исторического словаря давно назрела» [1. С. 644]. В статье обсуждаются различные методологические установки, реализующиеся в практике разных исторических словарей русского языка.

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-012-00224А «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (восьмой, девятый и десятый выпуски).

Прежде всего обратимся к понятию исторической лексикографии. Оно не имеет однозначной интерпретации, как и вопрос о диахронии и синхронии применительно к языковой системе. В.Г. Гак обращал внимание на то, что под историческим словарем может иметься в виду и словарь, освещающий историю всех слов, в том числе и отмерших, за все время существования письменности на данном языке (это, например, путь Оксфордского словаря, включающего историю слов, бытовавших и бытующих в английском языке начиная с 1150 г.), и словарь, охватывающий лексику определенного прошедшего периода в истории данного языка (что характерно для русистики) [2. С. 84]. В России сложилась традиция создания многотомных фундаментальных словарей исторического цикла, отдельно этимологических, исторических, диалектных [3. С. 13–14; 4. С. 81–83], и под собственно историческим словарем традиционно понимается словарь, предметом описания которого является письменная история слова. Кроме того, в отечественной лексикографии различаются диахронические и синхронические исторические словари [4. С. 83]. Так, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [5] определяется как словарь диахронического типа, с широкими хронологическими рамками, в отличие от словарей отдельных периодов – «Словаря русского языка XVIII в.» [6] и «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» [7]. При этом очевидно, что синхронное состояние лексики – это всегда некая абстракция с учетом непрерывного изменения словарного состава и понятие синхронных срезов условно. Также в определенной степени условно проведение границы между историческим и современным состоянием лексики.

С другой стороны, еще до выхода многих исторических словарей русского языка вопрос исторического описания был интерпретирован как показ изменений словарного состава. В работах Л.В. Щербы, а затем Ю.С. Сорокина в качестве основного критерия исторического словаря было выдвинуто представление словарем динамики развития лексики (исторический – «словарь, дающий историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени» [8. С. 303]). Эти теоретические положения отражены в практической концепции «Словаря русского языка XVIII в.» как словаря, показывающего динамику языковых изменений.

Есть тенденция разграничивать понятия историзма (по материалу) и хронизма (по методу). Например, в известной типологии А.М. Цывина исторические словари по дифференциальному признаку отраже-

ния исторических процессов разделяются на синхронные и диахронные, которые, в свою очередь, делятся на перспективные и ретроспективные. Среди ретроспективных словарей различаются этимологические и исторические, а последние по признаку отражения динамики языковых изменений подразделяются на историко-динамические и историко-регистрационные» [9. С. 100].

Таким образом, понимание исторического словаря как типа неоднозначно. В настоящей статье используется понимание исторической лексикографии как области, описывающей материал письменных свидетельств предыдущих эпох, и исторический словарь интерпретируется как словарь, предметом описания которого является словарный состав языка на определенном прошедшем этапе его истории. Конкретные возможности и ограничения лексикографического представления письменно зафиксированной истории слова были описаны и теоретически обоснованы в монографии Г.А. Богатовой «История слова как объект русской исторической лексикографии» [10]. Специфика исторической лексикографии в этом смысле – это, с одной стороны, документированность биографии слова (в отличие от этимологических словарей), а с другой – конечность, исчерпаемость и определенная фрагментарность письменных свидетельств, а также, в отличие от толковой лексикографии, из которой вырастает русская историческая лексикография, невозможность проверки лингвистических данных знанием и речевой практикой носителей языка (что, в частности, сближает историческую лексикографию с диалектной).

2. Подходы к описанию лексики условно единого языкового состояния. Лексика условно единого языкового состояния может быть описана с точки зрения следующих подходов:

- при выдвигании в центр описания слова как единицы лексико-семантической системы и как иерархически-организованной семантической структуры, представляющей собой комплекс сем, коннотаций и т.п., имеет место *словоцентрический (лексицентрический) подход*;
- при описании слова как составляющей текста и опоре на текст как на основной источник информации о слове используется *текстоцентрический подход*;
- при интерпретации языкового материала на основе словарей разных видов (в этом смысле в диахронии наибольшей ценностью будут обладать данные вторичных текстовых источников того же периода,

описывающих семантику, употребление слов) применяется *словарно-центрический подход*;

• при представлении слова как прагматической единицы, реализующей определенные функции при наличии определенных условий, актуализируется *антропоцентрический подход*.

Рассмотрим вначале релевантность для исторической лексикографии антропоцентрического и словарноцентрического подходов. В настоящей статье речь идет об антропоцентрическом подходе как о методе¹, положенном в основу составления словаря, и в этом отношении описание прагматических установок человека-носителя описываемого языка, т.е. человека предшествующих эпох, чрезвычайно сложно; антропоцентрический подход не может быть использован как ведущий при создании исторического словаря. Причем если в словаре литературного языка отсутствие какой-то части семантической и прагматической информации может компенсироваться языковым опытом и знаниями как автора, так и читателей словаря, то в исторических, так же как и в диалектных словарях, эти лакуны невосполнимы.

Словарноцентрический подход в исторической лексикографии не может быть главенствующим в связи с объективным отсутствием источников лексикографического характера для большей части исторического периода русского языка. Обращение к метаязыковым источникам, синхронным описываемому материалу, очень важно (неслучайно в «Словаре русского языка XVIII в.» особое внимание уделяется материалам «Словаря Академии Российской» 1789–1794 гг.), но небольшое количество и разная степень авторитетности таких источников для значительной части истории русского языка не дает возможности использовать этот подход как основной. Материалы древних словарей и источников словарного характера (ономастиконов, приточников, азбуковников, разговорников, составленных иностранцами), безусловно, должны быть учтены при составлении исторических словарей донационального периода русского языка, однако об обеспеченности рус-

---

¹ Ср. не как метод, а как конечная цель (ориентация на адресата) антропоцентризм справедливо определяется рядом исследователей в качестве характерной черты современной лексикографии [11, 12]; в этом смысле в историческом словаре предпочтительны синонимические и описательные, а не переводные на современный русский язык толкования, в толковании предметной лексики желательно отражение не только сигнификативного, но и по возможности денотативного компонента и т.п.

ского языка собственно научными лексикографическими источниками можно говорить только начиная с конца XVIII в.

Соответственно, при составлении исторического словаря встает вопрос о приоритете прежде всего словоцентрического или текстоцентрического подхода, приоритете слова или текста. И размышления о приоритетах исторической лексикографии – это не просто постулирование абстрактных теоретических принципов, а выход в конкретную сферу составления словаря; методологическая позиция принципиально важна для решения центральных лексикографических вопросов. Рассмотрим ряд таких вопросов.

3. Словоцентрический и текстоцентрический подходы в практике исторических словарей.

Проблема формирования словника. Спорным является вопрос включения имен собственных (как непосредственно онимов, так и имен собственных, образованных на основе нарицательных, в частности прозвищ и микропонимов), лексем, производных от онимов (этнонимов, отэтнонимических и оттопонимических прилагательных), а также сложных слов с частотным общим элементом.

При отборе слов для словника исторического словаря при текстоцентрическом подходе описанию подлежит каждое без исключения слово, а при словоцентрическом подходе группы слов достаточно последовательно разделяются и обладают различной ценностью в плане включения их в корпус словаря.

Научная русская толковая и тесно связанная с ней историческая лексикография с большой осторожностью относились к именам собственным и в основном не включали их. При составлении «Проекта Древнерусского словаря» об этой проблематике писал Б.А. Ларин [13. С. 33–34]. В Инструкции к «Словарю древнерусского языка XI–XIV вв.» было отмечено, что «словарь в принципе должен бы охватывать не только апеллятивы, но и ономастику, а также этнонимику и производные от них», и подчеркнута принципиальное для исторической лексикологии положение, что «между апеллятивами и собственными именами нет демаркационной линии» [7. С. 26].

Ценность ономастики для исторической лексикологии несомненна, однако практический вопрос включения имен собственных, особенно в словари, охватывающие значительный хронологический период и базирующиеся на большом количестве источников, сложен и технически (это очень существенное увеличение объема словаря), и содер-

жательно (исследователи подчеркивают необходимость принципиально различной лексикографической обработки материала по именам собственным и нарицательным).

Минимально включение имен собственных (только при употреблении в нарицательном смысле) в толковых словарях современного языка и закономерно приближающемся к ним по этим принципам и базирующемся на системном, словоцентрическом подходе «Словаре русского языка XVIII в.».

Большинство словарей включают онимы, совпадающие с нарицательными или производные от них. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [7], «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [14], «Псковский областной словарь с историческими данными» [15] так же, как было предложено в Проекте ДРС, включены прозвища и микропонимы, производные от апеллятивов или использующиеся в таком качестве, при этом их лексикографическая подача сопровождается соответствующими пометами: *в сост. личн. имени, в сост. геогр. назв., прозвище, название деревни (озера, путоши)* и т.п.

По пути полного включения имен собственных идут основанные на текстоцентрическом подходе словари-конкордансы (например, интернет-словари справочного комплекса «Казанский край» [16]). В качестве редкого словаря, пошедшего по пути максимального включения и интерпретации в словарной статье имен собственных (а именно антропонимов), может быть назван «Региональный исторический словарь» [17], который не только включает все антропонимы от диалектных и общерусских основ (как ценный исторический материал), но и предлагает их этимологию. Интересным решением является дополнение словаря специальными ономастическими справочниками. Так, «Словарь пермских памятников XVI–XVII вв.» Е.Н. Поляковой [18] дополняют «Словарь пермских фамилий» [19] и «Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVII вв.» [20]. Этот путь показателен в плане стремления представить весь зафиксированный в источниках языковой материал и при этом учесть специфику ономастики.

Что касается включения производных от имен собственных, в поле зрения исторических словарей общефилологического типа в основном попадают этнонимические и оттопонимические имена прилагательные, образованные от названий крупных населенных пунктов (например, в «Словаре русского языка XVIII в.» есть статьи *датский*,

кипрский, китайский) и/или известные в составе устойчивых сочетаний (так, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» в статье на слово *московский* описываются только устойчивые сочетания с этим прилагательным: *московское ведро, московское число, московская денга* и др. [5. Вып. 9. С. 271]). В «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», который был задуман Б.А. Лариным как толковый словарь группы памятников, представляющий максимально подробную семантическую и функциональную характеристику материала, включаются и получают подробное семантическое описание и этнонимы (*арапы*), и названия жителей (*галичене, англичане*), и производные от географических названий и этнонимов прилагательные (*амбургский, арзамасский, армянский, выгоозерский, гишпанский* и др.).

Значительно сложнее дело обстоит с притяжательными прилагательными, производными от антропонимов, которые включаются в исторические словари традиционно только при функционировании в составе устойчивых сочетаний (*георгиев день*). При этом пласт таких соотносимых с именами собственными прилагательных в языке совсем не мал, и неучитывание этих данных искажает наши представления о лексической системе описываемого языка.

Неоднозначен и вопрос включения в исторический словарь слов с частотным общим элементом (например, *златоверхий, златоглав, златоглавный, златоглавый, златокованый, златоковач* и др.). В таких словарях, как «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», эти лексемы описываются каждая на своем алфавитном месте, а в «Словаре русского языка XVIII в.» даются в виде элементов, для которых описывается их общая семантика (например, *злато-*) и в словарных статьях на которые приводятся лексемы с этими элементами.

С развитием компьютерной лексикографии исторический словарь получил возможность приблизиться к типу словаря-тезауруса. Пути фиксации всего данного в памятниках материала (с помощью гнездования, списков-словоуказателей, дополнительных словариков и др.) обсуждаемы, но, видимо, установка в исторической лексикографии в силу конечности материала должна делаться на текстоцентрический подход и максимальный словник. Работа над по возможности полным словником, сформированным в соответствии с текстоцентрическим подходом, актуальна и в плане создания интегрального словника ис-

торических словарей. Над этой проблемой трудятся казанские коллеги: к настоящему времени сформированы электронные версии словарей двадцати четырех исторических словарей, решается задача их объединения в рамках сводного словника [21]. С учетом того, что большое внимание при формировании фонда уделяется исчерпывающей инвентаризации всех слов и вариантов, при составлении такого словника и ориентации на словник-тезаурус и в перспективе исторического словаря-тезауруса, плодотворным представляется применение именно текстоцентрического подхода.

Вопрос толкований. Этот вопрос является ключевым в толковом историческом словаре. При текстоцентрическом подходе значение выводится из зафиксированных контекстов, т.е. описываются не потенциальные свойства системы, а только то, что дано в узусе, в то время как при словоцентрическом подходе толкование может выводиться и из языковой системы (в частности, системными представляются так называемые словообразовательные толкования).

Релятивное толкование более приемлемо для толковой лексикографии, описывающей системные языковые отношения. В этом смысле к толковой лексикографии приближается и практика создания «Словаря русского языка XVIII в.»: показ места слова в языке, а не слова в контексте – принципиальная позиция его создателей. Закономерно и использование в словаре частичного гнездования, и появление в «Словаре русского языка XVIII в.» соответствующих толкований – «типовых словообразовательных определений» [22. С. 30].

Использование текстоцентрического подхода отчетливо видно на примере толкования семантики относительных прилагательных. Вообще, интерпретация значений относительных прилагательных – это важная, имеющая значительную историю и до сих пор не решенная лексикологическая проблема, и нельзя не согласиться с исследователями, подчеркивающими, что приемлемое лексикографическое толкование относительных прилагательных может быть получено лишь в результате решения вопроса их семантики на теоретическом уровне [23. С. 89–90]. Текстоцентрический подход коррелирует с пропозиционно-актантным методом описания семантики относительных прилагательных, в соответствии с которым отдельные конкретные значения прилагательных выделяются в зависимости от контекста на основе отношения существительного, от которого образовано прилагательное, и существительного, определяемого прилагательным. Примером

использования текстоцентрического подхода при выработке толкований может служить практика «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», в котором дается максимально подробная семантическая характеристика лексем и толкования относительных прилагательных конкретизируются, наполняются реальным содержанием. См., например:

ГОРСКИЙ, *прил.* (18) 1. *Расположенный среди гор.* А графа Мансфелта он Бетлегем оставил позад себя в горских мѣстех для того чтоб Маньфелтъ... к нимъ на помощь пришел. *В-К I, 80, 1626 г.* Повсюду напаяют зверей и птиц: в дубрех, и в каменных горских, и инде. *Авв. Письма, 266, 1679 г.*

2. *Живущий в горах Кавказа.* А как он [царь Арчил]... со всяким бережением и на станех ставитца в крепких местех, и стоять крепко и осторожливо, и посылать от станов отводные караулы, чтоб безвестно кумыки и иные горские люди не пришли. *Рус.-грузин. отн. I, 61, 1681 г.* Чтоб будучи они [донские казаки] в том походе... с азовцы и с крымскими татары задоров не чинили, и на улусы их не били, кроме тех неприятельских людей, горских черкес и нагайцов, которые великим государем изменяют и служат неверно. *РД III, 384, 1684 г. ...|| Правящий на территории, расположенной в горах Кавказа.* Да с тем же царем пришло горских князей и черкас из Кабарды 10 000. *Пов. аз. ратн. сид., 60, 1642 г.*

3. *Выведенный в горной местности.* 150 (1641) го году сентября в 19 день окольничей Федор Васильевич Волынской погреб тело сына своего Михаила Федоровича и дал по нем вкладу: жеребец аргамачей карь горских лошадей по цене за 64 рубли. *Вкл. кн. ТСМ, 89, 1641 г.* Дал вкладу из Нижнего Новгорода патриарша домового Благовѣщенского монастыря архимандрить Пафнотей конь сѣрь, горскихъ лошадей, за 150 рублевъ. *Вкл. Нижегород., 40, 1662 г. [14. Вып. 4. С. 198–199].*

Текстоцентрический подход предпочтителен и при лексикографировании условно авторского материала. Притом что в отечественной традиции отсутствует жанр авторской исторической лексикографии и эту нишу занимают словари отдельных памятников, в число источников исторического словаря включаются самобытные тексты с уникальной, авторской стилистикой, соответственно, в ряде случаев встает проблема авторского слова в истории языка и в историческом сло-

варе. Иногда условно авторским единицам приходится давать очень контекстное, т.е. следующее из цитаты, толкование. См., например:

ЖАРИТЬ... 2. *кого. Подвергать пытке огнем или смертной казни через сожжение.* И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. *Авв. Ж., 108, 1675 г.* Кормят, кормят, да в лоб палкою, да и на огонь жарить. *Авв. Письма, 224, 1673 г.* [14. Вып. 6. С. 188].

ЖИДОВЕ и **ЖИДЫ** ...с определением. *Никониане с точки зрения старообрядцев.* А нынешние жидаы, в огонь сажая правоверных христиан, тоже ругаяся говорят: аще-де праведен и свят, и он-де не сгорит! *Авв. Кн. толк., 150, 1676 г.* Не смейся враг, новой жидовин, распенше Христа! *Авв. Письма, 225, 1670-е гг.* [14. Вып. 6. С. 245].

Проблема выведения начальной формы. При словоцентрическом подходе возможно выведение начальной формы на основании потенций системы, даже если такая форма не зафиксирована. При текстоцентрическом подходе это делается с большой осторожностью, возможные колебания авторов исторических словарей отражаются в заголовочной строке обычно в виде квадратных скобок.

Это могут быть сомнения в фонетико-графическом облике слова. См., например:

[СКРАЩЕННЪ], СОКРАЩЕННО, *нареч. Кратко.* ... [5. Вып. 25. С. 18].

[ЗАЖИВОЧНЫЙ], *прил. (1) Зажиточный, состоятельный.* И у нево [Гаврилы Прокофьева] гсдрь суседамъ змяля смежна с и онъ туды не двинеца патаму что меня [А. Прокофьева] сирату вашего [Самариных] хочи изагнать патаму что онъ человекъ заживачнай (!) а у мене кляча адна и та в далгу. *ИНРЯ, 210, XVII – н. XVIII в.* [14. Вып. 7. С. 22].

Достаточно часто возникают сомнения в морфологических характеристиках слова, например, в роде у имен существительных, который невозможно восстановить по форме множественного числа или формам предложного падежа. Эти сомнения также отражаются в подаче заголовочного слова: **ЗАЛИВ,** *м.* и **ЗАЛИВА,** *ж.* (*общ.4*) [14. Вып. 7. С. 59].

Выводы. Представление языкового материала в исторической лексикографии в ее традиционном понимании определяется не только диапазоном описываемого периода в прошлом (диахронические/синхронические словари) и не только типом словаря в отношении показа динамики развития словарного состава (динамический/регистрационный словарь), но и степенью отдаленности описываемого хронологического периода. При описании языкового состояния значительно удаленных по времени эпох в исторической лексикографии наиболее целесообразным представляется применение текстоцентрического подхода. В результате этого исторический словарь должен приблизиться к тезаурусу, а каждая лексическая единица (с учетом конечности материала) – получить собственное семантическое описание. Для исторической лексикографии, обращающейся к описанию языковых свидетельств донационального состояния языка, принципиально выведение семантики из имеющихся документированных фиксаций, а не реконструкция гипотетического, абстрактного общего значения и не обобщение до некоего системного, языкового значения, далеко не всегда зафиксированного в текстах прошлых эпох.

При описании же качественно иного национального языкового состояния, значительного и в количественном отношении, допустимо применение используемого в первую очередь в современной толковой лексикографии словоцентрического подхода.

Таким образом, подход во многом определяется материалом, и учет в лексикографической интерпретации своеобразия разных этапов диахронического состояния языка в дальнейшем может стать основой успешного интегрального объединения достижений разных лексикографических проектов и создания возможно максимально полной и подробной истории словарного состава русского языка.

Литература

1. *Чернышева М.И.* Русская историческая лексикография // Славянская лексикография. М., 2013. С. 615–645.

2. *Гак В.Г.* Об историческом словаре // Филологические науки. 1994. № 1. С. 81–92.

3. *Трубачев О.Н.* Историческая и этимологическая лексикография: Праславянская лексика на -d- начальное // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии : тез. конф., октябрь 1975 г., Москва. Вып. 3: Теория и практика исторической лексикографии. Посвящается 50-летию Картотеки ДРС / ред. Г.А. Богатова, В.Я. Дерягин. М., 1975. С. 13–20.

4. *Богатова Г.А.* Историческая лексикография как жанр // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 80–89.
5. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Т. 1–30. М.: Наука. 1975–2015.
6. *Словарь русского языка XVIII века.* Т. 1–21. Л.; СПб.: Наука. 1984–2015.
7. *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* Т. 1–11. М.: Наука: Азбуковник, 1975–2016.
8. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1974. С. 265–304.
9. *Цывин А.М.* К вопросу о классификации русских словарей // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 100–108.
10. *Богатова Г.А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. 255 с.
11. *Каламбет Е.В.* Проявления антропоцентризма в современной отечественной лексикографии (на материале лингвистических словарей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/proyavleniya-antropotsentrizma-v-sovremennoy-otechestvennoy-leksikografii> (дата обращения: 07.12.2017).
12. *Мандрикова Г.М.* Основные положения антропоцентрической лексикографии // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 2. С. 8–12.
13. *Ларин Б.А.* Проект ДРС: Принципы, инструкции, источники. М.; Л.: АН СССР, 1936. 180 с.
14. *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.* Т. 1–7. СПб.: Наука, 2004–2016.
15. *Псковский областной словарь с историческими данными.* Т. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–2015.
16. *Казанский край: язык памятников XVI–XVII веков: комплекс интернет-словарей.* URL: <http://www.klf.ksu.ru/kazan>. (дата обращения: 07.12.2017).
17. *Региональный исторический словарь 2-й половины XVI–XVIII вв.: По памятникам письменности Смоленского края / отв. ред. Е.Н. Борисова.* Смоленск: Смоленская обл. типография им. В.И. Смирнова, 2000. 368 с.
18. *Полякова Е.Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Т. 1–2. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010.
19. *Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 463 с.
20. *Полякова Е.Н.* Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVII вв. Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007. 464 с.
21. *Галлиулин К.Р., Каримуллина Г.Н., Каримуллина Р.Н., Мартыанов Д.А.* Базовые источники современной лингвографии: сводные словарные корпуса // Современные проблемы лексикографии: материалы докладов и сообщений международной научной конференции, Москва, Санкт-Петербург, 12–14 декабря 2016 г. СПб., 2015. С. 46–47.
22. *Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников.* Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 144 с.
23. *Гайсина Р.М.* Проблема значения и семантизации отсустантивных относительных прилагательных // Теория языка и словари: материалы Всесоюз. конф., 1–3 октября 1987 г., Звенигород. Кишинев, 1988. С. 87–93.

Источники

Авв. Ж. – Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия. М. : Гослитиздат, 1960. С. 53–122.

Авв. кн. толк. – Аввакум. Книга толкований // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия. М. : Гослитиздат, 1960. С. 123–148.

Авв. Письма – Аввакум. Письма // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия. М. : Гослитиздат, 1960. С. 185–294.

В-К I – Вести-Куранты 1600–1639 гг. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, АИ. Сумкина ; под ред. С.И. Коткова. М. : Наука, 1972. 348 с.

Вкл. кн. ТСМ – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / изд. подгот. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева ; отв. ред. Б.А. Рыбаков. М. : Наука, 1987. 439 с.

Вкл. Нижегород. – Вкладная книга Нижегородского Печерского монастыря / предисл. А.А. Титова // Чтения ОИДР. 1898. Кн. 1, отд. 1. С. 1–74.

Пов. аз. ратн. сид. – «Поэтическая повесть» об азовском ратном сидении 1642 г. // Воинские повести Древней Руси / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 5–81.

РД III – Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. документов. М. : Изд-во АН СССР, 1962. Т. 3. 324 с.

Рус.-грузин. отн. I – Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII в.). Т. 1 / документы к печати подгот., предисл. и коммент. Г.Г. Пайчадзе. Тбилиси : Мецниереба, 1974. 392 с.

RUSSIAN HISTORICAL LEXICOGRAPHY: WORD-CENTERED AND TEXT-CENTERED APPROACHES

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 13, pp. 7–22.

DOI: 10.17223/22274200/13/1

Elena V. Generalova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: elena-generalova@yandex.ru

Keywords: historical lexicography, historical dictionary, lexical-semantic system, vocabulary, interpretation, text-centered approach, word-centered approach.

In the article, the ambiguity of the concept “historical dictionary” is discussed, and the question of approaches and priorities in Russian historical lexicography is considered. Historical lexicography is interpreted as dictionaries describing the written material of the previous eras, i.e. such data are recorded and random. While describing the lexicon of a conditionally united language state, various approaches are used, the most demanded of which in historical lexicography are word-centered and text-centered approaches. The word-centered approach focuses on the word as a unit of the lexical-semantic system, a complex of senses and connotations. When the text-centered approach is used, the word is characterized as a text component, the text is the main

source of information about the word. Reflections about the theoretical bases of Russian historical lexicography (focus on the word, the system or the text) come out into the concrete sphere of dictionary compiling, and influence the solution of the central lexicographic questions. From the point of view of different approaches, the article discusses the solutions to the questions of making up glossaries (namely, the question of inclusion of proper names: both direct onyms and proper names formed on the basis of common nouns, in particular nicknames and microtoponyms, onym derivatives (ethnonyms, adjectives derived from ethnonyms and toponyms) and compound words with a frequent common element), interpretation of semantics (in particular, interpretation of relative adjectives and conditionally author's material), reconstruction of the initial form of a word. Thus, representation of language material in historical lexicography in its traditional sense is determined not only by the range of the described period in the past (diachronic / synchronic dictionaries) and not only by showing the development of the lexicon (dynamic / registering dictionary) but also by the degree of the remoteness of the described chronological periods, i.e. the approach used in a separate historical dictionary in many respects is determined by linguistic material. When describing the lexicon of considerably remote eras, application of the text-centred approach is reasonable since thus the historical dictionary becomes a thesaurus, and each lexical unit (taking into account the limited amount of the material) receives its own semantic description. When describing a different national language state (first of all, in modern explanatory lexicography), application of the word-centered approach is admissible.

References

1. Chernysheva, M.I. (2013) Russkaya istoricheskaya leksikografiya [Russian historical lexicography]. In: Chernysheva, M.I. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya* [Slavic lexicography]. Moscow: Azbukovnik.
2. Gak, V.G. (1994) Ob istoricheskom slovare [About the historical dictionary]. *Filologicheskie nauki*. 1. pp. 81–92.
3. Trubachev, O.N. (1975) [Historical and etymological lexicography: Pra-Slavic lexicon with initial -d-]. *Problemy slavyanskoy istoricheskoy leksikologii i leksikografii* [Problems of Slavic historical lexicology and lexicography]. Abstracts of the conference. October 1975. Moscow. Is. 3. Moscow. pp. 13–20. (In Russian).
4. Bogatova, G.A. (1981) *Istoricheskaya leksikografiya kak zhanr* [Historical lexicography as a genre]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 80–89.
5. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vols 1–30. Moscow: Nauka.
6. Sorokin, S.Yu. (ed.) (1984–2015) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vols 1–21. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
7. Krysko, V.B. (ed.) (1975–2016) *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.* [Dictionary of the Old Russian language of the 11th–14th centuries]. Vols 1–11. Moscow: Nauka; Azbukovnik.
8. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: USSR AS. pp. 265–304.

9. Tsyvin, A.M. (1978) K voprosu o klassifikatsii russkikh slovarey [On the classification of Russian dictionaries]. *Voprosy yazykoznanija*. 1. pp. 100–108.
10. Bogatova, G.A. (1984) *Istoriya slova kak ob"ekt russkoy istoricheskoy leksikografii* [The history of the word as an object of Russian historical lexicography]. Moscow: Nauka.
11. Kalambet, E.V. (2007) *Proyavleniya antropotsentrizma v sovremennoy otechestvennoy leksikografii (na materiale lingvisticheskikh slovarey)* [Manifestations of anthropocentrism in modern Russian lexicography (on the material of linguistic dictionaries)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Krasnodar. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/proyavleniya-antropotsentrizma-v-sovremennoy-otchestvennoy-leksikografii>. (Accessed: 07.12.2017).
12. Mandrikova, G.M. (2011) Osnovnye polozheniya antropotsentricheskoy leksikografii [Basic provisions of anthropocentric lexicography]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, Education*. 2. pp. 8–12.
13. Larin, B.A. (1936) *Proekt DRS: Printsipy, instruksii, istochniki* [Old Russian Dictionary Project: Principles, instructions, sources]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
14. Mzhel'skaya, O.S. et al. (eds) (2004–2016) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of everyday Russian language of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. Vols 1–7. St. Petersburg: Nauka.
15. Bol'shakova, N.V. et al. (eds) (1967–2015) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vols 1–26. Leningrad; St. Petersburg: St. Petersburg State University.
16. Galliulin, K.R. et al. (2006) *Kazanskiy kray: yazyk pamyatnikov XVI–XVII vekov: kompleks internet-slovarey* [Kazan region: the language of monuments of the 16th–17th centuries: a complex of Internet dictionaries]. [Online] Available from: <http://www.klf.ksu.ru/kazan>. (Accessed: 07.12.2017).
17. Borisova, E.N. (ed.) (2000) *Regional'nyy istoricheskiy slovar' 2-y poloviny XVI–XVIII v.: Po pamyatnikam pis'mennosti Smolenskogo kraya* [Regional historical dictionary of the second half of the 16th–18th centuries: On the monuments of writing in the Smolensk region]. Smolensk: Smolenskaya obl. tipografiya im. V.I. Smirnova.
18. Polyakova, E.N. (2010) *Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII veka* [Dictionary of the lexicon of Permian monuments of the 16th – early 18th centuries]. Vols 1–2. Perm: Perm State University.
19. Polyakova, E.N. (2005) *Slovar' permskikh familiy* [Dictionary of Perm surnames]. Perm: Knizhnyy mir.
20. Polyakova, E.N. (2007) *Slovar' imen zHITELEY Permskogo kraya XVI–XVII vv.* [Dictionary of names of residents of the Perm region of the 16th–17th centuries]. Perm: Izd. dom Byval'tseva.
21. Galliulin, K.R., Karimullina, G.N., Karimullina, R.N. & Mart'yanov, D.A. (2015) [Basic sources of modern linguography: summary vocabulary corpora]. *Sovremennyye problemy leksikografii* [Modern problems of lexicography]. Proceedings of the international conference. Moscow, Saint Peterburg. 12–14 December 2016. St. Petersburg: Knizhnyy dom. pp. 46–47. (In Russian).

22. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Pravila pol'zovaniya slovarem. Ukazatel' istochnikov* [Dictionary of the Russian language of the 18th century. Terms of use of the dictionary. The source index]. Leningrad: Nauka.

23. Gaysina, R.M. (1988) [The problem of meaning and semantization of non-existent relative adjectives]. *Teoriya yazyka i slovarei* [Theory of language, and dictionaries]. Proceedings of the all-Union conference. Zvenigorod. 1–3 October 1987. Kishinev: Shtiintsa. pp. 87–93. (In Russian).

Sources

Gudziy, N.K. (ed.) (1960) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [Archpriest Avvakum, the life written by himself, and his other works]. Moscow: Goslitizdat. pp. 53–122.

Gudziy, N.K. (ed.) (1960) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [Archpriest Avvakum, the life written by himself, and his other works]. Moscow: Goslitizdat. pp. 123–148.

Gudziy, N.K. (ed.) (1960) *Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya* [Archpriest Avvakum, the life written by himself, and his other works]. Moscow: Goslitizdat. pp. 185–294.

Kotkov, S.I. (ed.) (1972) *Vesti-Kuranty 1600–1639 gg.* Moscow: Nauka.

Rybakov, B.A. (ed.) (1987) *Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya* [The contribution book of the Trinity-Sergius Monastery]. Moscow: Nauka.

Chteniya O IDR. (1898) *Vkladnaya kniga Nizhegorodskogo Pecherskogo monastyrya* [The contribution book of the Nizhny Novgorod Pechersky Monastery]. *Chteniya O IDR.* 1:1. pp. 1–74.

Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1949) “Poeticheskaya povest’” ob azovskom ratnom sidenii 1642 g. [A “Poetic story” about the Azov battle seat in 1642]. In: *Voinskie povesti Drevney Rusi* [Military stories of Ancient Rus]. Moscow; Leningrad: USSR.

Shevtsova, E.A. (ed.) (1962) *Krest'yanskaya vojna pod predvoditel'stvom Stepana Razina: sb. dokumentov* [Peasant War under the leadership of Stepan Razin: documents]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.

Paychadze, G.G. (ed.) (1974) *Materialy po istorii russko-gruzinskikh otnosheniy (80–90-e gody XVII v.)* [Materials on the history of Russian-Georgian relations (1680s–1690s)]. Vol. 1. Tbilisi: Metsniereba.

УДК 81'374

DOI: 10.17223/22274200/13/2

Е.В. Пурицкая, Д.И. Панков

**НОРМАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА:
ВОЗМОЖНОСТИ ОПИСАНИЯ В СЛОВАРНОЙ
БАЗЕ ДАННЫХ***

В статье рассматриваются проблемы нормативно-стилистического маркирования лексики в академических словарях русского языка; возможности отражения в электронной словарной базе данных (СБД) информации о стилистических пометах при слове с момента его первой фиксации. Описываются принципы и проблемы формирования в СБД стилистического справочного отдела для слов с функционально-стилистическими, терминологическими и динамическими пометами. СБД разрабатывается на основе «Большого академического словаря русского языка».

Ключевые слова: академическая лексикография, толковый словарь, словарная база данных, нормативно-стилистические пометы, современный русский литературный язык.

Введение

Лексическая система современного литературного языка имеет множество параметров, важнейший из которых – нормативно-стилистическая отнесенность слова. Словари литературного языка, кодифицирующие норму словоупотребления, представляют этот параметр в зависимости от эпохи своего создания, концепции составителей, общественной ситуации и других факторов. Словник любого нормативного словаря, особенно словаря академического типа, включает не только широкоупотребительную лексику, но и множество других лексических единиц из самых разных стилистических пластов, которые требуют соотнесения с актуальными языковыми нормами. Проблемы нормативно-стилистического маркирования лексики в словарях были и остаются наиболее актуальными в теории и практике лексикографии (см., например: [1–3]).

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «Параметрическое моделирование лексической системы современного русского литературного языка», проект № 17-04-00552/15.

Пометы, сопровождающие слова и характеризующие их с точки зрения нормативно-стилистической отнесенности, отвечают задачам конкретного словаря и общественным запросам. Однако словари запаздывают как в отражении словарного состава языка, который постоянно меняется, так и в описании нормативной отнесенности слов. В классическом бумажном словаре любая нормативно-стилистическая помета может отражать статус слова на момент подготовки соответствующего тома к печати, но потерять актуальность уже ко времени окончания многотомного издания. Так, например, слово *болеельщик*, еще во 2-м томе «Большого академического словаря русского языка» (2005) [4] описанное как разговорное, сегодня в силу своей употребительности перешло в разряд нейтральной лексики (и ему соответствует разговорное *фанат*). Кроме того, у каждого из авторов словаря (а любое многотомное издание – это коллективный труд) могут быть свои принципы постановки нормативно-стилистических помет, и выработать объективные критерии здесь очень трудно, если вообще возможно.

Трудности нормативного маркирования лексики вызваны и тем, что лексический состав языка находится в постоянном движении: он пополняется новыми лексическими единицами, многие слова переходят сегодня из разряда сниженных в разряд стилистически нейтральных в силу своей актуальности, просторечные слова становятся разговорными в силу «вертикальной мобильности» стилистически сниженной лексики, некоторые слова и выражения теряют употребительность. Отдельно нужно отметить тенденцию утраты терминами узкоспециализированного значения. Однако нормативные пометы в академических словарях эту тенденцию отражают не всегда. Если проследить по академическим словарям XX в.^{*}, какими пометами сопровождалось одно и то же слово в разные годы, заметно, что постановка пометы определяется скорее принципами конкретного словаря, а не

---

* Ушаков – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова [5]; Ожегов – Толковый словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов [6]; БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17 [7]; МАС – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой [8]; БАС-2 – Словарь современного русского литературного языка. 2-е изд. [9]; ТСОШ – Толковый словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [10]; БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова [11]; БАС-3 – Большой академический словарь русского языка [4].

годом его выхода, хотя в целом словари конца XX–XXI в. характеризуются более мягкой постановкой стилистических помет. Например:

заго́улина: *прост.* в Ожегов (1949), БАС-1 (1955), МАС (1981), ТСОШ (1997), но *разг.* в Ушаков (1935), БАС-2 (1994), БАС-3 (2006), БТС (1998);

кура́житься: *прост.* в Ожегов (1949), БАС-1 (1956), ТСОШ (1997), МАС (1982), БАС-3 (2007), но *разг.* БТС (1998);

куроле́сить: *прост.* в Ушаков (1935), Ожегов (1949), БАС-1 (1956), МАС (1982), БАС-3 (2007), но *разг.* в БАС-2, БТС (1998);

оде́жа: *прост.* Ушаков (1938), БАС-1 (1959), Ожегов (1960), МАС (1982); *разг.-сниж.* БТС (1998); *разг.* Ожегов (1989), ТСОШ (1997), БАС 3 (2009);

озли́ться: *прост.* МАС (1982), *разг.* БАС-3 (2009), без пометы Ушаков (1938), БАС-1 (1959), БТС (1998);

пивна́я: *разг.* в Ушаков (1939), МАС (1983); без пометы Ожегов (1949), БАС-1 (1956), БТС (1998), ТСОШ (1997), БАС-3 (2011).

Попытаться раз и навсегда решить проблему нормативной квалификации лексики в словаре невозможно – это признают сами создатели словарей. Так, уже в Инструкции 1958 г. к запланированному тогда пятнадцатитомному изданию указано, что «словарь не может дать исчерпывающего описания всех изменений в стилистической отнесенности слов за длительный промежуток времени истории современного русского литературного языка, не может совместить при характеристике одних и тех же слов или значений слов изменявшиеся их стилистические оценки в течение указанного времени» [12. С. 40]. Для нормативной квалификации важен и исторический аспект, т.е. период употребления слова. «Большой академический словарь русского языка» (БАС-3) – словарь исторический (отражающий лексику современного русского литературного языка на широком историческом фоне), но при этом на стилистические пометы ориентируется пользователь словаря – носитель современного языка, читающий литературные тексты разных периодов. В.В. Виноградов писал об этой проблеме еще относительно семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка»: «Широкие хронологические

границы описываемого периода могут вступать в противоречие с задачей однозначной стилистической характеристики слов, с которой сам словарь справляется не всегда успешно» [13. С. 23].

Толковые словари академического типа включают справочный отдел, содержащий сведения о происхождении слова, его первой фиксации в словарях или специальных справочниках, различных вариантах написания, произношения и т. п. Однако объем классического словаря не позволяет привести в справочном отделе сведения о том, какими пометами сопровождалось слово на протяжении его «словарной истории». Это возможно только в электронном виде.

Отражение особенностей употребления лексики и системы помет в словарях литературного языка – один из важнейших аспектов при разработке электронных лексикографических систем. Многие современные электронные словарные продукты отражают какой-либо один актуальный параметр описания лексики. Таковы, например, «База данных прагматически маркированной лексики» (<http://spml.ipmip.nspu.ru/?action=main>); электронные продукты, описывающие лексическую сочетаемость: проект «КроссЛексика» И.А. Большакова [14], Словарь коллокаций на базе Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/obgrams.html>) или большой открытый электронный тезаурус русского языка Yet Another RussNet (<https://russianword.net/>).

Однако, как отмечают сами создатели таких систем, «современный пользователь электронных словарей скорее предпочтет единый словарь, содержащий как всесторонние знания о языке, так и спектр энциклопедических познаний» [15. С. 141]. Кроме того, нормативно-стилистический и динамический аспекты описания лексики никак не отражены в существующих автоматизированных системах, хотя системное описание сведений о динамических процессах в лексической системе русского языка представляется исследователям актуальной задачей: «Проблема словарной фиксации динамических процессов, происходящих в лексической системе (идеологизация / деидеологизация, актуализация / архаизация семантики слова и др.) является одной из активно обсуждаемых в последнее время, но не имеет однозначного решения» [16. С. 76].

Современные исследователи указывают и на невозможность использовать словари в целях лингвистической экспертизы: «Проблема системности и однородности СП (стилистических помет. – *Авт.*) остается нерешенной в стилистике и лексикографии. Системы СП разнородны и по своей структуре, и по наполнению: отсутствует об-

щепринятое основание для выделения тех или иных помет. ...Разнородная стилистическая характеристика слов не способствует точности и объективности экспертиз, проводимых с опорой на эти словари. Для получения максимально объективной и полной стилистической характеристики слов следует сопоставлять несколько лексикографических источников» [17. С. 34].

Цель данной статьи – показать возможности отражения в словарной базе данных стилистической характеристики лексики в исторических рамках современного русского литературного языка.

Отражение стилистической характеристики слова в словарной базе данных

Создание «единого» традиционного бумажного словаря, который мог бы объединить материалы предшествующих словарей (т. е. давал бы читателю ретроспективную картину) и при этом отражал современное состояние языка, едва ли возможно – прежде всего из-за обилия информации, которую необходимо упорядочить и структурировать. Сегодня мы видим постепенный отказ от бумажных носителей при подготовке лексикографических изданий.

Для создания подобного лексикографического продукта необходимо отойти от принятой модели разработки словарей, и прежде всего это касается изначально заданной строгой структуры словарной статьи, которая не позволяет гибко добавлять или исключать структурные элементы. Оптимальной формой представления опыта, накопленного академической лексикографией в XX – начале XXI в., может стать словарная база данных, сочетающая в себе текстовый объект и базу данных.

В разрабатываемой словарной базе* (<http://ruslex-encode.ru>) (далее СБД) словарь будет представлен в виде реляционной базы данных (БД). В такой БД словарная статья разбивается на структурные элементы (грамматический, словообразовательный, семантический, фразеологический, лексикографический и т.п.). Каждому такому элементу соответствует таблица в БД. Таким образом, словарная статья представляет собой набор таблиц, связанных между собой указателями. Подобный подход позволяет легко добавлять необходимые эле-

---

* Автоматизированная словарная база данных *ruslex-encode* разрабатывается в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург).

менты в структуру статьи без необходимости переделывать весь словарь. Еще одним преимуществом организации словаря как БД является возможность составления сложных поисковых запросов по СБД (в нынешних электронных словарях, являющихся копиями существующих бумажных словарей, поиск можно осуществить только по заголовочному слову). Стилистическая характеристика является одним из структурных элементов, по которым возможен поиск в базе. Разрабатываемая база будет отражать актуальное состояние русского литературного языка; словник и словарные статьи открыты для дополнений и изменений.

СБД разрабатывается на основе БАС-3 и в соответствии с его лексикографическими принципами, в том числе и принципами постановки стилистических помет. Так же, как и в бумажных словарях БАС-1, БАС-2 и БАС-3, в СБД предусмотрен справочный отдел: этому способствует сама традиция создания академических словарей русского языка. В справочном отделе помимо традиционных сведений об истории лексикографической фиксации слова предполагается привести сведения о собственно стилистических, хронологических, специальных пометах при толкуемом слове, сокращенное название и год выхода словаря. Преимущества такого подхода видятся в том, что читатель может сопоставить описание слова, предлагаемое создателями словарной базы, с версиями предшествующих словарей и самостоятельно сделать выводы о нормативно-стилистической отнесенности слова, полагаясь в том числе и на собственное чувство языка. В электронном формате в словарной статье возможно представить множество разнообразной информации. Так, при наведении на сокращение словаря будет всплывать его полное название, при наведении на сокращение пометы – ее полное название и краткое описание в соответствующем словаре. Ссылки на словари будут расположены в хронологическом порядке. Справочные сведения будут носить иллюстративный характер и будут снабжены библиографическими ссылками, что позволит соблюсти закон об авторском праве.

Рассмотрим примеры подачи слов, сопровождаемых пометами, в академических словарях и в СБД.

Функционально-стилистические пометы

В СБД слово разрабатывается с опорой на предшествующие академические словари литературного языка, но с учетом его современ-

ного функционирования в речи. Справочный отдел стилистических помет «всплывает» при наведении курсора на стилистическую помету при слове или, если слово является стилистически нейтральным и в СБД пометой не сопровождается, на иконку с изображением книги. Справочный отдел включает список сокращенных названий и года выхода словарей*, стилистическую помету и заголовочное слово, если оно имеет варианты. Так, при словаре **валерья́нка**, вошедшем как в речевой обиход, так и в язык художественной литературы, в СБД помета не ставится:

ВАЛЕРЬЯ́НКА и **ВАЛЕРИА́НКА**, и, ж. Эфирная или спиртовая настойка корней валерианы, применяемая как успокоительное и сосудорасширяющее средство.

С историей помет можно ознакомиться, нажав на иконку «книга» (рис. 1).

ВАЛЕРЬЯ́НКА и **ВАЛЕРИА́НКА**, и, ж. Эфирная или спиртовая настойка корней валерианы, применяемая как успокоительное и сосудорасширяющее средство. [Николай Иванович] *накапал в рюмочку валерьянки, дал выпить Даше и выпил сам. А. Н. Толстой, Сестры. В широком коридоре больницы пахло **валерианкой** и мятой. Версаев, На повороте. — Дай ему валерьянки, пусть успокоится. Г. Бакланов, Июль 1941 г. Тучкова дала ему **валерианку**, уложила, позвонила по его просьбе в гараж, чтобы машина была готова через час, не раньше. Д. Гранин, Картина. На **ее** горестные крики и стоны прибегают соседи сверху и снизу, кто с валерьянкой, кто с валиололом и прочими успокоительными средствами: как убивается... несчастная! М. Веллер, Легенды Невского проспекта.*

Рис. 1

* На данном этапе в базу вносятся сведения о пометах начиная с «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова [5]. В дальнейшем список цитируемых словарей предполагается расширить.

Приведенная в справочном отделе история помет показывает, что в 1930-е гг. слово **валерьянка** (или, с иным написанием, **валерианка** – такое написание распространено и сейчас) было достаточно употребительным: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (Ушаков) включает его с пометой *Разг.* БАС-1, вышедший в начале 1950-х гг. (том 2 вышел в 1951 г.), маркирует это слово как просторечное: очевидно, это соответствовало принципам создателей 17-томного «Словаря русского литературного языка», предложивших ужесточить нормативную характеристику слова. МАС в 1980-е гг. возвращает помету *Разг.*, а в современном речевом употреблении это слово и вовсе является нейтральным и пометы не требует.

Справочные сведения о пометах не приводятся при словах, впервые описанных в СБД.

Задача создания стилистического справочного отдела сопряжена с рядом трудностей. Прежде всего, в разных словарях и в базе слово может быть разработано с разной степенью семантической глубины (часто это зависит от типа словаря: большой, средний или малый): одно значение, значение и оттенок, значение и истолкованное устойчивое сочетание, несколько значений. Соответственно, семантическую структуру слова в базе сложно соотносить с его описанием в том или ином словаре, что затрудняет приведение сведений о пометах. В таких случаях пометой сопровождается каждое значение, даже если по всем значениям пометы совпадают, и при ней по возможности приводится справочный отдел (рис. 2).

Ушаков 1934: *Разг.*
 Ожегов 1949: *Прост.*
 БАС-1 1951: *В просторечии и обл.*
 МАС 1981: *Прост.*
 БАС-2 1991: *Прост.*
 БТС 1998: *Разг.-стиж.*
 ТСОШ 1992: *Прост.*

- ВАЛА́НДАТЬСЯ**. -а.ю.сь, -а.е.шь.сь, несов. 1. *Разг.* Слишком долго, медленно делать что-л.; напрасно терять время. <...>
2. *Разг. обычно с кем-чем.* Заниматься каким-л. делом, требующим хлопот, времени, возиться. <...>
3. *Прост. Устаревающее.* Поддерживать знакомство, общаться с кем-л. (обычно с оттенком предосудительности). <...>

Ушаков 1934: Разг.
 Ожегов 1949: Прост.
 БАС-1 1951: В просторечии, и обл.
 МАС 1981: Прост.
 БАС-2 1991: Прост.
 ТСОШ 1992: Прост.
 БАС-3 2005: Прост.

ВАЛАНДАТЬСЯ, -аюсь, -аешься, несоев. 1. Разг. Слишком долго, м...ленно делать что-л.; напрасно терять время. <...>

2. Разг. обычно с кем-чем. Заниматься каким-л. делом, требующим хлопот, времени, возиться. <...>

3. Прост. Устаревающее. Поддерживать знакомство, общаться с кем-л. (обычно с оттенком предосудительности). <...>

ВАЛАНДАТЬСЯ, -аюсь, -аешься, несоев. 1. Разг. Слишком долго, м...ленно делать что-л.; напрасно терять время. <...>

2. Разг. обычно с кем-чем. Заниматься каким-л. делом, требующим хлопот, времени, возиться. <...>

3. Прост. Устаревающее. Поддерживать знакомство, общаться с кем-л. (обычно с оттенком предосудительности). <...>

Рис. 2

Для сравнения приведем семантические схемы глагола *валандаться* в цитируемых академических словарях:

<p>Ушаков 1934</p> <p>1. Шататься без определенной цели, бесполезно проводить время.</p> <p>2. Медлительно и бестолково заниматься чем-н., долго возиться с кем-н.</p> <p>3. Возиться с чем-н. жидким, грязным, пачкаться</p>	<p>Ожегов 1960</p> <p>Проводить время, заниматься, возиться с кем-чем-н. медлительно и бестолково</p>	<p>БАС-1 1951</p> <p>1. Мешкать, терять время. ◇ Валандаться с кем- или с чем-нибудь – возиться.</p> <p>2. Шататься без определенной цели</p>	<p>МАС 1986</p> <p>1. Бестолково и медлительно делать что-л.; канителиться.</p> <p>2. Заниматься каким-л. канительным делом, требующим внимания, времени.</p> <p>3. Проводить время с кем-л., водиться с кем-л.</p>
--	--	--	--

<p>БАС-2 1991 1. Слишком долго, медленно делать что-л.; напрасно терять время. // Заниматься каким-л. делом, доставляющим много хлопот, требующим большого труда, возиться. 2. Поддерживать знакомство, общаться с кем-л. (обычно с оттенком предосудительности)</p>	<p>БТС 1998 Бестолково и медленно делать что-н.</p>	<p>ТСОШ 1992 Бестолково возиться с чем-н.</p>	<p>БАС-3 2005 1. Слишком долго, медленно делать что-л.; напрасно терять время. // Заниматься каким-л. делом, доставляющим много хлопот, требующим большого труда, возиться. 2. Поддерживать знакомство, общаться с кем-л. (обычно с оттенком предосудительности)</p>
---	---	---	---

Заметно, что словари либо опускают некоторые из значений, либо объединяют их, поэтому сведения о стилистических пометах приходится дублировать при каждом из значений, описываемых в СБД. Так, в однотоимных словарях часто объединены значения глагола **валáндаться** ‘бесполезно проводить время’ и ‘медлительно заниматься, возиться с чем-н.’, которые другие словари разводят: в СБД сведения о помете в таких словарях приводятся при двух значениях глагола: при первом значении в соответствии с формулировкой издания 1960 г., при втором – с формулировкой 1952 г. Несмотря на то, что в большинстве словарей слово **валáндаться** маркировано как просторечное, в разрабатываемой базе в первых двух значениях оно описывается как разговорное в силу его большой употребительности и отсутствия налета грубости, резкой отрицательной оценки, т.е. тех характеристик, которые потребовали бы постановки пометы *разг.-сниж.* Третье значение остается просторечным и дополняется динамической пометой *Устаревающее*.

Специальные пометы

От словаря к словарю изменяется нормативно-стилистическая характеристика терминологической лексики, отражая резко возросшее за последнее десятилетие стремление общества к расширению науч-

но-популярного знания в различных областях, таких как юриспруденция, экономика, политические основы общества, конфессии, направления в области философии, искусства. Многие термины перестают быть узкоспециальными, становятся известными многим научным дисциплинам или же переходят в разряд общеупотребительных слов. Следует указать на различия в употреблении слова «термин», с одной стороны, в прикладной лингвистике, в теории языков для специальных целей, а с другой – в обиходно-разговорной речи и в литературном языке. В обиходно-разговорной речи и в литературном языке «термин» – это название областей знания, специальных предметов, абстрактных понятий, иногда довольно широко известных многим носителям языка. Именно такие неузкоспециальные термины помещаются в толковые словари обычно с пометой «спец.». Например, **кулон** 'единица измерения электричества в БАС-1 (1956) имеет помету *спец.*, в БАС-3 (2007) приводится без пометы. Маркирование специальной лексики в толковых академических словарях зависит от типа и принципов конкретного словаря. Так, если в больших словарях пометы дифференцированы по отраслям науки и техники, то в однотомных они сводятся, по сути, к двум пометам: *Спец.* и *Проф.* (см., в частности, [3. С. 408–417. Приложения]). Кроме того, основная часть терминов описана в больших словарях, в однотомных словарях многие термины зачастую отсутствуют. В СБД, если слово или значение описано в одних словарях, но отсутствует в других того же периода, это отражается в стилистическом справочном отделе (если слово в каком-либо словаре отсутствует, в справочном отделе данный словарь цитируется с указанием «нет») (рис. 3).

В БАС-3 указание на сферу применения термина часто включено в зону толкования слова, что также необходимо учитывать при составлении стилистического справочного отдела (рис. 4).

В том случае, если термин имеет несколько значений, справка о пометах приводится при каждом значении. Если значения нет в словаре, указывается «нет», если пометы при значении нет, указывается «без пометы» (рис. 5).

В стилистическом справочном отделе СБД необходимо унифицировать стилистическое описание по сравнению с описанием в цитируемом словаре. Например, в БАС-2 слово **вазомоторный** 'относящийся к вазомоторам, связанный с ними' приводится без пометы – помета *Спец.* стоит только при производящем слове **вазомо-**

то́ры, однако это можно считать недочетом словаря и в справочном отделе помета *Спец.* при цитировании БАС-2 указана. В БТС помета *Физиол.* также стоит при существительном **вазомо́торы**, но существительное и прилагательное разработаны в одной словарной статье, что позволяет отнести ее и к существительному, и к прилагательному.

МАС 1981: Физиол.
БАС-2 1991: Спец.
БТС 1998: Физиол.

ВАЗОМОТÓРНЫЙ, *ая, ое. Спец.* Относящийся к деятельности вазомоторов — нервных волокон, регулирующих деятельность кровеносных сосудов. *Вазомоторные центры. Вазомоторный ринит.* ◊ Вазомо́торная реакция. Изменение просвета кровеносных сосудов, ведущее к покраснению кожи, ощущению жара, потливости. *Обычно речь идет о нервных, впечатлительных людях, склонных к вазомоторным реакциям, у которых прилив крови к лицу происходит вообще очень легко.* В.А. Гиляровский, Психиатрия. — *Если вы в смысле нации обиделись, — с некоторой претензией обратился он к казаху, — она тут ни при чем.. Помолчал и, не получив от собеседника реакции, даже вазомоторной, продолжил без всякой связи: — Смотрю, вода течет с потолка.* А. Щербаков, Пах антилопы.

Рис. 3

БАС-1 1957 Спец.
МАС 1982: без пометы
Ожегов 1989: Спец.

ЛЕГÍРОВАТЬ, *рую, руеть, несоев. и сов. перех. Спец.* В металлургии — добавлять дополнительные металлы в основной металл для придания ему определенных свойств. *Небольшими добавками лития легируют чугуны, бронзы, монель-металл, а также сплавы на основе магния, алюминия, цинка, свинца и некоторых других металлов.* Г. Диогенов, Литий.

Рис. 4

Ушаков 1939: *Тех.*
 Ожегов 1949: *Спец.*
 БАС-1 1957: *Спец.*
 МАС 1982: *Тех.*
 БТС 1998: *Техн.*
 ТСОШ 1992: *Спец.*
 БАС-3 2007: без пометы

МАТРИЦА, -ы, ж. 1. *Спец.* Углубленная металлическая форма, применяемая при обработке металла, при отливке типографских литер и т.п. <...>

2. В типографском деле — обратная (углубленная) копия, снимаемая с набора на картоне, свинце, пластмассе и т. п. для отливки стереотипов, с которых производится печатание. <...>

3. В математике — система каких-л. математических величин, расположенных в виде прямоугольной схемы. <...>

Ушаков 1939: *Тип.*
 Ожегов 1952: *Спец.*
 БАС-1 1957: *Спец.*
 МАС 1982: *Папир.*
 БТС 1998: *Типогр.*
 ТСОШ 1992: *Спец.*
 БАС 3 2007: без пометы

1. *Спец.* Углубленная металлическая форма, применяемая при отливке типографских литер и т.п. <...>

2. В типографском деле — обратная (углубленная) копия, снимаемая с набора на картоне, свинце, пластмассе и т. п. для отливки стереотипов, с которых производится печатание. <...>

3. В математике — система каких-л. математических величин, расположенных в виде прямоугольной схемы. <...>

Ушаков 1939: нет
 Ожегов 1989: *Спец.*
 БАС-1 1957: *Спец.*
 МАС 1982: *Мат.*
 БТС 1998: *Матем.*
 ТСОШ 1992: *Спец.*
 БАС 3 2007: без пометы

1. *Спец.* Углубленная металлическая форма, применяемая при отливке типографских литер и т.п. <...>

2. В типографском деле — обратная (углубленная) копия, снимаемая с набора на картоне, свинце, пластмассе и т. п. для отливки стереотипов, с которых производится печатание. <...>

3. В математике — система каких-л. математических величин, расположенных в виде прямоугольной схемы. <...>

Рис. 5

Как можно заметить, специальные пометы изменялись от более специальных к более широким, в соответствии с вхождением термина в литературный язык и расширением его употребления.

Динамические пометы

Все толковые академические словари отмечают как устаревание слов при сохранении реалии (архаизмы), так и утрату в современных (тому или иному словарю) условиях реалии (историзмы). При этом исследования архаизации лексики русского языка показывают, что в процессе устаревания языковые факторы тесно переплетаются с социальными и считать то или иное слово устаревшим только по причине устаревания реалии нельзя. Например, мы можем наблюдать переход в пассивный запас целых пластов лексики после 1917 г.: названий гражданских и военных чинов (обер-прокурор, герольдмейстер, генерал-прокурор, ротмистр, поручик, сотник, корнет, есаул и т.д.), мер и весов (пуд, аршин, фунт и т.п.). А на примере церковной лексики (наименования священнослужителей, предметов культа) можно наблюдать как процесс вытеснения слов из активного употребления, так и возврат спустя 70 лет в лексическую систему современного языка. Таким образом, необходима ретроспективная оценка слова для определения его статуса и соотнесения его с системой современного языка.

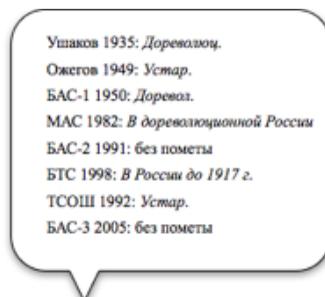
Справочный отдел динамических помет приводится в СБД при словах, снабженных пометами, а также при словах без помет в том случае, если хотя бы в одной из словарей данное слово сопровождалось пометой или его толкование включало указание на хронологическое ограничение (рис. 6).

Здесь при работе над справочным стилистическим отделом в СБД также ожидают трудности, связанные с тем, различает ли цитируемый словарь архаизмы и историзмы, маркирует ли в качестве устаревшего все значения слова или одно из значений, с какой степенью семантической подробности разработано слово и др. Отдельную сложность представляют случаи, когда указания на хронологические особенности реалии включены в толкование, например: *В Древнем Риме*, *В до-револ. России* и др. (рис. 7).

БУДУАР, а, м. 📖 Небольшая комната хозяйки в богатом доме, обычно расположенная рядом со спальней и служившая для отдыха, неофициальных приемов и т.п. <...>

Рис. 6

БЛАГОРОДНЫЙ, .ая, .ое, ден, дна, дно. 1. 📖 Только .полн. ф.
 Относящийся к дворянству, принадлежащий к нему; дворянского происхождения. <...>

Рис. 7

Как показывает приведенный справочный отдел, все словари описывают слово **благородный** в значении 'относящийся к дворянству' как историзм, кроме двух словарей: «Словаря русского языка» под ред. С.И. Ожегова (все издания начиная с 1949 г.) и «Толкового словаря русского языка» под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [6, 10], где оно сопровождается пометой *устар.*, т.е. считается архаизмом. И только «Большой академический словарь русского языка» (во втором и третьем издании [9, 4]) приводит слово без пометы.

Разница в объеме словника словарей большого, среднего и малого типов ведет к разной представленности в них стилистически маркированной лексики, поэтому даже в случае отсутствия слова в словаре, но представленности его в более ранних словарях в справочном отделе словарь все равно цитируется (с указанием «нет») (рис. 8).

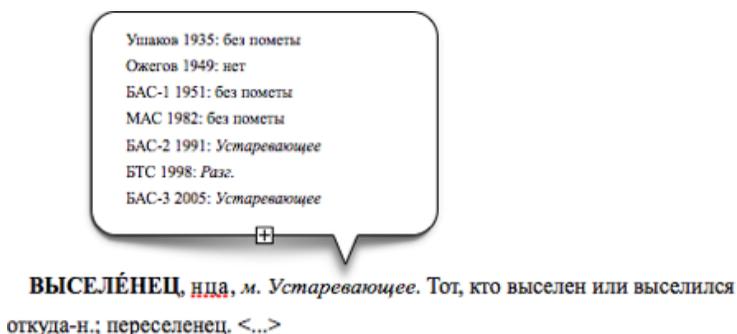

Рис. 8

Выводы

Русский язык конца XX – начала XXI в. характеризуется значительными изменениями, затрагивающими прежде всего лексическую систему русского языка. Следствием глобальных социальных, экономических, политических перемен, открытости современного общества, массовости международных связей и контактов являются многочисленные заимствования; происходит стремительное устаревание огромного количества слов, связанных с реалиями советской эпохи. «Интенсивная демократизация языка... привела к тому, что потоки сниженной, жаргонной... лексики вышли за пределы своей социальной среды и стали достоянием всех жанров, требующих экспрессии» [18. С. 186]. Кроме того, в информационную эпоху меняется роль словарей в обществе, равно как и сценарии их использования: словари переселяются с книжных полок в Интернет и мобильные устройства. Цифровые технологии открывают новые возможности и в создании словарей: отход от фиксированной структуры словаря и словарной статьи, различные виды лексикографической информации, оперативное пополнение и изменение информации, открытость проекта для общественности.

Наиболее удобным для пользователя нам видится не классический словарь, пусть и электронный, но словарная база данных, дающая возможность максимально полного словника, детализированного описания слова и включения широкого иллюстративного материала. СБД, основанная на данных БАС-3 и предшествующих словарей русского языка академического типа, но при этом постоянно пополняющаяся, будет включать лексику различных стилистических пластов. Нормативная оценка этой лексики требует соотнесения ее с актуальными языковыми нормами, которые также постоянно изменяются, отвечая на языковые изменения конца XX – начала XXI в., демократизацию общества и языка. В отечественной лексикографии сложились традиция стилистического маркирования слов и система стилистических помет, которыми невозможно пренебречь при создании словарной базы. СБД дает возможность соотнести слово по определенным параметрам описания как с другими словами в базе, так и с данными предшествующих словарей. Для стилистического параметра предлагается создание при слове (а при необходимости и при каждом из его значений) справочного отдела стилистических помет, в котором была бы собрана информация о нормативно-стилистических пометах в словарях XX в. со времени первого включения слова.

Однако формирование свода сведений о том, какими пометами сопровождалось слово в толковых академических словарях разного времени и разных типов, оказалось связано с рядом сложностей, вызванных различной глубиной семантической разработанности слова в том или ином словаре, разницей в подходах авторов словарей к нормативности и изменением статуса самого слова в системе литературного языка.

Тем не менее обзор постановки нормативно-стилистических помет в академических словарях XX в. демонстрирует, как толкуемое слово воспринималось лексикографами в разные эпохи, а текстовые иллюстрации в словарной статье в СБД, с указанием года публикации источника, помогут пользователю базы соотнести предлагаемую стилистическую характеристику слова с его употреблением в современной речи и самому сделать выводы о том, насколько та или иная помета соответствует языковой реальности.

Стилистический справочный отдел в СБД является инструментом анализа стилистического параметра лексики русского литературного

языка. Разработанный инструмент позволит моделировать систему современного русского литературного языка с точки зрения ее нормативности.

Литература

1. *Купина Н.А., Шалина И.В.* Просторечие и вопросы ортологии // Вопросы культуры речи / под ред. А.Д. Шмелева. М., 2007. С. 73–93.
2. *Клеменчук С.В.* Проблема разграничения разговорных (литературных) и просторечных слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 2 (6). С. 76–80.
3. *Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д.* Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / под ред. В.М. Круглова. СПб. : Нестор-История, 2015. 442 с.
4. *Большой академический словарь русского языка* / под ред. К.С. Горбачевича, А.С. Герда. Т. 1–23. СПб. : Наука, 2004–2014 (издание продолжается).
5. *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1934–1940. Т. 1–4.
6. *Толковый словарь русского языка* / сост. С.И. Ожегов; под ред. С.П. Обнорского. 3-е изд. М., 1949; 1952; 9-е изд. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1972; 21-е изд. М., 1989.
7. *Словарь современного русского литературного языка*. Т. 1–17. М. ; Л. : Изд-во АН СССР: Наука, 1950–1965.
8. *Словарь русского языка* / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1981–1984. Т. 1–4.
9. *Словарь современного русского литературного языка*. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1991–1994. Т. 1–6.
10. *Толковый словарь русского языка* / сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1992; 2-е изд. М., 1994; 4-е изд. М., 1997.
11. *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.
12. *Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка»* (в пятнадцати томах) / под ред. С.П. Обнорского, С.Г. Бархударова и др. М. ; Л. : АН ССР, 1958. 86 с.
13. *Виноградов В.В.* Семнадцатитомный академический Словарь современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 20–25.
14. *Большаков И.А.* КроссЛексика – большой электронный словарь сочетаний и смысловых связей русских слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Междунар. конф. «Диалог 2009». М., 2009. Вып. 8 (15). С. 45–50.
15. *Большаков И.А., Гельбух А.Ф.* Большой электронный словарь как политематический справочник и формирователь запросов к интернету // Диалог 2011 : материалы междунар. конф. М., 2011. С. 124–134.
16. *Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.* База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности ис-

пользования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (34). С. 70–85.

17. Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38.

18. Складневская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Сеул. 2006. № 6. С. 177–202.

THE LEXICON OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: DESCRIBING NORMATIVE AND STYLISTIC CHARACTERISTICS IN THE DICTIONARY DATABASE

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 13, pp. 23–43.

DOI: 10.17223/22274200/13/2

Elizaveta V. Puritskaya, Dmitry I. Pankov, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: purichi@list.ru / mitr1979@gmail.com

Keywords: academic lexicography, dictionary, dictionary database, usage labels, normative and stylistic labels, Russian language.

The article deals with the normative and stylistic characteristics of the lexicon in the academic dictionaries of the Russian language and their reflection in the electronic dictionary database (EDD). Each normative dictionary adopts certain principles of vocabulary normative qualification; however, in practice, it is very difficult, if at all possible, to apply objective criteria for stylistic labels, and dictionaries are not always consistent and often contradictory in how they label words. Meanwhile, users of dictionaries need to know what stylistic register corresponds to a particular word. The data on labels from many (all) dictionaries collected for one word can provide a relevant user's guide. Academic dictionaries have a reference part in the dictionary entry, but the size of the traditional dictionary limits the information about labels the word has been associated with throughout its "dictionary history": this is possible only in electronic form, although not in an electronic dictionary that duplicates a "paper" dictionary, but in the electronic dictionary database (EDD).

The EDD is developed on the basis of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* and on its principles. The principles and issues of forming the stylistic reference part in the EDD for words with stylistic, terminological and temporal labels are described. However, collecting information about how the labels accompanied the word in academic dictionaries of different time and different types faced a number of difficulties caused by the different depth of the semantic development of the word in a dictionary, the difference in the approaches of the authors of dictionaries to normality, and the change in the status of the word itself in the system of literary language. Nevertheless, the survey of the formulation of usage labels shows how the interpreted word was perceived by lexicographers at different epochs, while text illustrations in the dictionary entry in the EDD, indicating the year of publication of the source, will help the user of the database to relate the proposed stylistic characteristic of the word with its

use in modern speech and draw conclusions about the extent to which this or that label corresponds to the language reality.

References

1. Kupina, N.A. & Shalina, I.V. (2007) *Prostorechie i voprosy ortologii* [Proverb and issues of orthology]. In: Shmelev, A.D. (ed.) *Voprosy kul'tury rechi* [Issues of the culture of speech]. Moscow: Nauka.
2. Klemenchuk, S.V. (2010) Problema razgranicheniya razgovornykh (literaturnykh) i prostorechnykh slov [The problem of distinguishing between colloquial (literary) and vulgar words]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2 (6). pp. 76–80.
3. Kruglov, V.M., Istratiy, V.V., Gamirova, D.R. & Kaplan, E.D. (2015) *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka* [Normative-stylistic labels in explanatory academic dictionaries of the Russian language]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
4. Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (eds) (2004–2014) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Great Academic Dictionary of the Russian language]. Vols 1–23. St. Petersburg: Nauka.
5. Ushakov, D.N. (ed.) (1934–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vols 1–4. Moscow: Sov. entsikl.: OGIZ.
6. Ozhegov, S.I. (1982) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 21st ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
7. Shakhmatov, A.A. (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vols 1–17. Moscow; Leningrad: USSR AS: Nauka.
8. Evgen'eva, A.P. (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. 2nd ed. Vols 1–4. Moscow: Rus. yaz.
9. Sorokoletov, F.P. & Gorbachevich, K.S. (eds) (1991–1994) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. 2nd ed. Vols 1–6. Moscow: Rus. yaz.
10. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Az'.
11. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
12. Obnorskiy, S.P. et al. (eds) (1958) *Instruktsiya dlya sostavleniya "Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka" (v pyatnadsati tomakh)* [Instructions for compiling the "Dictionary of the Modern Russian Literary Language" (in fifteen volumes)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
13. Vinogradov, V.V. (1966) *Semnadsatimnyy akademicheskii Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The Seventeen-Volume Academic Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 20–25.
14. Bol'shakov, I.A. (2009) [KrossLeksika, a large electronic dictionary of combinations and semantic connections of Russian words]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computer Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the international conference "Dialog 2009". 8 (15). pp. 45–50. (In Russian).

15. Bol'shakov, I.A. & Gel'bukh, A.F. (2011) Bol'shoy elektronnyy slovar' kak politematischeskiy spravochnik i formirovatel' zaprosov k internetu [A large electronic dictionary as a polytechnical reference book and the generator of requests for the Internet]. *Proceedings of the international conference "Dialog 2011"*. Moscow: RSUH. pp. 124–134. (In Russian).
16. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) A database of pragmatically marked lexical items of the Russian language: the content, principles of description, and possibility of using. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6 (34). pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06
17. Kochergina, K.S. (2017) Stylistic labels in dictionaries of the modern Russian language: a comparative analysis. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 20–38. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/2
18. Sklyarevskaya, G.N. (2006) Slovo v menyayushchemsya mire: russkiy yazyk nachala XXI stoletiya: sostoyanie, problemy, perspektivy [A word in a changing world: Russian language of the beginning of the 21st century: status, problems, prospects]. *Issledovaniya po slavyanskim yazykam*. 6. pp. 177–202.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/22274200/13/3

А.В. Хизниченко, Л.Б. Крюкова

ПРОЕКТ СЛОВАРЯ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОБРАЗОВ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА Б.Л. ПАСТЕРНАКА

Предложен проект авторского словаря, в котором описываются перцептивные образы поэтического творчества Б.Л. Пастернака. Освещены общие установки и принципы создания словаря подобного типа. Указаны основания для выделения перцептивных единиц и их классификация. Представлен вариант словарной статьи (перцептивный образ «тишина»), в рамках которой особое место занимает зона комментариев. В центре внимания – идиостильевые особенности исследуемых единиц и их текстообразующий потенциал.

Ключевые слова: *перцептивная единица, образ, идиостиль, авторский словарь, восприятие.*

История вопроса. Авторская лексикография в отечественном языкознании имеет более чем полуторавековую историю. Авторские словари (словари языка писателя, индивидуально-авторские словари) – это комплексный тип словарей, в которых содержатся и объясняются слова, употребляющиеся в сочинениях определённого автора. Эти слова «являются своего рода путеводителями по творчеству писателя, ключом к правильному пониманию текста автора, пособием при изучении языкового и литературного стилей писателя» [1. С. 173].

Существуют различные основания для классификации авторских словарей, в частности, выделяют словари монографические и сводные, объяснительные и фиксирующие, нормативные и стилистические, энциклопедические и лингвистические. К разновидностям словарей по лексикографической форме относятся частотные справочники (индексы), конкордансы (словоуказатели), глоссарии и толковые словари к отдельному произведению или творчеству писателя в целом [2, 3]. «Основу комплексного типа авторского словаря создали в своей совокупности именно словари языка писателей, представляющие лексикографическую интерпретацию художественного языка как части национального языка» [3. С. 3].

В докторской диссертации «Русская авторская лексикография: теория, история, современность» Л.Л. Шестакова представляет обзор основных этапов авторской лексикографии (далее АЛ), выделяя три основных периода [3]: первый характеризуется появлением словарей языка писателей-классиков, созданных на материале различных родов и жанров; второй – развитием теории АЛ и созданием нового типа авторских словарей (например, полный толковый словарь языка писателя – «Словарь языка Пушкина» в 4 т. под ред. В.В. Виноградова [4]); третий – дальнейшей разработкой теоретических и прикладных аспектов АЛ и выделением в 1970-е гг. отдельного направления – поэтической лексикографии. Л.Л. Шестакова подчеркивает: «...термин поэтическая лексикография характерен именно для русской АЛ, опирающейся на богатые традиции в изучении языка стихотворных текстов» [3. С. 12–13].

Достижения русской авторской лексикографии XIX–XX вв. обобщены в антологии под редакцией Ю.Н. Караулова, включающей фрагменты более чем 70 авторских справочников, которые служат основой для исследований в области теории семантики, поэтики, стилистики, лингвоперсонологии [5].

Подробный обзор авторских словарей различных типов не является задачей авторов предлагаемой статьи: внимание сосредоточено на группе словарей, в которых актуализируется семантико-стилистический аспект исследуемых языковых единиц. Материалом могут служить все творчество автора, отдельный сборник произведений или пласт языковых единиц, произведения определенной эпохи, например: «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой», «Словарь индивидуально-авторских слов В. Высоцкого», «Словарь образных средств С. Есенина» и др. [6]. В подобных словарях в центре внимания не единицы плана выражения, а образования, позволяющие описать особенности семантической структуры текста и стилистического использования в нем языковых средств.

Актуальность предлагаемого проекта обусловлена тем, что в настоящее время не существует отдельного авторского словаря, посвященного художественному творчеству Б.Л. Пастернака. Имеющийся «Словарь языка русской поэзии XX века» [7] является словарем сводного типа и создан на материале произведений поэтов Серебряного века: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой.

Проект «Словаря метафор русской поэзии начала XX века» нацелен на выявление «всей лексической парадигмы начала XX в., вовлеченной в метафорический процесс». Материалом служат поэтические тексты А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского, А. Ахматовой, Н. Гумилева, И. Анненского, О. Мандельштама, В. Брюсова, Н. Городецкого, М. Волошина, К. Бальмонта, Д. Бедного, Э. Багрицкого и др. [8].

Таким образом, разрабатываемый словарь перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака, с одной стороны, является абсолютно новым проектом в рамках современной лингвосенсорики; с другой стороны, может быть рассмотрен как дальнейшая (более частная) разработка идеи, обозначенной в «Словаре поэтических образов» Н.В. Павлович, о том, что «каждый образ существует в языке не сам по себе, а в ряду других – внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов – и вместе с ними реализует некий общий для них смысловой инвариант, т.е. модель, или парадигму» [9. С. 29].

Постановка проблемы. Основные понятия. Одной из «точек опоры» при изучении индивидуальных особенностей речи художников слова в современном языкознании становится вербализация перцептивных процессов. Ю.Д. Апресян, описывая основные системы, на которых базируется образ человека с точки зрения наивной картины мира, указывает на первичность физического восприятия, локализованного в органах восприятия. Также важна тесная связь восприятия с мышлением, интеллектом, желаниями, эмоциями человека [10. С. 357–358, 547–549]. Словарные статьи, посвященные номинациям органов и инструментов восприятия (например, *взгляд, взор, глаза*), представленные в «Новом объяснительном словаре синонимов» под ред. Ю.Д. Апресяна [11], являются «базовыми» для исследований семантики перцептивности в различных типах текстов, в первую очередь художественных.

О.Ю. Авдвинина, автор монографии «Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации», отмечает, что художественный текст – главное смысловое пространство реализации категории восприятия: именно в условиях художественного функционирования появляются динамика, разнообразие и системная организация перцептивных значений [12. С. 56]. Одним из самых продуктивных способов изучения идиостиля в рамках лингвоперсонологического подхода – описание и анализ лексических

единиц со значением того или иного типа чувственного восприятия и специфики их функционирования в творчестве конкретного автора [13. С. 12].

Так как средства выражения перцептивной семантики в современном русском языке не ограничены единицами лексического уровня, то встает вопрос о систематизации перцептивных единиц и определении самого термина. В рамках художественного произведения (с опорой на текстообразующую функцию) **перцептивные единицы** могут быть определены как языковые средства выражения перцептивного (художественного) образа, а основанием для классификации становится модус перцепции: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус. Одним из возможных способов систематизации перцептивных единиц, как и других языковых единиц, является разработка авторского словаря перцептивных образов.

Подобный словарь не должен становиться лишь частью авторского поэтического словаря и представлять собой перечень слов с перцептивной семантикой, которые встречаются в текстах поэта (Б.Л. Пастернака): *пахнуть, слышать, видеть, звук, пение* и т.д. Важный фактор – нацеленность такого словаря на раскрытие идиостилевых особенностей поэтического текста, что вызывает необходимость «введения» термина **перцептивный образ**, активно используемого в психологии.

А.Н. Леонтьев обращает внимание на взаимодействие в перцептивном образе трех основных компонентов – чувственной ткани, значения, личностного смысла. Чувственная ткань делает восприятие предмета реальным, т.е. относит его к реальности внешнего мира – существующей объективно. Значение приводит восприятие к существующей норме (обычно выраженной в языке – слове, понятии), личностный смысл придает восприятию личностную определенность, окрашенность, выраженность (в частности, в речевой и мотивационной сфере) [14. С. 251–261].

В контексте предлагаемой статьи (проекта) перцептивный образ рассматривается в качестве видового понятия по отношению к словесному художественному образу, который Н.С. Валгина характеризует как «способ конкретно-чувственного воспроизведения действительности в соответствии с избранным эстетическим идеалом» [15. С. 124]. В.В. Виноградов определяет словесный образ как «образ, воплощенный в словесной ткани литературно-эстетического объекта, созданный из слов и посредством слов» [16. С. 94–95]. Выделяют об-

раз-индикатор (реализация прямого значения, «проявление смысла»), образ-троп (переосмысление на основе метафоризации), образ-символ (образ, выходящий за пределы контекста и закрепленный традицией употребления). В поэтическом произведении движение от конкретного смысла (наглядность, зрительность, картинность) к переносному и отвлеченному является композиционным приемом [15. С. 125–126].

Опираясь на вышесказанное, можно говорить о разработке словаря перцептивных образов, которые в художественном тексте реализованы посредством перцептивных единиц.

Основаниями для выделения перцептивных единиц является их способность:

- 1) «создавать» в тексте перцептивный художественный образ (эстетическое основание);
- 2) «маркировать» в тексте пропозицию восприятия (семантическое основание).

И в том и в другом случае в центре внимания находятся текстообразующие возможности перцептивных единиц. Исследуемые единицы в соответствии с основным значением в русском языке могут быть разделены на две группы:

- 1) языковые единицы, прямое словарное значение которых включает сему «восприятие» (*звук, взгляд, запах* и др.);
- 2) языковые единицы, прямое словарное значение которых не включает сему «восприятие» (*сирень, соловей, роза* и др.), а имеет лишь «косвенные указания» на такую возможность (*соловей поет, сирень пахнет*). Так называемые маркеры восприятия ярко демонстрируют индивидуально-авторские особенности образной системы поэта.

И те и другие перцептивные единицы в рамках художественного поэтического произведения могут реализовать прямое или переносное значение в зависимости от авторской задачи и индивидуальной манеры письма (идиостилевых особенностей).

Предложенные основания для создания словаря перцептивных образов и представленный далее вариант словарной статьи базируются на проведенном ранее исследовании способов языковой репрезентации ситуации чувственного восприятия в поэтических текстах Б.Л. Пастернака [17]. Перцептивные единицы становятся основой для создания ключевых художественных образов, способствуют смысловому развертыванию текста, участвуют в композиционной организа-

ции стихотворений и являются характерной чертой авторского идиостиля. В 499 непереводаемых стихотворениях Б.Л. Пастернака [18] выявлено 2512 высказываний, реализующих семантику всех типов чувственного восприятия. Именно эти «показатели» подтверждают, что перцептивный фрагмент художественной картины мира Б.Л. Пастернака нуждается в системном описании.

Проект словаря. Лингвистический материал, представленный в «Словаре перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака», характеризуется по трем основаниям: план содержания (ограниченный круг перцептивных единиц, принципы выделения которых были представлены выше), план выражения (систематизация с учетом морфологического признака), функциональная нагрузка (собственно идиостилевой аспект).

Словарь содержит параметр частотности (основной корпус словаря дополнен частотным словарем, фиксирующим словоформы), который позволяет сделать объективные статистические выводы об иерархии модусов перцепции и их важности для авторского мировосприятия. Также продемонстрированы собственно контекстные употребления слов для определения индивидуально-авторских смысловых наращений. Так как словарь составляется с учетом идиостилевого аспекта, к заглавным формам дан комментарий. Важно уйти от простой фиксации прямых и переносных значений слова в поэтическом тексте: необходимо отталкиваться от самого текста, не рассматривая речевой материал лишь как иллюстрацию к словарным дефинициям.

Словарь перцептивных образов, отражающий индивидуально-авторские особенности поэтики, может быть квалифицирован как систематизированный по типам восприятия идеографический словарь, лингвопоэтический потенциал которого вскрывается, в частности, при сопоставлении его с материалами авторских словарей других типов. В рамках проекта ведется подготовка традиционной «бумажной» версии словаря. Словарь объединяет в себе все перцептивные единицы, репрезентирующие перцептивные художественные образы в творчестве Б.Л. Пастернака, и представляет перцептивную систему взглядов автора, индивидуально-авторскую вселенную восприятия, «рассредоточенную» по текстам разных периодов творчества и раскрывающую новые глубины идиостиля.

Ключевые перцептивные образы, сопровождающие все периоды творчества Б.Л. Пастернака, могут представлять одно чувственное

ощущение (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) или быть комплексными (полимодальными), воплощающими впечатления от двух и более органов чувств. Этот факт становится тематическим основанием для систематизации образов в словаре. Комплексные образы присутствуют сразу в нескольких разделах словаря, что находит отражение во внутренних ссылках (например, *сирень* – перцептивный образ, включенный в «зрительное восприятие» и «восприятие запаха»). В рамках некоторых разделов выделяются подразделы, например «Слуховое восприятие»: «Музыка и пение», «Звуки материального мира», «Звуки природы» и др.; «Зрительное восприятие»: «Цвет», «Свет», «Форма» и т.д. Перцептивный художественный образ репрезентируется одной или несколькими языковыми единицами.

К наиболее ярким и знаковым художественным перцептивным образам в поэзии Б.Л. Пастернака, отраженным в словаре, относятся: зрительные – *свеча, звезда, снег* и др.; слуховые – *колокол, орган, шаги* и др.; тактильные – *поцелуй, холод, клей* и др.; одоративные – *липа, роза, ладан, табак* и др. Комплексными являются образы: времена года и некоторые месяцы (*март, апрель, июль, август, сентябрь, октябрь*), явления природы: *дождь (ливень), гроза (предгрозье), звезда, сирень*; локации: *город, сад, лес, море*; растения: *сирень, мандарин, полынь*; проявления чувств и эмоций: *слезы, рыдание* и др.

Предлагаемая в «Словаре перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака» форма словарной статьи разработана с опорой на нормативные словари и «Словарь языка русской поэзии XX века» [7]. В ее структуре выделено четыре зоны:

- заголовочное слово, которое называет перцептивный образ;
- зона способов языковой репрезентации (она делится на группы и подгруппы «существительное», «словосочетания с существительным», «прилагательное», «глагол», «словосочетания с глаголом» и др. с указанием количества словоупотреблений);
- зона контекстов, которая демонстрирует все случаи употребления в поэтических текстах Б.Л. Пастернака с указанием названия стихотворения, года и номера строки;
- зона комментариев и образных средств, в которой приводятся лингвопоэтические наблюдения составителей, включает указания на контексты, отражающие примеры реализации метафор, сравнений, олицетворений и других изобразительно-выразительных средств с соответствующим перцептивным основанием.

В качестве примера рассмотрим оформление словарной статьи – перцептивный образ *тишина* (очевидная свернутая пропозиция, раздел «Слуховое восприятие»).

Тишина

– *тишина* (15), *тишь* (13), *затишье* (3), *затишь* (2), *безмолвие* / *безмолвье* (5), *молчанье* (2), *глухота* (1), *ни звука* (1); *гробовая тишь* (2); *губы на замке* (1), *ушей нет* (1);

– *тихий* (1) / *тише* (1) / *тих* (1) / *тиха* (1), *немой* (1) / *немы* (1), *глухой* (1) / *глух* (1), *наиглушайший* (1), *неслышный* (1);

– *молчать* (6), *стихать* (2) / *стихнуть* (2) / *притихнуть* (1); *безмолвствовать* (2), *глохнуть* (1); *зажать рот* (1);

– *стихий* (1), *смокнувший* (1);

– *тихо* (1).

1) *Пустынный вечер, стертый птицей, / Затишьем* каплет с вышины («Опять весна в висках стучится...», 1910, 3–4);

2) *О, этот шелестящий коленкор / Повешенных в парче своей орешин, / И как нездеишний шорох этот смешан / С молчаньем ангела и звоном* бус и шпор («И мимо непробудного трюмо...», между 1910 и 1912, 5–8);

3) *А дальше – пруды, а дальше – / Змеєю гниет тишина* («Баллада», 1916, 53–54);

4) *И сыплется рыхлая тишь* с высоты («Баллада», 1916, 76);

5) *В запорошенной тишине, / Намошкой,* как шинель («Еще более душный рассвет», 1917, 26–27);

6) *Как наливается тишь!* («Наброски к фантазии “Поэма о ближнем”», 1917, 97);

7) *Тишина, ты – лучшее / Из всего, что слышал* («Звезды летом», 1917, 6–7);

8) *Если губы на замке, / Вешай с улицы другой* («Дик прием был, дик приход...», 1917, 7–8);

9) *И дум твоих безмолвие* бушует («Драматические отрывки», 1917, 87);

10) *Как спать, когда безмолвье* дум твоих / *Бросает в трепет тишь,* бурьян и звезды («Драматические отрывки», 1917, 90–91);

11) *Часто казалось, ушей нет, / В мире такая затишь! / Затишь* кораблекрушенья, – / *Часто казалось, спятишь* («Наброски к фантазии “Поэма о ближнем”», 1917, 85–88);

12) *А здесь стояла тишь, как в сердце катакомбы* («Русская революция», 1918, 45);

13) *И в этой тишине / Почудилось: вдали курьерский неся, пломбы / Тряслись, и взвод курков мерещился стране* («Русская революция», 1918, 46–48);

14) *Ожиданье, сменившее крик: «Отзовись!» / Или эхо другой тишины* («Может статься так, может иначе...», 1918–19, 43–44);

15) *Которым на зиму замазкой / Зажать не вызвались бы рот?* («Косых картин, летящих ливня...», 1922, 7–8);

16) *И если сон твой впрямь был страшен, / То он был там, где, шпатов пашен / Стуча, шагает тишина* («Голод», 1922, 2–4);

17) *Все это режет слух тишины, / Вернувшейся с войны* («Высокая болезнь», 1923, 1928, 29–30);

18) *На ту особенную тишь, / Что спит, окутав округ целый* («Высокая болезнь», 1923, 1928, 71–72);

19) *Когда в тиши речной таможни, / В морозной тишине земли / Сухой, опешившей, порожней / Лишь слышалось, как сзади шли* («9-е января», 1925, 74–78);

20) *В одной из крайних комнат тишина, / Облапив шар, ложится под бильярдом* («Двадцать строф с предисловием», 1925, 39–40);

21) *И в вышине струной визиги / Загнувшаяся тишина* («Мороз», 1927, 15–16);

22) *Жарка папоротники. Ни звука. / Муха не сядет. И зверь не сягнет. / Птица не порхнет – палящее лето. / Лист не шелохнет – и пальмы стеной* («Будущее! Облака встрепанный бок!..», 1931, 8–11);

23) *Синие линии пиний. Ни звука* («Будущее! Облака встрепанный бок!..», 1931, 23);

24) *Здесь будет облик гор в покое. / Обман безмолвья, гул во рву; / Их тишь; стесненное, крутое / Волнение первых рандеву* («Волны», 1931, 73–76);

25) *Все громкой тишиной дымилось, / Как звон во все колокола* («Волны», 1931, 143–144).

Комментарии: В поэзии Б.Л. Пастернака тишина регулярно связана со сном, зимой, холодом и смертью (что соответствует поэтической традиции). Беззвучие приобретает негативные коннотации в ситуации настороженности («затишьем перед бурей»). Позитивное восприятие тишины встречается реже (например, создание таинственной атмосферы июльской ночи). Тишина как повод вслушаться в мир,

прозреть, добраться до сути вещей, она обостряет воображение, мыслительную деятельность, удваивает чуткость и способность воспринимать не столько физически, сколько интуитивно.

В процессе вербализации художественного образа *тишины* наиболее частотными изобразительно-выразительными средствами становятся метафоры (примеры контекстов 1, 4, 5, 6, 10, 21, 23), среди которых можно выделить и синестетические (4). Регулярно встречаются олицетворения (16, 17, 18, 20) и сравнения (3, 12). Необходимо обратить внимание на примеры оксюморона (9, 14, 25), когда в рамках одного контекста используются слова с семантикой звучания и его отсутствия. Поэтический материал иллюстрирует авторскую позицию, заключающуюся в том, что *тишина* не может быть абсолютной, именно звучание является одним из важнейших проявлений жизни.

Заключение. Подготовка «Словаря перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака» – процесс трудоемкий. Это обусловлено тем, что в стихотворениях поэта отражены бесконечные ассоциативные связи. Например, дождь и молния сопровождают грозу, в послегрозовой воздух вплетаются запахи сирени, сирень, в свою очередь, связана с образом сада, сад – с образом соловья и т.д. Структура образа сложна, так как представляет собой взаимоотражение предметов и явлений друг в друге. «Существуют миллионы и миллиарды иных связей, о которых мы часто даже не подозреваем. И художественный образ, открывая эти другие, не увиденные никем связи, приоткрывает нам двери в бесконечное таинство жизни», являясь неожиданной и преображенной моделью мира» [19].

Проект «Словаря перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака» направлен на то, чтобы детально и многоаспектно описать индивидуально-авторскую картину мира поэта. Он открывает широкие возможности для сопоставительного анализа языковых средств выражения отдельных перцептивных образов в творчестве разных авторов (например, образ *тишины* в поэзии Б.Л. Пастернака и А.А. Блока, образ *моря* в стихотворениях Б.Л. Пастернака и М.И. Цветаевой и др.).

Литература

1. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М. : Наука : Флинта, 2008. 432 с.

2. Карпова О.М. Словари языка писателей. М. : Изд-во Моск. полиграф. ин-та, 1989. 107 с.

3. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 43 с.

4. *Словарь языка А.С. Пушкина* : в 4 т. / отв. ред. В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000. Т. 1: А–Ж. 982 с.; Т. 2: З–Н. 1088 с.; Т. 3: О–Р. 1296 с.; Т. 4: С–Я. 1296 с.

5. *Русская авторская лексикография XIX–XX веков: антология* / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2002. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5309> (дата обращения: 23.01.2018).

6. Шестакова Л.Л. Авторская лексикография в отечественном языкознании. М., 2001. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_103 (дата обращения: 23.01.2018).

7. *Словарь языка русской поэзии XX века* / отв. ред. В.П. Григорьев. Т. 1: А–В. М. : Языки славянской культуры, 2001. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5373> (дата обращения: 23.01.2018).

8. Туранина Н.А. Проблемы создания авторских словарей метафор // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2008. Вып. 4, ч. 1. С. 198–202.

9. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков : в 2 т. 2-е изд., стер. М. : Эдиториал УРСС, 2007. Т. 1. 848 с.; Т. 2. 896 с.

10. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

11. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / отв. ред. Ю.Д. Апресян. 2-е изд., испр. и доп. М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.

12. Авдеевнина О.Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 340 с.

13. Корячканкова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Vrnо : Masarykova univerzita, 2016. 236 с.

14. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М. : Педагогика, 1983. Т. 1. 392 с.

15. Валгина Н.С. Теория текста. М. : Логос, 2004. 280 с.

16. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М. : Гослитиздат, 1959. 656 с.

17. Двизова А.В. Ситуация чувственного восприятия и способы ее языковой репрезентации в поэзии Б.Л. Пастернака : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 24 с.

18. Пастернак Б.Л. Стихотворения и поэмы : в 2 т. Л. : Сов. писатель, 1990. Т. 1. 504 с.; Т. 2. 368 с.

19. Николаев А.И. Основы литературоведения: учеб. пособие для студентов филологических специальностей. Иваново : ЛИСТОС, 2011. 255 с. URL: <https://www.listos.biz/филология/николаев-а-и-основы-литературоведения/художественная-лексика>

жественный-образ-как-преображенная-модель-мира (дата обращения: 23.01.2018).

THE PROJECT OF THE DICTIONARY OF PERCEPTUAL IMAGES USED IN B. PASTERNAK'S POETIC WORKS

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 13, pp. 44–57.

DOI: 10.17223/22274200/13/3

Anna V. Khiznichenko, Larisa B. Kryukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anna_khiznichenko@mail.ru / lar-kryukova@yandex.ru

Keywords: perceptual unit, imagery, individual style, author's dictionary, perception.

In the article, the project of the dictionary of perceptual images used in B.L. Pasternak's poetic works is represented. The main objective of the creation of the dictionary is a detailed and multidimensional description of a significant fragment of the author's individual worldview taking into account the features of Pasternak's imagery and the text production potential of perceptual units. Perceptual units are defined as linguistic means of representation of perceptual images which can be systematized by the perception mode: vision, audio perception, tactile sense, sense of smell and taste. In the context of the offered research, perceptual imagery is considered as a subordinate concept in relation to verbal imagery. The bases for separating perceptual units is their ability: 1) "to create" perceptual imagery (the aesthetic basis); 2) "to mark" a perception proposition in the text (a proposition as a linguistic model of a situation) (the semantic basis).

The study material is 499 original poems written by Pasternak in which 2 512 utterances representing semantics of all types of sensory perception were revealed. In the course of work, the following methods are used: the method of semantic and contextual analysis of linguistic units of different levels, the lexicographical method, and elements of the linguistic and stylistic analysis of literary texts.

The presented variant of the dictionary entry (the perceptual image "silence") includes four zones: 1) the head word (names the perceptual image); 2) the zone of ways of linguistic representation (taking into account morphological features, with the indication of the number of contexts); 3) the zone of contexts which shows all uses of the unit in Pasternak's poetic texts with the indication of the name, the year and the line of the poem; 4) the zone of commentaries and the author's imagery in which language-poetical remarks of dictionary makers are given. The zone includes the most exemplary instances of expressive means verbalization, for example, "metaphor", "reification", "comparison", etc.

The dictionary of perceptual images mandatorily contains the frequency parameter, and demonstrates the contextual uses of words for determining the author's individual semantic accretions. The dictionary of perceptual images reflects the author's individual features of poetics and can be qualified as an ideographic dictionary systematized by perception types. The key perceptual images observed in all the periods of Pasternak's poetic creativity can represent one or several types of sensory perception and be presented by the means of various linguistic levels.

The visual presentation of perceptual imagery in the form of the author's dictionary gives a chance to trace traditions and innovations in Pasternak's poetic texts and opens opportunities for the comparative analysis of linguistic means of representation of separate perceptual images in works of different authors.

References

1. Dubichinskiy, V.V. (2008) *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian language]. Moscow: Nauka: Flinta.
2. Karpova, O.M. (1989) *Slovari yazyka pisateley* [Dictionaries of the language of writers]. Moscow: Izd-vo Mosk. poligraf. in-ta.
3. Shestakova, L.L. (2012) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: theory, history, modernity]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
4. Vinogradov, V.V. (ed.) (2000) *Slovar' yazyka A.S. Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of A.S. Pushkin's language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Azbukovnik.
5. Karaulov, Yu.N. (2002) *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vekov: antologiya* [Russian author lexicography of the 19th–20th centuries]. Moscow: AST – Astrel', Russkie slovari. [Online] Available from: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5309>. (Accessed: 23.01.2018).
6. Shestakova, L.L. (2001) *Avtorskaya leksikografiya v otechestvennom yazykoznanii* [Author lexicography in Russian linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. [Online] Available from: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_103. (Accessed: 23.01.2018).
7. Grigor'ev, V.P. (ed.) (2001) *Slovar' yazyka russkoj poezii XX veka* [Dictionary of the language of Russian poetry of the twentieth century]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, [Online] Available from: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5373>. (Accessed: 23.01.2018).
8. Turanina, N.A. (2008) Problemy sozdaniya avtorskikh slovarej metafor [Problems of creation of author dictionaries of metaphors]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. 4:1*. pp. 198–202.
9. Pavlovich, N.V. (2007) *Slovar' poeticheskikh obrazov: Na materiale russkoj khudozhestvennoj literatury XVIII–XX vekov: v 2 t.* [Dictionary of poetic images: On the material of Russian fiction of the 18th–20th centuries: in 2 vols]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
10. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury".
11. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2003) *Novyy ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. 2nd ed. Moscow: Shkola "Yazyki slavyanskoj kul'tury".
12. Avdevnina, O.Yu. (2013) *Pertseptivnaya semantika: zakonomernosti formirovaniya i potentsial khudozhestvennoj realizatsii* [Perceptual semantics: the laws of formation and the potential of artistic implementation]. Saratov: Saratov State University.

13. Korychankova, S., Kryukova, L. & Khiznichenko, A. (2016) *Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti* [Poetic picture of the world through the prism of the category of perceptuality]. Brno: Masarirykova univerzita.
14. Leont'ev, A.N. (1983) *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
15. Valgina, N.S. (2004) *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow: Logos.
16. Vinogradov, V.V. (1959) *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. Moscow: Goslitizdat.
17. Dvizova, A.V. (2014) *Situatsiya chuvstvennogo vospriyatiya i sposoby ee yazykovoy reprezentatsii v poezii B.L. Pasternaka* [The situation of sense perception and the ways of its linguistic representation in the poetry of B.L. Pasternak]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
18. Pasternak, B.L. (1990) *Stikhotvoreniya i poemy: v 2 t.* [Verses and poems: in 2 vols]. Leningrad: Sov. pisatel'.
19. Nikolaev, A.I. (2011) *Osnovy literaturovedeniya* [Fundamentals of literary studies]. Ivanovo: LISTOS. [Online] Available from: <https://www.listos.biz/filologiya/nikolayev-a-i-osnovy-literaturovedeniya/khudo-zhestvennyy-obraz-kak-preobrazhenaya-model'-mira>. (Accessed: 23.01.2018).

УДК 81'374.3

DOI: 10.17223/22274200/13/4

А.Э. Цумарев, Л.Л. Шестакова

ЯЗЫКОВЫЕ НОРМЫ В «АКАДЕМИЧЕСКОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»¹

Анализируется важнейшая характеристика нового «Академического толкового словаря русского языка» – его нормативность. Рассматриваются типы языковых норм (орфографическая, орфоэпическая, грамматическая, стилистическая, лексико-семантическая, фразеологическая) и способы их отражения в зонах словарной статьи. Кодификация норм в создаваемом словаре, с одной стороны, опирается на отечественную лексикографическую традицию, с другой – направлена на ее развитие и обогащение новым содержанием.

Ключевые слова: современный русский литературный язык, языковая норма, языковая система, узус, кодификация, лексикография, толковый словарь, словник, словарная статья.

Настоящая статья состоит из двух частей. В первой части дается общая характеристика нового «Академического толкового словаря русского языка» как словаря нормативного типа и в лексикографическом аспекте раскрывается связь кодифицируемых в нем норм с языковой системой и речевым узусом. Во второй части рассматриваются типы языковых норм и способы их отражения в различных зонах словарной статьи.

1. В Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН ведется работа над новым «Академическим толковым словарем русского языка» (АТoS). В 2016 г. были опубликованы первые два тома словаря (т. 1: А – Вилять, т. 2: Вина – Гяур), подготовленные под руководством Л.П. Крысина [1]. Продолжая традиции отечественных академических толковых словарей, в первую очередь четырехтомного «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) [2], АТoS выступает как толковый словарь нормативного типа, с комплексным, разносторонним описанием русской лексики². Емкая характеристика

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09063.

² Соотношению традиционного и нового в описании русской лексики и фразеологии, содержащемся в вышедших томах «Академического толкового словаря русского языка», посвящена статья [3].

этого словарного жанра (с указанием связи нормы с системой и узусом) дана в следующем описании: «Объектом нормативного словаря служит лексика литературного языка определенного хронологического периода. Его задача состоит не только в максимально точном и полном определении значений и оттенков всех включенных в словарь слов, но и в оценке их стилистических, грамматических, акцентологических и отчасти сочетаемостных свойств. В основе всякого нормативного словаря лежит представление о норме, то есть о таком способе языкового выражения, который, во-первых, отражает объективные закономерности языковой системы, а во-вторых, находит общественное одобрение, что подтверждается словоупотреблением авторитетных писателей» [4. С. 78]¹.

1.1. Основу словника нового академического словаря составляют лексика и фразеология современного русского литературного языка в двух его разновидностях – книжной и разговорной. Словарь содержит также описание тех архаизмов и историзмов, знание которых необходимо для понимания произведений русской классической литературы XIX–XX вв. Кроме того, в словник включены наиболее употребительные в современной речи слова просторечного, диалектного и жаргонного (сленгового) происхождения². При этом оговаривается, что словарь не содержит obscene лексик, а также ненормативные обозначения некоторых частей тела, физиологических процессов, отношений между полами и т.п. Таким образом, по мнению авторов словаря, его словник «вполне адекватно отражает состав лексики современного русского литературного языка» [1. Т. 1. С. 7].

Известен взгляд, согласно которому жанр нормативного словаря «по определению» полностью исключает введение в такой словарь ненормативных (нелитературных) элементов (место которым – в

---

¹ Определения «современный» и «литературный» при слове «язык» в названиях самих нормативных словарей могут не эксплицироваться; более того, предельно лаконичное заглавие может не содержать даже слова «толковый», как, например, в случае с упомянутым выше четырехтомным «Словарем русского языка».

² Так, например, в НКРЯ (основной корпус) зафиксировано 1140 вхождений наречия *враз* (*прост.*); оно встречается в произведениях И. Гончарова, Л. Толстого, Н. Лескова, А. Куприна, Б. Житкова, М. Зощенко, М. Шолохова, В. Шишкова, В. Белова, В. Шукшина, Б. Можая, Б. Васильева, В. Астафьева и др.

специальном словаре просторечия или жаргона). Этот взгляд ярко выражен в написанной около 30 лет назад статье Т.Г. Винокур «Нужна ли нормативному толковому словарю помета “просторечное”?». Автор, критически рассматривая (в заданном аспекте) опыт «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова и «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, отвечает на поставленный вопрос отрицательно; он убежден, что «демонстрация заведомо “неправильных”, т.е. литературно не нормированных элементов языковой системы в словаре литературно-нормированном всегда выглядит избыточной» и что «никто не решится вводить в состав литературно-нормированного толкового словаря» какие бы то ни было факты «профессионально-возрастного жаргонизированного языкового употребления» [5. С. 142, 143]. По мнению ученого, включение в нормативный толковый словарь просторечной лексики наносит двойной ущерб: с одной стороны, лишает словарь чисто нормативного облика, делая его уязвимым для нападков пуристов, а с другой стороны, из-за частичного характера этого включения «искажается картина пропорционального состава лексики современного русского языка» [Там же. С. 141].

Вместе с тем в советской лингвистике высказывалась мысль, которую полезно здесь напомнить: «Существует не одно, а два просторечия: 1) просторечие как стилистическое средство литературного языка, 2) просторечие как речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком. При этом их материальный состав во многом совпадает. ...То, что в словарях обозначается как просторечное средство, может быть употреблено в подходящей ситуации любым образованным человеком. Вывести из состава литературного языка функционирующее в нем просторечие означало бы лишить литературный язык средств сниженной речи, обычно несущих высокую эмоционально-оценочную нагрузку» [6. С. 7].

Также достаточно давно высказывалось мнение, что «...словарь должен отражать пограничные лексические средства жаргонного характера, сопровождая их соответствующими пометами» [7. С. 14]. В той же работе отмечались факты включения в толковые словари советского времени некоторого числа жаргонизмов с маркированием их при помощи пометы *прост.*¹

---

¹ Проблема того, что нередко в лексикографической практике «под пометой “просторечное” объединяются принципиально разные стилистические средства» [7. С. 7], требует особого обсуждения.

Обратившись к авторитетным нормативным словарям начала XXI в., например к «Толковому словарю русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой (ТС) [8] или к «Большому академическому словарю русского языка» (БАС) [9], нетрудно увидеть, что лексикографы-кодификаторы по-прежнему фиксируют некоторое количество нелитературных слов и выражений, употребительных в разговорной речи и в художественно-литературных произведениях (в том числе классических), используя пометы *прост.*, *груб.-прост.*, *бран.*, *жарг.* и некот. др.

Более того, можно утверждать, что актуальность включения их в словарь возросла, поскольку «для последнего десятилетия характерно ничем не ограничиваемое вторжение в литературный язык просторечной и жаргонной лексики; естественно, что словарь не может не реагировать на такие процессы...» [8. С. V]. Нередко «то, что раньше ощущалось говорящими как сниженное и даже жаргонное, перемещается в разряд разговорных лексических средств» [10. С. 55], наглядно иллюстрируя изменения в стилистической стратификации лексики, динамичность языковой нормы.

Приведем следующие примеры переоценки просторечных единиц как разговорных в АТоСе (по сравнению с МАСом): *башиковитый* ‘умный, сообразительный’, *бегать (за девушками)* ‘ухаживать’, *бедолага* ‘то же, что бедняга’, *беситься* ‘резвиться, шалить без удержу’, *вдолбить* ‘настойчиво, многократным разъяснением и повторением втолковывая, заставить усвоить (о каких-л. представлениях, знаниях и т. п.)’, *верхотура* ‘верхняя, высокая часть чего-л.’, *газовать* ‘нажимая на педаль, рычаг, увеличивать скорость (автомашины, танка, самолета и т. п.)’, *гудеть* ‘сильно ныть (обычно о ногах)’.

Таким образом, в АТоСе находит свое продолжение лексикографическая традиция, в соответствии с которой **нормативность** толкового словаря проявляется двояко: 1) в отказе от включения в него большинства нелитературных языковых единиц; 2) в нормативной оценке (с помощью помет) некоторого числа включенных в него языковых единиц, которые, как принято говорить, «находятся за пределами литературного языка или стоят на его границе» [2. С. 9].

1.2. Разработка АТоСа осуществляется по алфавитному принципу, при этом значительное внимание уделяется отражению языковой **системности**.

На уровне словника это видно, например, в том, что в целом ряде случаев в словарь включается не какое-либо одно слово, а словообразовательное гнездо, например: *анимация, анимационный, аниматор; безальтернативный, безальтернативно, безальтернативность; бейдж, бейджик; виндсёрфер, виндсёрфинг, виндсёрфинговый; геном, геномика, геномный*. Иногда актуальными дериватами дополняются слова, которые, например, в МАСе уже были отражены. Так, в словник введены: *бакалавриат* (в дополнение к *бакалавр*), *балахонистый* (к *балахон*), *банкомат* (к *банк*), *банкротить* (к *банкрот*).

Другим примером отражения в АТоСе реализованности / нереализованности возможностей языковой системы может служить использование иллюстраций (речений и цитат) в отсылочных словарных статьях (к производным, которые в толковых словарях редко сопровождаются примерами). Так, в соответствии со значениями глагола *выправить*¹ у слова *выправление* приводятся следующие иллюстрации¹:

ВЫПРАВЛЕНИЕ, -я, ср. Действие по знач. глаг. выправить¹ – выправлять¹ (в 1–5 знач.). *Выправление вмятин. Выправление руслу реки. Выправление ситуации. Выправление текста.* □ *Театральное благородство не идет дальше общеактерской пластики, --- выправления манжет, игры с золотой цепочкой.* Ю. Писаренко. Хрестоматия актера.

Лишь последнее, шестое значение глагола *выправить* (устар. и прост. ‘вылечить’) не имеет коррелята в статье производного слова. Это отражает тот факт, что можно сказать *Врачи обещают помаленьку выправить меня* (В. Осеева), но нельзя сказать **Выправление больного*.

Стилистическая квалификация лексики также невозможна без учета системных лексических связей. Так, например, сопоставление однокоренных слов *вбежать* и *взбежать* в значении ‘бегом подняться куда-л.’ (ср. *вбежать на вершину – взбежать на вершину*), описываемых в толковых словарях в качестве абсолютных синонимов, подводит к выводу об устарелом характере слова *вбежать* в указанном значении, что выражается в постановке при нем пометы *устар.* Слова *бахвалиться, бахвал, бахвалка* давались в МАСе как просторечные (т.е. характеризующиеся «грубостью содержания и резкостью выражаемой

¹ Приводимые в работе словарные статьи (в полном или сокращенном виде) составлены А.Э. Цумаревым, Л.Л. Шестаковой, Л.П. Крысиным, А.С. Кулевой, И.В. Нечаевой.

оценки» [2. Т. 1. С. 9]), а слово *бахвальство* – как разговорное. В новом академическом толковом словаре слова *бахвалиться*, *бахвал*, *бахвалка* оцениваются как разговорные, а отвлеченное существительное *бахвальство* квалифицируется, соответственно, как нейтральное. Иначе говоря, каждый член этого словообразовательного гнезда переместился по стилистической шкале на одну ступень выше.

1.3. При создании АТоСа большое значение придается анализу *узуса* как «базы формирования литературного языка» (О.А. Лаптева). Изучение узуса и его динамики, основанное в первую очередь на данных Национального корпуса русского языка, позволяет во многих случаях представить более точное, полное и доказательное, чем в других толковых словарях, описание русской лексики, ее современных норм¹.

Описывая норму, автор нормативного толкового словаря нередко оказывается в ситуации, когда данные предшествующих словарей разноречивы, когда словарные сведения нуждаются в корректировке в соответствии с произошедшими в узусе изменениями или когда опыт кодификации какого-либо языкового явления отсутствует.

Так, в толковой лексикографии можно заметить определенные лакуны в описании церковно-религиозной лексики, связанные, в частности, с ее недостаточной лексикографической разработкой в словарях советского периода (по понятным идеологическим причинам).

Внимательное изучение узуса позволяет внести поправки в лингвистическое описание, например, таких лексем, как *всенощная*, *грех*, *евхаристия*.

У слова *всенощная* орфоэпические источники единодушно фиксируют безвариантное нормативное произношение *всэно[шн]ая*. Между тем наблюдения свидетельствуют о том, что в живой речи воцерковленных образованных носителей литературного языка доминирует произношение *всэно[щн]ая*, соответствующее написанию слова. В связи с этим наиболее точной, на наш взгляд, является следующая подача:

---

¹ В некоторых случаях возможно и необходимо уточнение нормативно-стилистических оценок устаревшей лексики. Так, например, слова *барышник* ('спекулянт, перекупщик'), *башибузук* ('разбойник, головорез'), *ванька* ('извозчик'), охарактеризованные в МАСе как устаревшие (*устар.*), получили в АТоСе вторую характеристику – *разг.* (разговорное).

ВСЕНОЩНАЯ [*щн* и *шн*].

Изучение религиозно-философских контекстов употребления лексемы *грех*, являющейся одновременно и важнейшим богословским термином, и общеупотребительным словом, убеждает в целесообразности выделения у нее ранее не отмеченного, но подтверждаемого множеством литературных примеров смыслового оттенка, помещаемого при основном значении ‘нарушение моральных норм, религиозно-нравственных предписаний’:

ГРЕХ, -á, м. 1. ... || *только ед. ч.* Злое, порочное начало, действующее в человеке, как источник такого нарушения. *Связав себя верою с началом всякого добра, мы получаем свободу от принудительной власти над нами греховного начала. Мы перестаем быть невольниками греха.* В. Соловьев. Духовные основы жизни. *Как бы ни был человек праведен и чист, а есть в нем стихия греха, которая не может войти в Царство Небесное.* А. Ельчанинов. Записи. *Пастырь не может никого привести никуда, если он различает только потемки, грех, зло. Он может помочь, только если, глядя на человека, он видит в нем извечную красоту образа Божия.* Митрополит Антоний (Блум). Духовное руководство в Православной Церкви.

В словаре [11] содержится указание на написание слова *евхаристия*, обозначающего главное из семи христианских таинств, со строчной буквы. В то же время исследование речевого узуса конца XX – начала XXI в. показывает, что не только в церковной литературе, для которой Церковь выработала собственные правила использования прописной и строчной буквы (см., например, [12. С. 94–101]), но часто и в светских текстах (например, в материалах ряда общероссийских газет) используется вариант написания с прописной буквы. Представляется, что игнорировать этот факт нельзя. В АТосе, как будет показано далее, систематически применяется помета (*с прописной буквы*); в данном случае, по всей видимости, разумно было бы предложить использование гибкой модификации этой пометы:

ЕВХАРИ́СТИЯ, -и, ж. (*в текстах религиозной тематики также с прописной буквы*)¹.

---

¹ Словарная статья «Евхаристия» войдет в третий том АТоса.

Приведенные примеры, как кажется, достаточно наглядно демонстрируют ситуации, когда лексикограф может и, не уклоняясь от возникающих трудностей, должен брать на себя ответственность с опорой на установленные им факты принимать новые кодификационные решения.

2. Переходя ко второй части работы, охарактеризуем вначале структуру словарной статьи в новом академическом словаре. Она включает в себя следующие части («зоны»): заголовочное слово; помета об особенностях произношения слова; грамматические формы; грамматические характеристики; стилистические пометы; толкование; примеры употребления слова в виде типичных словосочетаний (речений) и цитат из письменных (художественных, публицистических, научных и иных) текстов XIX – начала XXI в.; фразеологические обороты и устойчивые терминологические сочетания с данным словом; справка о происхождении слова.

Каждая зона словарной статьи в АТоСе, как и в любом другом толковом словаре, соотносится с одним, иногда с несколькими типами языковых норм (за исключением этимологической зоны, имеющей сугубо справочный характер). К примеру, заголовок статьи совмещает в себе орфографическую и акцентологическую нормы, иногда (при наличии вариантов) – указание на стилистическую норму, например: **АФАЗИЯ** и (*проф.*) **АФАЗИ́Я**; **БА́РХАТКА** и (*разг.*) **БАРХО́ТКА**; **БЕЗУДЕРЖНЫЙ** и (*устар.*) **БЕЗУДÉРЖНЫЙ**; **ВЕ́ТЕР** и (*трад.-поэт.*) **ВЕТР**. Покажем далее некоторые особенности фиксации в АТоСе нормы того или иного типа в связи с новшествами этого словаря.

2.1. Современную орфографическую норму, представленную в соответствии с академическим словарем [13], фиксируют заголовки всех словарных статей. В дополнение к этому, учитывая остроту проблемы выбора прописной / строчной буквы, авторы словаря отмечают (по возможности последовательно, с опорой на соответствующие справочники) случаи написания слова с большой буквы. Для этого, как уже упоминалось, последовательно используется помета (*с прописной буквы*), в расширенном варианте – (*оба слова с прописной буквы*). Названная помета предшествует толкованию и может занимать разные позиции в словарной статье: при слове, имеющем одно значение; при отдельном значении многозначного слова; при оттенке значения

слова (после знака ||); при употреблении слова в качестве единицы другой части речи (после знака |); при фразеологическом сочетании (после знака ◇) и его отдельном значении. Например:

ГРАН-ПРІ́, нескл., м. (с прописной буквы). Высшая награда на фестивале, конкурсе. *Гран-при за лучший фильм.* □ *Микроавтомобиль Л. Ковалева заслуженно занял первое место в конкурсе, а автор удостоен Гран-при.* И. Туревский. Осенние смотрины;

ВОЗНЕСЕ́НИЕ, -я, ср. ... 2. (с прописной буквы). В православии: один из церковных праздников в память вознесения на небо Иисуса Христа на сороковой день после Пасхи. *Весной, в праздник – это было Вознесение --- Старцев отправился в город.* А. Чехов. Ионыч;

БО́ЖЕСКИЙ, -ая, -ое. 1. Устар. и книжн. Прил. к Бог, бог (в 1 и 2 знач.). ... || (с прописной буквы). Данный Богом (в 1 знач.), исходящий от Бога. ... *Монахи искали по дорогам раненых и умиравших --- и приносили их в обитель, которая была не так уж велика, но вместила Божеским чудом многие тысячи.* Э. Радзинский. Лжедмитрий;

БЕЛОКА́МЕННЫЙ, -ая, -ое. Народно-поэт. Из белого камня (известняка). ... || С постройками из такого камня. *Москва белокаменная.* | в знач. суц. **Белока́менная**, -ой, ж. (с прописной буквы). О Москве. – *Стало быть, сами из России будете, если не ошибаюсь. – Из Белокаменной. – Московские?* Б. Пастернак. Доктор Живаго;

ГОСТИ́ННЫЙ, -ая, -ое. ◇ **Гостиный двор** – 1) (ист.) городские торговые ряды в специально выстроенном здании и постоялый двор для купцов. [Катерина:] *А вот что сделаю: --- пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить белье, а потом раздам бедным.* А. Островский. Гроза; 2) (оба слова с прописной буквы) старинные торговые ряды, сохранившиеся как архитектурный памятник. *Брат остановил машину. Мы поехали в Гостиный Двор. Зашли в отдел радиотоваров.* С. Довлатов. Чемодан.

Приведенные примеры показывают, что орфографическая помета (с прописной буквы) не только выполняет свою основную функцию,

но и служит дополнительным средством разграничения значений слова или устойчивого сочетания.

2.2. Перечисленные в п. 2 зоны словарной статьи имеют в новом толковом словаре разный статус. Наряду с обязательными в нем предусмотрены факультативные зоны. К ним относится, в частности, зона, содержащая информацию о произношении слова. До настоящего времени большие и средние по словнику толковые словари если и давали ее, то обычно несистематически. Вместе с тем очевидна актуальность этой информации, особенно в условиях, когда язык осваивает множество «чужих» слов. При выработке концепции словаря было решено в необходимых случаях, опираясь на данные орфоэпических справочников (в первую очередь изданий [14, 15]), фиксировать произносительную норму с помощью специальной пометы. Она дается сразу после заголовочного слова в квадратных скобках в виде сочетания букв, обозначающих соответствующие звуки. Такая информация сопровождает, как правило, заимствования, в том числе недавние, например: **АДЕКВАТНЫЙ** [дэ], **АНЕСТЕЗИЯ** [нэ, тэ], **АНТИСÉПТИК** [сэ], **АПГРÉЙД** [рэ], **БАКТÉРИЯ** [тэ], **БÉБИ** [бэ], **БЕЗÉ** [зэ], **БЕЛЬВЕДÉР** [дэ], **ГÉНЕЗИС** [нэ], **ГОРМОНОТЕРАПИЯ** [тэ и те], **ГОРТÉНЗИЯ** [тэ].

В приведенных примерах пометы означают, что слова должны по норме произноситься с твердыми согласными [б], [д], [з], [н], [п], [с], [т]. В одном случае – в слове *гормонотерапия* – литературная норма допускает варианты произношения (с твердым или мягким согласным: [т] или [тʲ]).

Отдельную группу заголовков с такими пометами образуют слова, написание которых не указывает на то, как надо произносить то или иное сочетание букв в их составе, например: **БОТИЛЬОНЫ** [льё], **БОГ** [бох], **ГОРЧÍЧНИК** [ин].

Отмеченная выше системность как одна из наиболее значимых характеристик АТоСа проявляется в том числе в фиксации орфоэпической нормы. Одинаковой произносительной пометой могут сопровождаться несколько заголовочных слов, принадлежащих одному словообразовательному гнезду, например: **БÁННЕР** [нэ], **БÁННЕРНЫЙ** [нэ]; **БАРТЕР** [тэ], **БАРТЕРНЫЙ** [тэ]; **БÍЗНЕС** [нэ], **БÍЗНЕС-КЛАСС** [нэ], **БИЗНЕСМÉН** [нэ]; **ГРОТÉСК** [тэ], **ГРОТÉСКНЫЙ** [тэ], **ГРОТÉСКОВЫЙ** [тэ].

В зоне заголовочного слова в необходимых случаях наряду с основным отмечается побочное ударение, например: **АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИЙ**, **ВОДОНЕПРОНИЦАЕМЫЙ**, **ГАЛА-КОНЦЕРТ**. Акцентная норма отражается также в зоне грамматических форм слова (в том числе в случае их вариантности): **БУТІК**, -тіка и (*разг.*) -тікá; **ВКЛЮЧИТЬ**, -чү, -чішь и (*разг.*) вклүчишь, вклүчит.

Важную роль в словарном представлении акцентных вариантов играют поэтические иллюстрации:

ГРОМОВОЙ, -áя, -óе и (*устар.*) **ГРОМОВЫЙ**, -ая, -ое.

1. *Прил. к гром (в 1 знач.). Громовой удар. □ Чаще капли дождевые, Вихрем пыль летит с полей, И раскаты громовые Все сердитей и смелей.* Ф. Тютчев. Неохотно и несмело. Да, огонь красивее всех иных живых, В искрах – ликование духов мировых. И крылат, и властен он, в быстроте могуч, И поет дождями он из громовых туч. К. Бальмонт. Что мне нравится.

2.3. При описании грамматической (морфологической или синтаксической) нормы большое внимание в словаре (см. зоны грамматических форм и грамматических характеристик) уделяется отражению вариантности языковых средств, что для говорящих (пишущих) особенно важно, поскольку наличие в языке вариантов обуславливает проблему выбора. Рассмотрим некоторые случаи словарного представления грамматической вариантности.

В статье «Гран» отмечается и иллюстрируется вариантность форм род. пад. мн. ч. (обе формы – нормативные): **ГРАН**, -а, *род. мн. гра́нов* и *гран, м.* Единица аптекарского веса (равная 0,062 г), применявшаяся до введения метрической системы. «Что-то знобит, – подумал Лихачев. – Надо попросить у доктора несколько **гранов** хинина». М. Филиппов. Осажденный Севастополь. – Вешай вернее. Это же лекарство, лекарство... Пять **гран**... В. Шишков. Пейпус-озеро.

Статья глагола *грозить*, имевшая в МАСе вид:

ГРОЗИТЬ, грожу́, грози́шь; *несов. 1. (сов. пригрозить).*

Предупреждать с угрозой о чём-л. тяжелом, страшном; угрожать... обогатилась подробной информацией о глагольном управлении:

ГРОЗИТЬ, грожу́, грози́шь; *несов. 1. (сов. пригрозить);*

кому чем, с неопр. или с придаточным изъяснительным. ...

Говоря о грамматической норме, следует упомянуть также используемую в словаре морфологическую помету *одуш.*, обозначающую одушевленность как признак существительного. Введение этой пометы в словарные статьи фиксирует совпадение в норме формы вин. пад. ед. и мн. ч. у существительных мужского рода и вин. пад. мн. ч. у существительных женского рода, а также у слов общего рода с формой род. пад. описываемых существительных, например:

БАНКІР, -а, м., *одуш.* ... *Емцов поверил в содействие западных инвесторов. В гости на Тезар услужливо и доверчиво принимал приезжающих западных банкиров, широко по-русски их угощал.* А. Солженицын. На изломах;

БАРАБА́НЩИК, -а, м., *одуш.* ... *В толпе гремели погремушки, нежничали флейты, а большой барабан был украшен красными цветами и скрывал маленького барабаничника.* В. Рецептер. Ностальгия по Японии;

БАРРАКУ́ДА, -ы, ж., *одуш.* ... *Наблюдали двух барракуд сантиметров по восемьдесят каждая. Барракуда великолепна. Стремительная, похожая на стрелу, телом напоминает щуку, окраской — как булатная сталь.* Ю. Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь;

БЕДНЯ́ЖКА, -и, род. мн. -жек, дат. -жкам, м. и ж., *одуш.* ... *А три котенка у нее [у кошки] приемные. Неделю назад соседская кошка отказалась кормить своих новорожденных котят. --- Я принесла бедняжек домой, и наша заботливая мамочка их приняла.* М. Аромштам. Мохнатый ребенок.

В некоторых случаях существительному в словаре должны быть приписаны два признака: *одуш.* и *неодуш.* Таково, например, слово *персонаж*; ср.: *Писатель ввел в свой роман нового персонажа — ввел новый персонаж.*

Признак *одуш.* может служить отличительной грамматической приметой какого-либо значения многозначного слова. Так, помета *одуш.* необходима только при первом значении слова *анчоус*:

АНЧО́УС, -а, м. **1.** *Одуш.* Мелкая морская рыба. *Ловить анчоусов. **2.** Эта рыба, употребляемая в пищу в консервированном виде; хамса. *Есть анчоусы. Банка анчоусов.**

2.4. Важной задачей для авторов словаря является фиксация стилистических свойств описываемых единиц в соответствии с современной стратификацией русской лексики. В отечественной толковой лексикографии разработана и используется детальная система стилистических помет; значительное количество помет предусмотрено для указания на принадлежность слова к той или иной области знания (*биол.* – термин биологии, *мат.* – термин математики, *тех.* – технический термин и т.д.). Именно благодаря этим пометам читатель может узнать, принадлежит ли данное слово, значение, устойчивое выражение к современному литературному языку в той или иной его разновидности, допустимо ли, уместно ли оно в определенной ситуации речевого общения.

В связи с развитием науки, общества и языка возникает необходимость пополнения репертуара словарных помет. В разрабатываемом словаре появились новые (по отношению к академическим толковым словарям советского времени) пометы, отражающие сферу употребления, стилистическую окраску, функциональные особенности слова, например: *инф.* – термин информатики, *жарг.* – жаргонное слово, *сленг.* – сленговое слово или значение слова, *проф.* – профессиональное слово (как факт профессиональной нормы), *эвфем.* – эвфемизм:

БАЙТ, -а, *род. мн. ба́йтов и байт*, *м.* *Инф.* Единица количества информации, равная 8 битам. *В компьютерных технологиях для букв, цифр, знаков препинания и других печатных символов используют последовательность из восьми нолей и единичек – байт.* В. Хорт. Информохранилища;

АНГЛИЧАНИН, -а, *м., одуш.* *Жарг.* Преподаватель английского языка в школе или вузе;

БАКСЫ, -ов, *мн.* (*ед. бакс*, -а, *м.*). *Сленг.* Доллары США. *Десять баксов. Расплатиться баксами;*

БОЙ¹, -я, *м.* ... 7. ... || *Проф.* Хрупкие сухие продукты, раздробленные на мелкие кусочки вследствие неправильного хранения, перевозки и т. п., а также битые яйца. *Шоколадный бой. Бой печенья. Яйца-бой. Бой на птицефабрике утилизируется;*

ВОЗРАСТ, -а, *м.* ... ◇ **В возрасте** ... 2) (*эвфем.*) о пожилом человеке. *Молодые люди тоже страдают от предательства, но люди в возрасте переживают измену больше.* Л. Соболева. Бизнес-план неземной любви.

Важно подчеркнуть, что ряд помет в списке сокращений АТоСа имеет не только расшифровку, но и краткий комментарий, позволяющий отличить данную помету от другой, сходной по содержанию. Например, помета *прост.* (ср. *разг.*) имеет следующий комментарий: «...приписывается словам, которые на воображаемой шкале стилистических различий занимают место ниже разговорных и употребляются в эмоционально раскованной повседневной речи, например: *алкаш* (ср. разговорное *пьяница*), *вобла* ‘худая и некрасивая женщина’ (ср. разговорное *худышка*) ... *ржать* ‘громко хохотать’» [1. Т. 1. С. 34]. О помете *сленг.* говорится, что она «приписывается словам, которые пришли в литературный язык из жаргонной речи, но не имеют ясно определяемой связи с каким-либо конкретным жаргоном – например, уголовным, студенческим, школьным и т. п. (ср. помету *жарг.*); это слова типа *крутой* (о человеке), *подставить* ‘поставить кого-л. в неудобное для него или опасное положение’, *тусовка* ‘встреча, собрание людей, обычно объединенных профессиональными интересами, одинаковым возрастом и т.п.’» [Там же. С. 35].

Говоря о «зоне стилистической пометы», следует отметить известную условность этого обозначения. Действительно, очень часто стилистическая помета предшествует толкованию лексического значения; вместе с тем, поскольку в стилистической характеристике нередко нуждаются самые разные стороны и особенности описываемого слова, такая помета может занимать и другое место в словарной статье, например маркируя грамматическую характеристику слова или определенный тип семантической сочетаемости:

ВРАТЬ ... 1. *без доп.* и (*устар.*) *перех.* Говорить неправду; лгать. ... *Мишурский --- беспрестанно говорит о Западе и врёт такую чепуху, что все второклассные дураки смотрят на него, как на чудо.* М. Загоскин. Москва и москвичи. ... *Поэтому вы все врётё – про войну. Хватит врать. Пора уже иметь совесть.* Г. Садулаев. Шалинский рейд;

БОЛЁТЬ ... 1. Быть больным (в 1 знач.), страдать какой-л. болезнью. ... | *чем* (в сочетании с названием болезни или (*прост.*) с названием внутреннего органа). ... *Болезнь гриппом. Болеть желудком.*

Сравнение данных АТоСа с материалами предшествующих толковых словарей, например МАСа, делает наглядными постепенно про-

изошедшие в языке изменения стилистических свойств некоторых слов или отдельных значений, например их архаизацию. Помету *устар.* приобрели, в частности, следующие слова: *безотговорочный* (*безотговорочное повиновение*), *безрасчетный* (*безрасчетная трата денег*), *бесхозяйный* (*бесхозяйное имущество*), *вечёрка*¹ (*танцевать на вечерках*), *гаерствовать*, *германский* ('немецкий') и др.

2.5. Значительных усилий от автора толкового словаря требует работа над важнейшей частью словарной статьи – толкованием слова. Она включает в себя: корректировку имеющихся в словарях толкований; выявление и семантическое описание неучтенных значений слов, имеющих богатую традицию лексикографирования; истолкование новых, недавно вошедших в язык слов и значений.

Примером корректировки описания семантики слова может служить добавление к принятому в МАСе толкованию первого значения глагола *вырвать*¹ недостающего компонента (см. фрагмент, выделенный полужирным шрифтом): 'рывком, резким движением или отрывая, разрывая извлечь, выдернуть (часть чего-л. или что-л., прочно укрепленное, укрепившееся в чём-л., **а также кого-л., прочно занимающего какое-л. место**). Безусловно, действие, обозначаемое этим глаголом, обычно распространяется на неодушевленный объект (*вырвать зуб, вырвать выключатель из гнезда* и т.п.), вместе с тем, как показывает изучение большого языкового материала, возможны случаи, когда объектом является лицо: *В этот же момент сильные руки --- вырвали Суттинена из седла*. В. Пикуль. Океанский патруль; ср. также в безличном употреблении: *Сломав несколько деревьев, машина развалилась на части, но мгновением раньше Алексея вырвало из сиденья, подбросило в воздух*. Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке.

Пример фиксации в АТОСе лексического значения, не попавшего в поле зрения авторов предшествующих толковых словарей, нам дает словарная статья «Выпилить»:

ВЫПИЛИТЬ ... 3. Уничтожить, спилить (деревья, лес и т.п.). *Немцы пробовали выпилить даже прибрежные зеленые леса, как вырубил они их возле железнодорожных линий*. В. Астафьев. Прокляты и убиты.

Ср. также статью «Громоздиться», в которой представлен ранее не фиксировавшийся оттенок значения 'с усилием влезать на что-л. высокое':

ГРОМОЗДИТЬСЯ ... 2. ... || (сов. нет). Взобравшись куда-л., находиться на верху кого-, чего-л. *Рядом с желтолицым [стариком] громоздится на коне тучный мулла с белой чалмой на голове.* В. Шишков. Емельян Пугачев. *Босоногие ребятишки громоздились на заплотах и крышах.* К. Седых. Даурия. *За ним [ишаком] гуськом --- тянутся четыре вьючных верблюда. На вьюках громоздятся три киргиза-караваника.* П. Лукницкий. Памир без легенд.

В качестве примера описания неологизмов (лексических и семантических) приведем словарную статью «Баннер» (которая содержит образец использования подтолкования к одному из речений), а также фрагмент статьи «Графика»:

БА́ННЕР ... Картинка или текст рекламного характера. *Баннеры на сайте. Спортивные баннеры* (лозунги в поддержку отдельных спортсменов или команд). *Использование баннеров в наружной рекламе;*

ГРА́ФИКА ... 2. *Инф.* Технология создания и обработки статических и динамических изображений при помощи компьютерной техники, а также сами эти изображения. *Специалист по трехмерной графике. Программа для работы с графикой.* □ *Потом были попытки снимать и другие фильмы о Тарзане, даже раскрашивали старые черно-белые ленты с помощью компьютерной графики, но всё это было уже не то.* М. Магомаев. *Любовь моя – мелодия.*

Следует упомянуть и случаи, связанные с введением в словарные статьи новых оттенков значений, отражающих различные современные реалии. Это демонстрирует, например, статья к предметному существительному *брелок*:

БРЕЛО́К ... Небольшая подвеска на цепочке карманных часов, на браслете, кольце для ключей и т. д. ... || *Пульт автомобильной противоугонной сигнализации в виде такой подвески. ... «Форд» коротко визгнул, когда Кудимов направил на него брелок, отключая сигнализацию.* А. Измайлов. Трюкач.

2.6. Фразеологическая норма – явление комплексное, поскольку касается разных сторон устойчивых сочетаний. Так как за знаком $\diamond$ (ромб) в конце словарной статьи АТоСа по лексикографической традиции могут помещаться не только собственно фразеологизмы, но и устойчивые сочетания других типов (неоднословные (составные) термины, широкоупотребительные составные названия и перифразы, формулы речевого этикета, некоторые поговорки, сочетания слов в роли наречий, союзов, предлогов), то фразеологическая норма в данном случае понимается широко.

По сравнению с предшествующим академическим словарем среднего объема [2] АТоС значительно обогащен фразеологическими единицами. Так, подсчет показывает, что на произвольно взятом словарном отрезке «Б – БЕЖАТЬ» в состав 38 статей введено 54 новых устойчивых сочетания, и все они получают разностороннее, ориентированное на современную норму описание.

Осуществляемая в АТоСе кодификация фразеологической нормы включает следующий круг задач: уточнение имеющихся в словарях толкований; лексикографирование новых устойчивых выражений, а также недавно возникших в языке значений; показ вариативности и факультативности компонентов устойчивых выражений, а также фразеологической синонимии; отражение особенностей порядка слов и других грамматических характеристик; демонстрация специфических черт произношения и ударения; уточнение стилистических свойств (включая появление устарелой окраски); реализация принципа последовательного иллюстрирования основных характеристик устойчивой единицы.

Подробное раскрытие перечисленных вопросов в настоящей работе едва ли возможно. Приведем лишь небольшую подборку примеров с кратким комментарием об особенностях осуществленной в АТоСе кодификации (в том числе в сопоставлении с МАСом):

бежать впереди паровоза (*обычно шутл.*) – отсутствовавший в МАСе фразеологизм снабжен пометой *шутл.*, указывающей на наиболее вероятную в узусе (см. уточнение *обычно*) эмоциональную окраску фразеологизма;

белый и пушистый кто (*неодобр., ирон.*) – сравнительно недавно появившийся в языке фразеологизм помимо двух помет, обозначающих его эмоциональную окраску (*неодобр.*,

ирон.), имеет при себе синтаксическую помету *кто*, указывающую на предикативную функцию фразеологизма в предложении;

губá (гúба) не дура у кого (*прост.*) – этот фразеологизм с просторечной окраской (помета *прост.*), употребляющийся в сочетании с субъектным детерминантом (помета *у кого*), требует указания двух акцентных вариантов компонента *губа* (не только МАС, но и ОэС предусматривает традиционную безвариантную норму *зúба*, в то же время в ТС приводятся варианты *зубá (зúба)*, что, на наш взгляд, точнее, так как соответствует современному узусу;

бамбуковое положение (*устар. шутл.*) – данный фразеологизм, помечаемый в предшествующих толковых словарях как шуточный, по причине неупотребительности должен быть охарактеризован, кроме того, как устаревший;

габаритные огни (или **фонари**) (*тех.*) – у этого составного технического термина (помета *тех.*) наблюдается вариантность субстантивного компонента (*огни* или *фонари*).

2.7. Касаясь темы иллюстрирования слова в новом толковом словаре, нелишне напомнить о роли языковых примеров, которые «подтверждают наличие слова или значения в языке, разъясняют значение слова в контексте, показывают переход слова из языка в речь, приобретение им дополнительных оттенков значения, сообщают сведения внеязыкового характера об обозначаемом предмете, повышают познавательную ценность словаря» [16. С. 463]. В АТоСе, в зоне иллюстраций, используются разнообразные речения, а также цитаты из художественных произведений («от Пушкина до наших дней»), публицистических, научных, научно-популярных, официально-деловых, религиозно-философских текстов различных жанров. Иллюстрации (наряду с пометами *с определением*, *обычно с отрицанием* «не», «в сочетании со словами...» и т.п.) играют значимую роль в демонстрации **сочетаемостных норм** употребления описываемого слова.

Основным источником иллюстрирования в словаре служит Национальный корпус русского языка, предпочтение отдается известным авторам, чьи сочинения безупречны в стилистическом отношении.

Необходимо подчеркнуть важную особенность нового словаря: в нем «даются примеры, иллюстрирующие по возможности все компоненты смысла, предусмотренные толкованием (например, если слова

типа *вальс, танго* и т.п. толкуются как ‘... танец, а также музыка к этому танцу’, то в зоне иллюстраций по крайней мере один пример должен иллюстрировать компонент ‘танец’, а другой – компонент ‘музыка’: *танцевать вальс и сыграть вальс*), а также разные грамматические формы и грамматические характеристики, указанные в соответствующих зонах словарной статьи» [1. Т. 1. С. 24].

Приведем примеры иллюстрирования случаев вариантности рода имени существительного и двувидовости глагола:

ВИСКИ, *нескл., с. и м.* Крепкая английская или американская водка. *Такое виски должен подавать сам мажордом с двумя лакеями на подхвате.* А. Лазарчук, М. Успенский. *Посмотри в глаза чудовищ. Он сел к моему компьютеру и стал пить свой виски.* А. Геласимов. *Нежный возраст;*

ГИПЕРТРОФИРОВАТЬСЯ, *-руется; сов. и несов.*
1. *Стать (становиться) гипертрофированным. У человека корковые модели могут так гипертрофироваться, усилиться, что возбуждение их стойко вызывает удовольствие.* Н. Амосов. *Мысли и сердце. На них [стенках сердечных сосудов] образуются холестериновые бляшки, мешающие току крови. --- Сердцу приходится работать с большей силой, отчего сердечная мышца гипертрофируется.* Г. Ужegov. *Гипертоническая болезнь.*

Большое внимание в АТОСе уделяется иллюстрированию значений многозначного слова (в МАСе последние нередко оставались без дифференцирующих примеров). Так, например, ни одно из трех выделенных в четырехтомном словаре значений слова *графство* не имело иллюстраций. В АТОСе словарная статья этого слова имеет следующий вид:

ГРАФСТВО, *-а, ср.* 1. *Ист.* При феодальном строе: земля, находившаяся во владении графа. *В фамильное графство, в свой дедовский дом Возвращается граф Равенсбуд.* С. Соловьев. *Баллада о графе Равенсбуде.*

2. *Крупная административно-территориальная единица в Великобритании, США, Канаде и некоторых других государствах. Живописность буржуазных предместий в юго-*

восточных графствах Кент, Сассекс, Суррей запоминается больше, чем неприглядность лондонского Ист-Энда. В. Овчинников. Корни дуба.

3. *только ед. ч.* Графский титул. Предложение барона [вступить в брак] заметно ее встревожило ---. – Может быть, вам жаль переменить ваше графство на баронство? – спросил он ее как бы несколько шутя. А. Писемский. В водовороте.

Ценную находку для составителя словаря представляют собой литературные контексты, в которых зафиксирована рефлексия образованного, авторитетного носителя языка над формами языкового выражения, языковой нормой и ее динамикой; ср., например, фрагмент словарной статьи слова *гоголь-моголь* (из нем. Gogel-Mogel): **ГОГОЛЬ-МОГОЛЬ** и (*устар.*) **ГОГЕЛЬ-МОГЕЛЬ** ... Сырой яичный желток, растертый с сахаром. *Педантство Доломцева доходило до крайности. Он, например, серьезнейшим образом требовал, чтобы мы говорили не гоголь-моголь, а гогель-могель.* К. Чуковский. Живой как жизнь.

3. Содержащиеся в нашей статье общие положения и различные примеры лексикографической работы над русской лексикой и фразеологией, как мы полагаем, показывают, что «Академический толковый словарь русского языка» развивает и обогащает новым содержанием отечественную традицию создания толковых словарей, которые призваны отражать языковые нормы в их многообразии и динамике и тем самым служить, по словам акад. В.В. Виноградова, «могучим орудием культуры речи».

Литература

1. *Академический толковый словарь русского языка.* Т. 1: А – Вилять. Т. 2: Вина – Гяур / отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Изд. Дом ЯСК, 2016 (АТoS).
2. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999 (МАС).
3. Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Нечаева И.В., Кулева А.С., Грунченко О.М. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное и новое // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2017. Т. 76, № 5. С. 1–17.
4. Горбачевич К.С. Современная нормативная лексикография // Вестник АН СССР. 1982. № 1. С. 77–86.
5. Винокур Т.Г. Нужна ли нормативному толковому словарю помета «просторечное»? // Словарные категории : сб. ст. / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1988. С. 139–145.

6. Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка // Вopr. языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.

7. Складьяревская Г.Н. О соотношении лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. 19 с.

8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с. (ТС).

9. Большой академический словарь русского языка. Т. 1 / под ред. А.С. Герда. СПб.: Наука, 2004 (БАС).

10. Крысин Л.П., Грунченко О.М., Кулева А.С., Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л. Типы информации о слове и способы их представления в «Академическом толковом словаре русского языка» // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., 12–14 декабря 2016 г. М.; СПб., 2016. С. 53–56.

11. Лопатин В.В., Чельцова Л.К., Нечаева И.В. Как правильно? С большой буквы или с маленькой?: Орфографический словарь: ок. 20 000 слов и словосочетаний. М.: Астрель: АСТ, 2002. 400 с.

12. Марк, епископ Егорьевский. Церковный протокол. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007. 184 с.

13. Русский орфографический словарь: ок. 200 000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 896 с.

14. Орфоэтический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / под ред. Н.А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2015. 1008 с. (ОЭС).

15. Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэтический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 1008 с.

16. Гак В.Г. Словарь // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 462–464.

LANGUAGE NORMS IN THE *ACADEMIC EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE*

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 13, pp. 58–80.

DOI: 10.17223/22274200/13/4

Alexey E. Tsumarev, Larisa L. Shestakova, V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: zumarew@yandex.ru / lara.shestakova@mail.ru

Keywords: modern Russian standard language, language norm, language system, usage, codification, lexicography, explanatory dictionary, word list, dictionary entry.

The article describes the *Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language* as a normative (prescriptive) dictionary. This dictionary is created at V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS; in 2016, the first two volumes were published, prepared under the leadership of L.P. Krysin.

There are two parts in the article. In the first part, it is noted that the normativity of the new dictionary is manifested in two ways: 1) in the rejection to include most non-standard language units in it, 2) in the normative evaluation (by means of normative labels) of a number of non-standard units included in it. The connection of the norms codified in the dictionary with the language system and modern usage is revealed. The systematic character of language at the level of a word list is reflected: for example, in a number of cases the dictionary includes not just one word, but a family of words (*animatsiya, animatsionnyy, animator*). Attentive studying of usage allows to correct the linguistic description of lexemes of different spheres, including the religious one (for example, the entries of words *vsenoshchnaya* and *grekh*).

In the second part of the article, the ways (including new ones) of reflection of the types of language norms (spelling, orthoepic, grammatical etc.) in different zones of the dictionary entry are considered. Thus, in the analysis of the spelling norm, attention is focused on the label “*s propisnoy bukvy*” [with a capital letter], which is consistently used in the dictionary in connection with the problem of choosing a capital/small letter. Now, when the language is mastering a set of borrowed words, the need of fixing the orthoepic norm in an explanatory dictionary is obvious. This norm is explicated by a special label in the form of a combination of letters designating the corresponding sounds (BÉBI [bé]). When characterizing the grammatical norm, cases of the lexicographic presentation of grammatical variance, as well as animacy of nouns (by means of label “*odush.*” [animate]) are analyzed. In the analysis of the stylistic norm, the emphasis is placed on the replenishment of the repertoire of stylistic labels and on the lexicographic reflection of changes in stylistic properties of words (for example, words *bezotgovorochny, gaerstvovat'* got the label “*ustar.*” [obsolete]). It is emphasized that the fixation of the lexical-semantic and phraseological norms (that are most important for the explanatory dictionary) provides for the correction of available definitions, the identification and semantic description of words and phraseological units that have recently entered the language.

It is shown that the lexicographic presentation of language norms in the *Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language*, on the one hand, is based on the lexicographic tradition and, on the other hand, is aimed at its development and enrichment with new content.

References

1. Krysin, L.P. (ed.) (2016) *Akademicheskij tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–2. Moscow: Izd. Dom YaSK.
2. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 4th ed. Moscow: Rus. yaz.: Poligrafresursy.
3. Tsumarev, A.E. et al. (2017) “Akademicheskij tolkovyy slovar' russkogo yazyka”: traditsionnoe i novoe [“Academic Dictionary of the Russian Language”: the traditional and the new]. *Izv. RAN. Ser. lit. i yaz.* 76:5. pp. 1–17.
4. Gorbachevich, K.S. (1982) *Sovremennaya normativnaya leksikografiya* [Modern normative lexicography]. *Vestnik AN SSSR.* 1. pp. 77–86.

5. Vinokur, T.G. (1988) Nuzhna li normativnomu tolkovomu slovaryu pometa "prostorechnoe"? [Do we need the label "vulgar" in a standard explanatory dictionary?]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Slovarnye kategorii* [Dictionary categories]. Moscow: Nauka.
6. Filin, F.P. (1973). O strukture sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [On the structure of the modern Russian literary language]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2. pp. 3–12.
7. Sklyarevskaya, G.N. (1973) *O sootnoshenii leksikograficheskikh ponyatiy "razgovornoe" i "prostorechnoe"* [On the correlation of lexicographic concepts "colloquial" and "vulgar"]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
8. Shvedov, N.Yu. (ed.) (2007) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow: Azbukovnik.
9. Gerd, A.S. (ed.) (2004) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [A large academic dictionary of the Russian language]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
10. Krysin, L.P. et al. (2016) [Types of information about the word and ways to present them in the "Academic Dictionary of the Russian Language"]. *Russkaya leksikografiya XXI veka: problemy i sposoby ikh resheniya* [Russian lexicography of the 21st century: problems and ways to solve them]. Proceedings of the international conference. 12–14 December 2016 g. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 53–56. (In Russian).
11. Lopatin, V.V., Chel'tsova, L.K. & Nechaeva, I.V. (2002) *Kak pravil'no? S bol'shoy bukvy ili s malen'koy?: Orfograficheskii slovar': ok. 20 000 slov i slovosochetaniy* [Which is right? With a capital letter or with a small one?: A spelling dictionary: approx. 20 000 words and phrases]. Moscow: Astrel': AST.
12. Mark, Bishop of Yegoryevsk. (2007) *Tserkovnyy protokol* [Church protocol]. Moscow: Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi.
13. Lopatin, V.V. & Ivanova, O.E. (eds) (2012) *Russkiy orfograficheskii slovar': ok. 200 000 slov* [Russian spelling dictionary: approx. 200 000 words]. 4th ed. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
14. Es'kova, N.A. (ed.) (2015) *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy: svyshe 70 000 slov* [Orthoepic dictionary of the Russian language: pronunciation, accent, grammatical forms: over 70 000 words]. 10th ed. Moscow: AST.
15. Kalenchuk, M.L., Kasatkin, L.L. & Kasatkina, R.F. (2016) *Bol'shoy orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [A large orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the 21st century: the norm and its variants]. Moscow: AST-PRESS KNIG.
16. Gak, V.G. (1998) *Slovar'* [Dictionary]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Yazykoznanie: Bol'shoy entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics: The Big Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81'37 + 81'374 + 811.161.1'374.221

DOI: 10.17223/22274200/13/5

Л.Г. Бабенко

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ РУССКИХ СИНОНИМОВ В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ СИНОНИМОВ С ЭМОТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ)¹

Демонстрируются варианты моделирования семантики синонимов в структуре словарной статьи Большого толкового словаря синонимов русской речи, основанием разграничения которых являются принципы многоаспектности и избирательности, обуславливающие выбор различных стратегий при описании типовой семантики синонимических рядов в целом (словарные зоны: «Семантическая идея» и «Прототип») и индивидуальной семантики синонимов в составе ряда (словарная зона «Семантические сходства и различия»).

Ключевые слова: идеографический словарь, синонимический ряд, моделирование, семантика, эмоции.

Введение

В русской лексикографии наблюдается повышенный интерес к словарям синонимов русского языка, обусловленный разными причинами: лингвистическими, связанными с необходимостью создания новых словарей синонимов активного типа, адекватно отображающих богатство современной русской речи, экстралингвистическими: социальными и психологическими, связанными с развитием стратегий и тактик свободного общения, повышением значимости в социальном контексте ораторского искусства, красноречия и других коммуникативных способностей, в развитии которых неocenимую роль играют именно синонимические средства языка. Все это приводит к тому, что в настоящее время предлагается множество словарей синонимов раз-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005 «Репрезентация и интерпретация внутреннего мира человека в русском языке: семантика, курс, прагматика»).

ного типа и формата, наблюдается бум издания подобных словарей: с одной стороны, переиздаются не утратившие актуальности и значимости традиционные словари синонимов [1, 2], с другой – издаются принципиально новые по концепциям словари синонимов [3, 4]. В большинстве словарей синонимы традиционно приводятся перечислительно в составе синонимических рядов (далее – СР), представленных в разном объеме, с различной степенью полноты охвата имеющих в языке синонимических средств и обычно не содержат развернутых толкований их семантики.

Принципиально отличается от всех словарей синонимов «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», созданный под редакцией Ю.Д. Апресяна [3]. В нем описана лишь часть синонимического фонда русского языка, но при этом предложена и реализована концепция лексикографического портретирования применительно к синонимии, которая позволила ученым-лексикографам, авторам словаря, многоаспектно представить семантику СР и смысловые различия членов рядов, особенности их контекстного употребления, а также их парадигматические связи разного рода.

1. Идеографические словари синонимов

Большую роль в развитии словарного представления синонимии в лексикографических параметрах играют идеографические словари, которые позволяют показать в новом свете их роль в отображении мира, в формировании языковой картины мира, в выделенности и концентрации наиболее важных ее фрагментов. СР представляют лексические категории, формируемые отношениями тождества. Они состоят из близких по семантике слов, отличающихся минимальными интерпретационными, функционально-стилистическими и эмоционально-оценочными смыслами и выполняющих специфическую функцию в процессе категоризации мира, отображая самое существенное и важное в нем с точки зрения носителей языка, поэтому подобные словари играют особую роль в познании и отображении мира действительности.

Коллектив ученых-лексикографов уральской семантической школы более двадцати лет занимается разработкой концепций и созданием на их основе идеографических словарей синонимов, рассчитанных на разных пользователей. К настоящему времени создано три концеп-

туально различных версии идеографических словарей синонимов. Первым был подготовлен «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» [5], позднее переизданный как «Словарь-тезаурус русского языка» [6] в связи с его доработкой, в результате которой был сокращен его словник за счет удаления лексики, ограниченной в употреблении: разговорно-сниженной, жаргонной, архаичной. Особенность и значимость этих двух словарей заключается в представленности в них большого корпуса синонимических средств русского языка, распределенных по идеографическим группам. Эти словари являются идеографическими словарями-тезаурусами списочного типа, в них не осуществлялась семантизация синонимов, а информация об их тематической принадлежности к определенной группе в очень общем виде заключена в самих названиях групп, к которым отнесены синонимы. Позже были изданы два толковых идеографических словаря синонимов [7, 8], в которых СР не только были распределены по идеографическим группам, но внутри словарных статей с учетом их категориально-грамматической семантики – по частям речи. При этом они сопровождалась толкованиями: в них было осуществлено описание общей типовой семантики всех включенных в словарь СР слов, в то же время семантика синонимов-членов СР не была предметом лексикографирования.

В настоящее время завершается работа над созданием «Большого толкового идеографического словаря синонимов русской речи», первый том которого был издан около десяти лет назад [9], подготовлены и сданы в издательство еще три тома этого словаря, завершается подготовка дополнений к различным томам. Источником этого словаря послужили синонимические ряды слов, выявленные ранее из различных словарей синонимов разных авторов, в том числе указанных выше [1–4], которые были систематизированы по денотативно-идеографическим сферам, полям, группам и опубликованы в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи» [5]. В этот словарь была включена лексика разных пластов, в том числе разговорная, разговорно-сниженная, жаргонная, бранная и др. Это обусловлено разными факторами: во-первых, самой природой синонимии, тем, что в составе синонимических рядов много стилистически-маркированной, эмоционально-оценочной, экспрессивной лексики; во-вторых, языковой ситуацией в современной России, проявляющейся в активизации заимствований, появлении новых и переосмыслении старых слов;

в-третьих, субъективной позицией авторов-составителей словаря, стремившихся отобразить в нем живую русскую речь во всем ее многообразии. В-четвертых, расширение словника словаря-тезауруса (8 000 СР, включающих около 46 000 синонимов) продиктовано взглядом авторов на природу синонимов, в состав которых включались не только абсолютные (полные) синонимы, связанные отношениями тождества, но и идеографические (неполные) синонимы, связанные отношениями включения и пересечения. Они имеют незначительные семантические различия, нейтрализуемые в речи, что соответствует широкому пониманию синонимии, у которого много сторонников в русской лексикологической традиции (Ю.Д. Апресян, Е.А. Иванникова, М.Ф. Палевская, Д.Н. Шмелев и др.).

В создаваемом сейчас большом словаре синонимов нашла отражение концепция «Толкового идеографического словаря синонимов нового типа», основанная на достижениях теоретической семантики, теоретической и практической лексикографии, когнитивистики, с учетом которых были разработаны принципы и способы репрезентации в лексикографических параметрах семантики синонимов. Кроме того, в нем получила дальнейшее развитие концепция лексикографического представления в структуре идеографических словарей семантики лексических множеств различного типа – глаголов, существительных, синонимов, ключевых концептов и др., которая впервые была предложена нами в «Толковом словаре русских глаголов» [10]. Используясь в дальнейшем в других словарях, она сохранялась по существу, но в то же время претерпевала некоторые изменения, обусловленные различной категориально-грамматической природой описываемых множеств.

Суть разработанного подхода заключалось в том, что в указанных идеографических словарях основное внимание уделялось моделированию структуры словарной статьи лексических множеств (макроструктуры), моделированию общей семантики этих групп, а также структуры дефиниций слов-членов этих групп (микроструктуры). В результате в макроструктуре самих групп выделялись словарные зоны, в которых отображались по отдельности семантика рассматриваемых словесных множеств (типовая семантика), а также лексическая семантика слов-членов этих множеств (индивидуальная семантика). При этом для лексикографической параметризации предложенных вариантов семантики различных групп слов мы использовали во

всех созданных словарях и используем сейчас термин *моделирование*, который осмысливается двояко. Во-первых, как модель описания какой-либо семантической группы слов, как определенный алгоритм лексикографического представления общей семантики группы, результатом отображения которого являются макроструктура словарной статьи в целом и словарная зона, связанная с репрезентацией ее типовой семантики. Во-вторых, когда объектом лексикографической параметризации является семантика отдельного слова определенной ЛСГ, моделирование понимается как процедура описания его индивидуальной семантики по определенной формуле, схеме, включающей базовый идентификатор рассматриваемой группы, репрезентирующий смысловое тождество слов одной группы, и лексические репрезентанты, отображающие их семантические различия.

Предметом данной статьи является рассмотрение вариантов моделирования типовой семантики СР слов в целом и отдельных синонимов в составе СР, которое осуществлено в «Большом толковом словаре синонимов русской речи».

2. Моделирование семантики СР слов в «Большом толковом словаре синонимов русской речи»

Словарная статья в данном словаре включает обычно несколько синонимических рядов, близкородственных по семантике, связанных деривационными отношениями, состоящих из слов различной категориально-грамматической природы. В ней обычно один из синонимических рядов избирается из всей совокупности СР как основной и освещается многоаспектно по всем принятым в словаре параметрам, другие приводятся после основного СР списком как близкородственные с указанием лишь общей семантики СР. В результате подобного подхода внутренняя структура словарных статей этого словаря (макроструктура) отличается максимальной полнотой охвата всех СР, относящихся к одной идеографической группе, которая дополняется многоаспектным описанием основного СР в целом и отдельно слов-членов этого СР. При этом моделирование общей семантики СР и семантики составляющих эти ряды синонимов осуществляется по-разному. В качестве иллюстраций наших положений будем использовать словарные статьи из идеографической группы под номером 4.1.10. СПОКОЙСТВИЕ, в которой содержится 30 СР, в том числе 7 –

основных СР и 23 – близкородственных. Можно сказать, что основные СР вместе с относящимися к ним близкородственными СР представляют собой идеографические микрогруппы, основную роль в формировании которых играют синонимы-доминанты основных СР. В данной статье анализируются два СР с одинаковой доминантой СПОКОЙСТВИЕ: 1. *Спокойствие, безмятежность, мир, покой, тишина, умиротворение, умиротворенность, успокоение, успокоенность, разг.-сниж. спокой*; 2. *Спокойствие, бесстрашие, бесстрастность, выдержка, невозмутимость, самообладание, сдержанность, уравновешенность, флегма, флегматизм, флегматичность, хладнокровие, устар. холоднокровие*. Эти ряды различаются по интерпретационной семантике (первый обозначает эмоциональное состояние спокойствия, а второй – идентичное ему эмоциональное качество, характеризующее человека), по составу СР, особенностям соотносительности с близкородственными рядами, антонимами и фразеологизмами. СР СПОКОЙСТВИЕ (1) включает дополнительно к основному 13 близкородственных СР, которые дают возможность более детализированно и многоаспектно интерпретировать спокойствие. Это передается в семантике доминант СР. В них спокойствие отображается как эмоциональное состояние и его становление (*Спокойный. Успокаиваться / успокоиться*), как эмоциональное воздействие (*Успокаивать / успокоить. Усмирение. Утешительный*), как эмоциональная характеристика человека (*Усмиритель*). Таким образом, в составе одной словарной статьи СПОКОЙСТВИЕ (1) имеется 14 СР, многоаспектно интерпретирующих эмоциональное состояние, обозначенное синонимом-доминантой основного СР. В отличие от этого ряда СР СПОКОЙСТВИЕ (2) включает наряду с основным только два близкородственных ему СР. Приведем их полностью с дефинициями:

Спокойный, бесстрастный, воздержанный, выдержанный, невозмутимый, ровный, сдержанный, уравновешенный, флегматический, флегматичный, хладнокровный, книжн. эпический, устар. философический, разг. несуетный, разг. философский. Отличающийся уравновешенным характером, не причиняющий беспокойства.

Спокойно, бесстрастно, невозмутимо, ровно, сдержанно, философски, флегматически, флегматично, хладнокровно, устар. философически, устар. холоднокровно. Проявляя спокойствие, уравновешенность.

Если сопоставить семантику основного СР и близкородственных СР, то следует отметить, что в основном СР СПОКОЙСТВИЕ (2) ко-

гнитивно значимым является отображаемое в отвлеченном виде эмоциональное качество человека, а в близкородственных СР с учетом категориально-грамматической «упаковки» синонимов оно трактуется уже как отличительный эмоциональный признак (доминанта СР – *спокойный*) или его проявление, внешнее выражение, сопутствующее какому-либо действию, процессу (доминанта СР – *спокойно*). Как видим, количество близкородственных СР, соотносительных с основным СР, может быть различным.

При этом макроструктура каждой словарной статьи «Большого идеографического словаря синонимов русской речи» смоделирована таким образом, что она позволяет отобразить всю совокупность смыслов, регулярно выражаемых всеми СР, составляющими одну смысловую микрогруппу и включенными в словарную статью с учетом их статуса в качестве основного СР или близкородственного ему СР. В то же время она демонстрирует возможности синонимов актуализировать различные интерпретационные варианты при отображении тождества предметов, процессов, явлений и др., в том числе эмоциональной деятельности. Особую значимость в структуре словарной статьи имеет та ее часть, которая посвящена отдельному моделированию семантики основного СР из совокупности всех СР, включенных в одну словарную статью.

Заглавными единицами словарных статей словаря являются синонимы-доминанты СР, которые выполняют функцию имен-репрезентантов всех деривационно связанных СР одной идеографической группы, включая основные ряды и близкородственные им. Можно сказать, что они являются прототипичными по семантике эталонными репрезентантами групп синонимов согласно мнению А.В. Бондарко, утверждавшего, что прототип – это эталонный репрезентант, эталонный вариант определенного инварианта среди прочих его представителей (вариантов) [11. С. 265].

Итак, имя-репрезентант анализируемого первого СР – **СПОКОЙСТВИЕ**, оно выносится в заглавную позицию словарной статьи. Затем идет словарная зона «синонимический ряд», включающая перечень всех синонимов этого ряда, в котором доминанта выделяется полужирным шрифтом:

СПОКОЙСТВИЕ, БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ, МИР, ПОКОЙ,
ТИШИНА, УМИРОТВОРЕНИЕ, УМИРОТВОРЁННОСТЬ,
УСПОКОЕНИЕ, УСПОКОЕННОСТЬ, *разг.-сниж.* СПОКОЙ

Далее следует семантическая часть, в которой по определенным формализованным правилам дается описание в лексикографических параметрах трех типов семантики синонимов основного СР: во-первых, толкование типовой семантики, свойственной СР в целом, в виде двух лексикографических параметров – семантической идеи и прототипа, во-вторых, индивидуальной семантики каждого слова-члена СР слов. Таким образом, всего в словарной статье три словарные зоны, в которых толкование типовой семантики синонимического ряда в целом и индивидуальной лексической семантики членов СР слов моделируется и осуществляется по-разному, что обуславливает выделение в словарной статье трех специализированных словарных зон.

2.1. Моделирование типовой семантики синонимического ряда

Для репрезентации типовой семантики синонимического ряда в словарной статье есть две словарные зоны, представляющие семантическую идею (1) и прототип (2), в основе которых лежат различные принципы лексикографического описания.

Семантическая идея – это сформулированная в обобщенном виде типовая семантика, характерная для всех членов синонимического ряда слов, которая передает самые существенные знания о соответствующем отображаемом предмете, признаке, процессе и др. Она выводится из лексической семантики всех синонимов одного СР и основывается на синтезе их общих существенных семантических признаков. Фактически она представляет собой категориально-лексическую семантику синонимов одного СР слов, обуславливающую их семантическое тождество и включение в один парадигматический ряд. Например, в анализируемом СР с доминантой **СПОКОЙСТВИЕ (1)** семантическая идея формулируется следующим образом: *эмоциональное состояние душевного равновесия, внутреннего покоя без тревог, волнений, забот.*

Семантическая идея, вынесенная в специальную словарную зону, далее неоднократно репрезентируется в словарной статье (условно – по вертикали), включаясь в дефиниции слов-членов СР, выступая основным семантическим стержнем, связующим их. Формально это воплощается по-разному: дублированием семантической идеи в структуре дефиниции синонимов одного ряда или включением в их структуру самого синонима-доминанты, в свернутом виде передающего

семантическую идею. В данном СР преобладает второй вариант включения в дефиницию семантической идеи с помощью повторения синонима-доминанты ряда, например:

УСПОКО'ЕНИЕ. *Беспечное спокойствие, умиротворение, обычно возникающее в душе человека в результате воздействия извне или в результате прилагаемых собственных усилий, а также вследствие утраты активности после достижения успеха.*

Подобный вариант обычно используется при толковании идеографических синонимов, когда синоним-доминанта ряда является опорным компонентом дефиниции, уточняемым лексическими репрезентантами имеющих различительных семантических признаков.

Следующая словарная зона представляет прототип. Классическое понимание этого термина, предложенное Э. Рош – основателем прототипического подхода в семантике, связано прежде всего с представлением о механизмах категоризации действительности, в результате которой происходит объединение разного рода ментальных репрезентаций в категории, группы, понимаемые как совокупности эквивалентных объектов [12. С. 30]. В результате этого под прототипом понимается сущность, наиболее полно и точно отражающая признаки, свойства элементов одной категории и являющаяся его характерным представителем как в аспекте стереотипизации процесса его восприятия с точки зрения социума [Там же. С. 36], так и в аспекте его последующей номинации. Необходимо подчеркнуть, что объектами категоризации служат не только предметные сущности, но и нефизические сущности. На это указал еще Дж. Лакофф [13. С. 180], поэтому прототипический подход применим и при описании типовой семантики единиц с отвлеченной семантикой, отображающей, в частности, и эмоционально-психологическую природу человека. Опираясь на подобное осмысление прототипа, мы вводим в словарную статью соответствующую словарную зону. Кроме того, следует учитывать и тот фактор, что объем признаков элементов однотипных естественных категорий хотя и основан на их тождестве, но это тождество не имеет абсолютного проявления и предполагает некоторую вариативность, о чем писала Е.С. Кубрякова, которая отметила, что «естественные категории объединяют такие единицы, признаки которых, повторяясь попарно, не повторяются по своему полному набору у каждого из членов» [14. С. 310].

Словарная зона, представляющая **Прототип** (устойчивый мысленный образ), как форма репрезентации типовой семантики СР, с нашей точки зрения, должна включать всю совокупность существенных семантических признаков, извлеченных из семантики слов-синонимов одного СР. В этой совокупности могут быть и образные ассоциации, национально-культурные представления, чрезвычайно значимые в коммуникативной и когнитивной деятельности говорящих. Они репрезентируются компонентами синонимического ряда слов, которые обобщаются и предстают в виде описания совокупности когнитивных признаков, свойственных компонентам синонимического ряда слов. Другими словами, прототип в подобном осмыслении представляет собой типовую семантику синонимов одного СР, связанных отношениями тождества и сходства и наиболее полно отображающих их семантические признаки. При этом следует отметить и роль человеческого фактора, которая обнаруживается в закреплении в прототипе регулярно репрезентируемых признаков, связанных с категориями оценки, модальности, образности и национально-культурными ассоциациями. В словаре прототип понимается как типичный представитель категории: это мысленный образ отображаемых предметов, процессов, явлений, принадлежащих одной категории, с помощью которого человек воспринимает, познает действительность. Он осмысляется как совокупность когнитивных признаков, его основу составляет семантическая идея, сформулированная ранее. Именно с повторения семантической идеи начинается описание прототипа, включающего наряду с ней комплекс когнитивных признаков, свойственных каждой идеографической группе и подгруппе. Важно отметить, что аспекты параметризации данных признаков регулярно повторяются при толковании каждого отдельного члена синонимического ряда, но в различном наборе. Обратимся к прототипу синонимического ряда СПО-КОЙСТВИЕ (1), который в нашем словаре описывается следующим образом:

Эмоциональное состояние душевного равновесия, внутреннего покоя без тревог, волнений, забот. Подобное состояние обычно длится определенное время, может быть кратковременным, ситуативным, а может быть и достаточно длительным. Обычно человек мечтает о покое и стремится к нему. Это состояние зачастую сопрягается с удовольствием,

радостью, вследствие чего оно и является желаемым. Спокойствие может нарушаться сознательно или случайно самим субъектом, также вмешательством извне: различными ситуациями и событиями внешнего мира, другими людьми. Это состояние обнаруживается в малоподвижности лица, отсутствии специфической мимики, ровном голосе. Со стороны оно оценивается положительно и уподобляется тишине в природе, в окружающем мире, отсутствию в нем движения и шума.

Прототип рассматриваемого СР включает следующие существенные когнитивные признаки, сгруппированные по параметрам и выраженные в дефинициях определенными лексическими репрезентантами, которые приводятся далее после указания параметров в скобках: ‘статальность’ (*состояние*), ‘субъектность’ (*о человеке*), ‘эмотивность’ (*эмоциональное состояние*), сопряженные эмоции (*душевное равновесие, внутренний покой без тревог, волнений, забот, удовольствие, радость*), ‘обусловленность’ (*может нарушаться сознательно или случайно самим субъектом, также вмешательством извне*), ‘темпоральность’ (*длится определенное время, может быть кратковременным и достаточно длительным*), ‘динамичность – способность к изменению’ (*может нарушаться сознательно или случайно самим субъектом, также вмешательством извне*), ‘внешнее проявление’ (*малоподвижность лица, отсутствие специфической мимики, ровный голос*), ‘модальность’ (*является желаемым*), ‘оценочность’ (*оценивается положительно*), ‘образность’ (*уподобляется тишине, отсутствию движения и шума*).

В представленном описании прототипа СР СПОКОЙСТВИЕ выявленные признаки отнесены к одиннадцати основным параметрам, которые представляют собой структуру прототипа, формируемую в процессе его оптимизации. Существенными для описываемой эмоции спокойствия и отражающими регулярные аспекты лексико-семантического варьирования синонимов внутри СР относительно его доминанты являются когнитивные признаки всех выявленных параметров, они также в своей совокупности входят в более крупный когнитивный комплекс всей базовой категории «Эмоции».

Выявленная структура прототипа отличается регулярностью репрезентации указанных когнитивных признаков в различных сочетаниях в семантике синонимов-членов СР СПОКОЙСТВИЕ (1). В то же

время она частично пересекается и со структурой прототипа другого СР из этой же группы СПОКОЙСТВИЕ (2) по причине их отнесенности к одной идеографической группе синонимов, что проявляется в частичном совпадении состава когнитивных признаков двух близких по эмотивной семантике рядов.

Второй ряд включает 13 синонимов: **СПОКОЙСТВИЕ**, **БЕССТРАСТИЕ**, **БЕССТРАСТНОСТЬ**, **ВЫДЕРЖКА**, **НЕВОЗМУТИМОСТЬ**, **САМООБЛАДАНИЕ**, **СДЕРЖАННОСТЬ**, **УРАВНОВЕШЕННОСТЬ**, **ФЛЕГМА**, **ФЛЕГМАТИЗМ**, **ФЛЕГМАТИЧНОСТЬ**, **ХЛАДНОКРОВИЕ**, *устар.* **ХОЛОДНОКРОВИЕ**.

Прототип этого СР сформулирован в словаре следующим образом: *эмоциональное качество человека, заключающееся в душевном равновесии, умении владеть собой, способности терпеть лишения, обиду, несправедливость и т. п., обнаруживающееся в спокойном ровном характере, уравновешенности и проявляющееся в поведении. Это качество сочетается с невозмутимостью, порой, с безразличием. Оно обычно бывает основано на способности владеть собою в трудных обстоятельствах, умении не поддаваться минутным настроениям, на терпении, стойкости. Это качество чаще всего является природным свойством человека и составляет психологическую доминанту его характера. В то же время оно порой может быть ситуативным – расчетливым и обдуманым, так как особенно важно в эмоционально сложных ситуациях. Со стороны оценивается обычно положительно, хотя могут быть и отрицательные оценки.*

Анализ в плане соотносительности прототипа СР СПОКОЙСТВИЕ (2) с ранее рассмотренным прототипом СР СПОКОЙСТВИЕ (1) показывает, во-первых, их пересекаемость, что ожидаемо и обусловлено принадлежностью этих СР к одной смысловой группе. Так, совпадают параметры 'субъектность', 'эмотивность', 'темпоральность', 'внешнее проявление', 'оценочность'. В то же время есть отличия: во втором СР при интерпретации эмоции спокойствия вместо классифицирующего параметра 'статальность' появляется аналогичный по статусу параметр 'качество', на основании которого формируется СР с общей семантикой «эмоциональное качество человека». При этом данное качество уточняется конкретизирующими параметрами 'психологическая доминантность', 'характер человека', 'способность к стойкости', 'поведение в сложных ситуациях', 'расчетливость и обдуманность' / 'спонтанность'.

Анализ прототипов обоих СР, относящихся к различной интерпретации эмоции спокойствия (СР 1 – спокойствие как эмоциональное состояние и СР 2 – спокойствие как эмоциональное качество), показывает, что регулярными параметрами их интерпретации в структуре прототипа, составляющими его основу, базу, являются следующие: субъектность, эмотивность, обусловленность, темпоральность, внешнее проявление, оценочность, наряду с которыми есть и параметры, разграничивающие эти СР.

2.2. Моделирование семантики слов-членов СР слов

Индивидуальная лексическая семантика синонимов описывается в специально выделенной для этого словарной зоне «Семантические сходства и различия», которая располагается в словарной статье после выделения семантической идеи и прототипа и в которой осуществляется семантизация слов-синонимов – членов одного СР слов, прежде всего с целью выявления их тождества или различий: смысловых, функционально-стилистических и эмоционально-оценочных. Моделирование семантики синонимов-членов СР опирается на семантическую идею, выделенную ранее и включенную в микроструктуру дефиниций слов-членов СР, которая составляет основу их дефиниций, являясь их ядерной частью, и обычно включается в их состав по-разному: в полном, развернутом виде, частично неполном либо свернуто – словом-доминантой ряда. При полном совпадении семантики синонимов в случае абсолютной синонимии используется оператор «То же, что», за которым следует доминанта, а для репрезентации смысловых различий идеографических синонимов используются дополнительные лексические репрезентанты, для функционально-стилистических и эмоционально-оценочных различий – специальные пометы. Для переносных значений наряду со специальной пометой в дефиниции используется система маркеров: *подобно тому, как, словно* и пр. Начинает эту часть словарной статьи в качестве заглавного слова синоним-доминанта, за которым в качестве заглавных слов располагаются остальные синонимы всего СР, сначала нейтральные, затем стилистически маркированные. Например, в словарной статье СР СПОКОЙСТВИЕ 1, семантическая идея которого – *эмоциональное состояние душевного равновесия, внутреннего покоя без тревог, волнений, забот*, следующим образом описаны сходства и различия синонимов этого СР.

Семантические сходства и различия.

СПОК'ОЙСТВОЕ. Эмоциональное состояние душевного равновесия, внутреннего покоя без тревог, волнений, забот.

БЕЗМЯТ'ЕЖНОСТЬ. Невозмутимо спокойное душевное состояние, не нарушаемое и не смущаемое кем-л., чем-л.

МИР. То же, что спокойствие.

ПОК'ОЙ. *Перен.* Душевное спокойствие, безмятежное умиротворенное состояние, уподобляемые тишине в природе, в окружающем мире, отсутствию в нем движения и шума.

ТИШИН'А. *Перен.* То же, что покой.

УМИРОТВОР'ЕНИЕ. Состояние полного покоя, довольства, испытываемое обычно в силу ровного психологического характера человека или наступающее обычно после каких-либо переживаний, а также вызываемое положительным восприятием окружающего мира.

УМИРОТВОР'ЕННОСТЬ. То же, что умиротворение.

УСПОКО'ЕНИЕ. Беспечное спокойствие, умиротворение, обычно возникающее в душе человека в результате воздействия извне или в результате прилагаемых собственных усилий, а также вследствие утраты активности после достижения успеха.

УСПОК'ОЕННОСТЬ. То же, что состояние успокоения.

СПОК'ОЙ. *Разг.-сниж.* То же, что покой.

Как видим, в данном СР есть только один абсолютный (полный) синоним *мир*, тождественный по смыслу доминанте СР *спокойствие*, дефиниция которого начинается оператором *То же, что*.

Остальные синонимы относятся к разряду идеографических синонимов, которые имеют незначительные семантические различия и вступают с доминантой ряда в привативную оппозицию: *спокойствие – покой, спокойствие – успокоение, спокойствие – безмятежность*. Некоторые идеографические синонимы могут быть тождественными по смыслу и являться полными синонимами (*покой – тишина – покой, умиротворение – умиротворённость, успокоение – успокоенность*), в этом случае также используется оператор *То же, что*. При этом данные синонимы образуют эквивалентные оппозиции, связывающие их отношениями пересечения с другими идеографическими синонимами (*покой – умиротворе-*

ние, покой – успокоение). Указанные различия идеографических синонимов нейтрализуются в речи, а в словарной статье структура дефиниции моделируется таким образом, чтобы подчеркнуть их близость и сходство. С одной стороны, дефиниции идеографических синонимов включают слово-доминанту, что призвано символизировать их близость, показать их общую семантическую основу. С другой стороны, они содержат лексические репрезентанты, показывающие их различия.

Если обобщить различительные семантические признаки идеографических синонимов по параметрам конкретизации, можно сказать, что основанием различий в данном СР являются **признаки степени проявления** (*‘состояние полного покоя’* для умиротворения, умиротворенности, безмятежности), **совмещенные эмоции** (например, *‘душевное равновесие’*, *‘покой без тревог, волнений, забот’* для спокойствия), **обусловленность** (*‘состояние после переживаний, вызванное восприятием мира’* для умиротворения, *‘в результате воздействия извне, вследствие утраты активности’* для успокоения) и **свойства характера** (*‘состояние, испытываемое в силу характера’* для члена СР *умиротворение*), а также **ассоциативные признаки** (*‘уподобляемое тишине в природе, отсутствию шума’* для синонимов *покой, тишина*).

Структурные парадигматические связи в СР СПОКОЙСТВИЕ (2), взятом для сопоставления, иные, в нем преобладают идеографические синонимы, связанные с доминантой СР отношениями включения (*спокойствие – выдержка, невозмутимость, сдержанность, уравновешенность*) и пересечения (*спокойствие – бесстрашие, флегма, флегматизм, хладнокровие*). Отношения тождества связывают только идеографические синонимы-члены СР между собой (*бесстрашие – бесстрастность, флегма – флегматизм, хладнокровие – хладнокровие*). Что касается семантических признаков, свойственных синонимам этого СР (СПОКОЙСТВИЕ 2), некоторые из них частично совпадают с семантическими признаками СР СПОКОЙСТВИЕ 1 (*‘степень проявления эмоции спокойствия’*, *‘внешнее проявление’*, *‘совмещенность различных эмоций’*), но при этом есть и специфические признаки, свойственные именно СР 2: *‘характер человека’*, *‘поведение в сложных ситуациях’*, *‘эмоциональная способность владеть собой, терпеть лишения и трудности разного рода’*, *‘обусловленность этой способности’*, которая может быть *‘вслед-*

ствие природного спокойствия человека', может быть 'следствием нравственных установок' или 'обусловлено гармоническим равновесием внутренних эмоциональных качеств человека', 'ситуативность ее проявления' ('обычно проявляемые в эмоционально сложной ситуации', 'в негативных разрушительных ситуациях', 'во время паники, эмоционального срыва' и др.).

Как видим, два СР с одинаковой доминантой, относящиеся к различным подгруппам (микрогруппам) одной идеографической группы, взятые для сопоставления, обнаруживают, с одной стороны, частичную однотипность и регулярность параметризации признаков в структуре прототипа, когнитивную пересекаемость семантических идей, типовой семантики этих СР, а также семантики синонимов-членов этих СР. С другой стороны, наблюдаются семантические расхождения как на уровне базового категориального компонента их общей типовой семантики, так и на уровне лексических значений синонимов-членов СР, которые и являются основанием их отнесенности к разным идеографическим подгруппам: спокойствия как эмоционального состояния (СР 1) и спокойствия как эмоционального качества человека (СР 2).

Итак, моделирование семантики синонимов в «Большом толковом словаре синонимов русской речи» осуществляется многоаспектно и реализуется в различных зонах словарной статьи с использованием таких лексикографических параметров, как семантическая идея, прототип, семантические сходства и различия. Условно говоря, семантика синонимов, с одной стороны, раскрывается по вертикали в направлении от семантической идеи и прототипа всего СР до семантики каждого конкретного слова-синонима, с другой – разворачивается по горизонтали в процессе семантизации синонимов-членов СР с опорой на выявленные ранее семантическую идею и прототип.

Литература

1. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. М. : Рус. яз., 2001. 568 с.
2. *Словарь синонимов русского языка* : в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Астрель : АСТ, 2001.
3. *Апресян Ю.Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.

4. *Кожевников А.Ю.* Большой синонимический словарь русского языка: Речевые эквиваленты: Практический справочник: в 2 т. СПб. : Нева, 2003.

5. *Словарь-тезаурус синонимов русской речи* / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 632 с.

6. *Словарь-тезаурус синонимов русского языка* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : СЛОВАРИ XXI в., 2017. 447 с.

7. *Словарь синонимов русского языка* / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : Астрель, 2011. 687 с.

8. *Современный словарь русского языка: Синонимы* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ : Астрель, 2011. 832 с.

9. *Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание: Антонимы. Фразеологизмы. Т. 1* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 864 с.

10. *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. синонимы. Антонимы* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. 694 с.

11. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2002. 724 с.

12. *Rosch E.* Principles of Categorization // *Cognition & Categorization*. Hillsdale, NJ, 1978. P. 27–48.

13. *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago ; London, 1987. 614 p.

14. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

MODELING OF RUSSIAN SYNONYM SEMANTICS IN A CONCEPTUAL DICTIONARY (ON THE BASIS OF DICTIONARY ENTRIES OF SYNONYM-IC SETS WITH EMOTIVE SEMANTICS)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 13, pp. 81–99.

DOI: 10.17223/22274200/13/5

Liudmila G. Babenko, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: lgbabenko@yandex.ru

Keywords: conceptual dictionary, synonymic set, modeling semantics of emotions.

The article deals with Russian synonyms considered in lexicographical parameters. Much attention is given to the results of modeling the semantics of Russian synonyms in the structure of the *Large Dictionary of Russian Synonyms*, the first volume of which was published, the other three are being prepared for publication. Each entry in the dictionary includes several synonym sets, which are semantically close; the sets consist of the words of different categorial and semantic characteristics. The research is carried out on the basis of two synonym sets of words with the domain SPOKOISTVIE [calmness]. Both sets are included in the same ideographic group, but are elements of two different micro-groups, named “Calmness as a Condition” and “Calmness as an Emotional Quality”. The selection is caused by the need to compare semantically close syn-

onym sets in order to discover and represent their similarities and differences during the semantic analysis process.

The structure of the dictionary entry has a semantic part, where the interpretation of standard semantics is made by a certain formal model which is inherent in a synonym set on the whole as well as the interpretation of individual semantics of every word belonging to the synonym set. Thus, the description of the synonym semantics possesses the feature of multidimensionality. A range of methods, based on the structural-semantic and cognitive (the theory of prototypes) approaches, is used in different dictionary zones. In the context of these methods, the main principles of representing synonym semantics in lexicographical properties were developed, the structures of dictionary entries and of synonym definitions structure were modeled. A special emphasis was put on the modeling of the structure of dictionary zones which display the semantics of synonym sets and words in the sets differently.

There are three zones for each synonym set in the dictionary entry assigned for lexicographical parametrization of the semantics of the set. Standard semantics of synonym sets in general and individual lexical semantics of their members are interpreted separately. There are two zones in the dictionary entry, "Semantic Idea" and "Prototype", which are used for the representation of the synonym set. Individual lexical semantics of synonyms is described in the "Semantic Similarities and Differences" zone. Each area has its own model of synonyms considered from different standpoints. Tentatively speaking, the semantics of a synonym set is organized vertically (from the semantic concept and the prototype of the set in general to every specific synonym) and horizontally (in the modeling of the semantics of the set units based on the identified semantic concept and prototype).

References

1. Aleksandrova, Z.E. (2001) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.
2. Evgen'eva, A.P. (ed.) (2001) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2 t.* [Dictionary of synonyms of the Russian language: in 2 vols]. Moscow: Astrel': AST.
3. Apresyan, Yu.D. (2004) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh.
4. Kozhevnikov, A.Yu. (2003) *Bol'shoy sinonimicheskiy slovar' russkogo yazyka: Rechevye ekvivalenty: Prakticheskiy spravochnik: v 2 t.* [A large synonymic dictionary of the Russian language: Speech equivalents: A practical guide: in 2 vols]. St. Petersburg: Neva.
5. Babenko, L.G. (ed.) (2007) *Slovar'-tezaurus sinonimov russkoy rechi* [Thesaurus dictionary of synonyms of Russian speech]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
6. Babenko, L.G. (ed.) (2017) *Slovar'-tezaurus sinonimov russkogo yazyka* [Thesaurus dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow: SLOVARI XXI v.
7. Babenko, L.G. (ed.) (2011) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow: Astrel'.

8. Babenko, L.G. (ed.) (2011) *Sovremennyy slovar' russkogo yazyka: Sinonimy* [The modern dictionary of the Russian language: Synonyms]. Moscow: AST: Astrel'.

9. Babenko, L.G. (ed.) (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' sinonimov russkoy rechi: ideograficheskoe opisaniye: Antonimy. Frazzeologizmy* [A large explanatory dictionary of synonyms of Russian speech: ideographic description: Antonyms. Phraseological units]. Vol. 1. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

10. Babenko, L.G. (ed.) (1999) *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS.

11. Bondarko, A.V (2002). *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: Na materiale russkogo yazyka* [Theory of meaning in the system of functional grammar: On the material of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

12. Rosch, E. (1978) Principles of Categorization. In: Rosch, E. (ed.) *Cognition & Categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.

13. Lakoff, G. (1987) *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

14. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie* [Language and knowledge]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/22274200/13/6

В.М. Грязнова

**ЛИЧНЫЕ СУФФИКСАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ
МУЖСКОГО РОДА СО ЗНАЧЕНИЕМ ПАЦИЕНСА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX СТОЛЕТИЯ (ПО ДАННЫМ
СЛОВАРЕЙ И ТЕКСТОВ)**

Рассматриваются словарные толкования номинаций лица мужского рода со значением «пациент», взятые из различных по своему типу словарей XIX в., а также текстов этого периода. Обосновывается положение о том, что представленные дефиниции и контексты могут служить источником информации о семантических процессах, происходящих в личных именах с пассивным значением в XIX в. Автор выявляет обогащение исследуемых имен за счет включения в их структуру компонента «агенса» / «носитель состояния», виды совмещения названных компонентов.

Ключевые слова: дефиниция, словарное толкование, семантический актант, субъект, объект, агент, пациент.

Статья посвящена изучению динамики суффиксальных личных наименований мужского рода со значением пациента в языке XIX в. Изменения в значении названных существительных не являлись предметом специального анализа в литературе по словообразованию и лексикологии указанного хронологического среза. В целом существительные с пассивным значением в русском языке XIX столетия являются недостаточно изученными. В коллективной монографии «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного» [1], являющейся основным исследованием по словообразованию XIX столетия, словообразовательные типы со значением пациента не только не изучаются, но даже не упоминаются.

В книге Р.В. Железновой «Из истории личных имен существительных в русском литературном языке (XI–XX)» внимание ученого сосредоточено на номинациях лица с агентивно-профессиональным значением, мотивированные личные имена со значением пациента не выделяются [2]. В работе «Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв.» имена со

значением пациенса в качестве отдельной лексико-тематической группы или словообразовательного типа не рассматриваются, есть только отдельное замечание по отношению к отглагольным именам на -ник: «...в именах на -ник идея активного производителя действия выражена приглушенно. Это находит яркое подтверждение в свойстве отглагольных имен на -ник иметь, наряду с активными, пассивные значения (ср. *ученик* ‘тот, кого учат’, *посланник* ‘тот, кого послали’, *крестник* ‘тот, кого крестили’ и т.д.)» [3. С. 27]. Р.В. Бахтурина, исследовавшая отглагольные имена лиц в древнерусском языке, пришла к выводу, что в этот период «для выражения пассивных значений активизируется модель образования имен лиц от основ страдательных причастий» [4. С. 192].

Материалом исследования послужили словари иностранных слов, толковые, энциклопедические, диалектные словари XIX в. (список представлен в конце статьи), а также тексты художественных, публицистических произведений XIX столетия. Исходный словник был выбран из толковых словарей Императорской АН, затем он уточнялся и пополнялся за счет материалов иных словарей, а также текстов. Объем картотеки более 500 единиц.

В работе анализ сосредоточен на изучении семантических ролей объекта и субъекта в содержании суффиксальных имен мужского рода. Выделение в значении лексемы различных семантических актантов привело лингвистов к более тонкому и точному его описанию. «Актанты одной лексемы различаются ролями, которые они выполняют в соответствующей ситуации» [5. С. XVII].

Под таким актантом, как субъект, Ю.Д. Апресян понимает «первый семантический актант подавляющего большинства предикатов, соответствующий тому участнику ситуации, который производит действие» [Там же. С. XXXI]. Из видов субъекта нас прежде всего интересует агенс – такой субъект, который тратит энергию (производит действие, занимается деятельностью) и представляет собой одушевленного инициатора событий, описываемых соответствующим предикатом той или иной ситуации. Агенс в работе противопоставлен носителю состояния, также являющемуся видом субъекта.

Под объектом Ю.Д. Апресян понимает «семантический актант глаголов действия, обозначающий такой предмет, который непосредственно подвергается данному действию» [Там же. С. XXV]. В нашей работе внимание сосредоточено на основном виде объекта, называе-

мом чаще пациенсом, – лице, которое испытывает эффекты действия другого лица или силы, т.е. «участника, вовлеченного в ситуацию, которую он не контролирует и не исполняет. <...> Чашка разбита, Заяц мертв, Охотник убил зайца» [6. С. 369]¹.

Для словообразовательной системы русского литературного языка XIX столетия наименования со значением пациенса неактуальны и немногочисленны: преобладали существительные со значением агенса (такие его виды, как чистый деятель типа *обрыватель* ‘обрывающий’, род занятий, ремесло типа *скатертник* ‘ремесленник, делающий скатерти’), со значением носителя признака типа *остроумник* или состояния типа *мечтатель* [7]. Хотя массив имен, обладающий значением пациенса, был небольшим, в этот период существовало семь словообразовательных типов (СТ), к которым относились суффиксальные существительные мужского рода с пассивным значением. По данным словарей, это следующие типы (в порядке убывания количества имен):

1. Мотивирующим словом является страдательное причастие прошедшего времени, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -ик, неменяющееся место ударения²: *вскормленник* ‘питомец, кто другим воспитан, вскормлен’ (СС, ч. 1, с. 345), *искупленник* ‘избавленный, выкупленный из плена, неволи’ (СС, ч. 1, с. 1059), *осужденник* ‘преступник, осужденный к понесению какого наказания’ (СС, ч. 2, с. 203), *допущенник* ‘поселенец на чужой земле с позволения хозяина’ (СТ, т. 2, с. 79), *воспитанник* ‘воспитываемый или воспитанный’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 163), *задержанник* ‘задержанный под стражею’ (Сл. 1847 г., т. 2, с. 16), *призренник* ‘призренный где-либо, находящийся под чьим-либо покровом’ (Сл. 1847 г., т. 3,

---

¹ Необходимо подчеркнуть, что нас интересуют *семантические* актанты, которые характеризуют *содержание* языковой единицы со значением пациенса, *синтаксические* актанты, характеризующие *план выражения* названной языковой единицы, не входят в предмет нашей работы. Подчеркнем, что «взаимнооднозначного соответствия между семантическими и синтаксическими актантами, семантическими и синтаксическими валентностями не существует» [8. С. 142].

² В работе принято следующее понимание СТ: «Схема построения *слов* определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общностью части речи мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или *другие словообразовательные средства*)» [9. С. 135].

с. 466), *избранник* ‘избранный, выбранный из числа многих для какого-либо назначения’ (СД, т. 2, с. 19)¹ и т.п.

2. Мотивирующим словом является страдательное причастие прошедшего времени, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -ец, неменяющееся место ударения: *изверженец* ‘кто лишен сана, достоинства, или изгнан откуда’ (СС, ч. 1, с. 993, аналогично в Сл. 1847 г., т. 2, с. 104), *обрезанец* ‘тот, над кем совершен обряд обрезания’ (СС, ч. 2, с. 57), *подосланец* ‘тайно подосланный для разведания или высмотря чего-л.’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 268), *сведенец* ‘человек, сведенный с одного места жительства на другое’ (Сл. 1847 г., т. 4, с. 97), *изгнанец* ‘высланный из государства за какое-либо преступление’ (СС, ч. 1, с. 1005, аналогично в Сл. 1847 г., т. 2, с. 110), *переведенец* ‘селянин, переведенный с одной земли на другую, переселенец’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 172), *избранец* ‘то же, что избранник, но в более низком, житейском значении (избранный, выбранный из числа многих для какого-либо назначения)’ (СД, т. 2, с. 19) и т.п.

3. Мотивирующим словом является существительное конкретной семантики, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -ник/-ик, неменяющееся место ударения, иногда чередование заднеязычных согласных с шипящими: *богадельник* ‘призренный в богадельне’ (Сл. 1847 г., т. 1, с. 466), *каторжник* ‘содержимый на каторге’ (СС, ч. 1, с. 1119), *колодник* ‘всякой, содержимый под стражей’ (СС, ч. 1, с. 1177), *острожник* ‘содержащийся в остроге’ (СС, ч. 2, с. 199, аналогично в Сл. 1847 г., т. 3, с. 89), *узник* ‘заключенный в узы, содержимый под стражей’ (Сл. 1847 г., т. 4, с. 332) и т.п.

4. Мотивирующим словом является глагол СВ или НСВ, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -ник, меняющееся место ударения (кроме слова *приставник*), иногда чередование согласных по твердости – мягкости (*крестник*): *приобщник* ‘присоединенный или приобщенный к кому-л. или к чему-л.’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 510), *обручник* ‘тот, кто обручен, жених’ (СС, ч. 2, с. 56), *приставник* ‘приставленный для надзора за кем-л. или хранения чего-л.’ (Сл. 1847, т. 3, с. 403), *крестник* ‘принятый кем-л. от купели, крестный сын’ (Сл. 1847, т. 1, с. 219).

---

¹ В Сл. Даля мотивирующее страдательное причастие зафиксировано с двумя вариантными ударениями – *избранный* и *избранный*, соответственно два варианта ударения имеет и существительное; аналогично в Сл. 1847 г., т. 2, с. 106.

5. Мотивирующим словом является глагол СВ, словообразовательным формантом – суффикс -ыш, меняющееся место ударения (кроме слова *подкидыш*), нередко происходит чередование согласных: *отрепыш* ‘оборвыш, лохмотник, оборванец’ (СД, т. 2, с. 1947), *оборвыш* ‘кто ходит в оборванной одежде, в отрепьях’ (СД, т. 2, с. 1571), *подкидыш* ‘подкинутый младенец’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 262), *заморыш* ‘в просторечии говорится о таком, кто изнурен беспрестанною работою или худую пищею’ (СС, ч. 1, с. 862), *заморыш* ‘исхудавший от недостатка пищи’ (Сл. 1847 г., т. 2, с. 39), *обменыш* 1) ‘по народному поверью детище лешего, обмененное на христианского младенца, еще не крещенного. Этот обменыш до 14 лет живет с людьми, а потом уходит в лес к родителям своим и становится лешим’ (Опыт, с. 153).

6. Мотивирующим словом является страдательное причастие прошедшего времени, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -ыш, неменяющееся место ударения: *найденныш* ‘младенец, подкинутый и кем-л. найденный, подкидыш’ (Сл. 1847 г., т. 2, с. 370), *замореныш* ‘от недостатка в пище исхудавший, изнуренный’ (СС, ч. 1, с. 861).

7. Мотивирующим словом является глагол СВ, в качестве словообразовательного форманта выступает суффикс -щик, место ударения может меняться: *посельщик* ‘поселенный, сельский’ (СД, т. 3, с. 862), *высельщик* ‘тот, кого выслали на новое место жительства’ (по данным картотеки)¹.

Тенденция к сокращению наименований лиц с пассивным значением выражалась по-разному. Прежде всего, в незначительной продуктивности словообразовательных типов с данным значением, что отражено в лексикографической практике того времени. Определенную роль играли и процессы, происходившие в содержании существующих лексем со значением пациенса. В целом их можно описать как внедрение в структуру имени с пассивным значением иной семантики (агенса, носителя состояния), что выявлено нами как в словар-

---

¹ Наименования женского рода, соотносительные с описанными мотивированными словами мужского рода, в толковых словарях отмечаются: *избранница*, *посельщица* (СД, соответственно т. 2, с. 19, т. 3, с. 862), *богадельница* (СС, ч. 1, с. 114), *изгнанница*, *изверженница* (Сл. 1847 г., соответственно т. 2, с. 110, 104,) и т.п. Исключение составляют словарные статьи существительных типа *подкидыш* и *найденныш*. Женские коррелятивные имена в данной работе не изучаются.

ных дефинициях, так и в текстах того времени. Существовало три вида таких процессов.

1. Первый вид – совмещение в структуре полисемичного имени пассивного и агентивного значения.

Переселенец. В Сл. 1847 г. оно отмечено только в активном значении ‘переселившийся из одной страны в другую’. В текстах этого периода лексема *переселенец* употребляется как в активном, так и в пассивном значении.

Пациенс ‘те, кого переселили, переселяют’: «Еще не могу не упомянуть о докладе главноуправляющего Кавказом, князя Голицына, в котором он настаивает на том, чтобы *переселенцы*, вселяемые из России на Кавказ, были непременно православного вероисповедания. Хочется спросить: в целях чего? Более успешной русификации или поднятия земледелия?» (С.М. Волконский. Мои воспоминания. Т. 2).

Агенс ‘те, кто переселился’: «Здесь толпился целый полк рабочих; они рыли землю, обтесывали камни, возили мусор. Это все *переселенцы* из португальской колонии Макао. Едва англичане затеяли здесь поселение и кликнули клич, как Макао опустел почти совсем. Работа, следовательно, хлеб и деньги, переманили сюда до тридцати тысяч китайцев. Вместо нищества в Макао они предпочли здесь бесконечный труд и неиссякаемую плату» (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада»).

Посельщик. Это слово впервые зафиксировано в Сл. Даля, но без толкования его значения. В текстах XIX в. эта лексема употреблялась в двух значениях:

а) ‘сосланный на поселение’ (т.е. тот, кого поселили в определенном месте, пациенс): «Сибирских крестьян можно разделить на три разряда: на старожилов, кои все почти довольно зажиточны, – у редкого найдете во дворе менее 4 или 6 лошадей; у иных до 30 или 40, и в изобилии всего, что принадлежит к сельскому хозяйству; на переселенцев, переходящих в Сибирь из разных Русских Губерний целыми семьями с домашним скарбом, которые, будучи народом промышленным, довольно скоро разживаются, и, наконец, на так называемых *посельщиков*, отправляемых туда за разные проступки» (А.О. Корнилович. Записки из Алексеевского рavelина);

б) ‘тот, кто поселился на новом необжитом месте’ (агенс): «И вот в мирной, безответной степи поселились безответные Ивановы смиренность и ласка. <...> – Чай, это мы, тятенька, к ужину-то молодцы по-

спевать, живо распряжем, – проговорил приезжий, въезжая в темный двор *посельщика*» (А.И. Левитов. Степные выселки).

Необходимо отметить, что ряд исследуемых суффиксальных существительных толкуется в словарях XIX в. неоднозначно и непоследовательно: в одних словарях этим именам дается характеристика субъекта, в других – объекта действия, в третьих – и субъекта, и объекта. Так, *поселенец* зафиксировано в Сл. 1847 г. только в пассивных значениях: 1) ‘поселенный где-л.’ и 2) ‘сосланный в Сибирь на поселение’ (т. 3, с. 381). В Сл. Даля это слово, кроме значения пациенса, в качестве периферийного имеет и агенс: *поселенец* ‘поселенный, пришлый житель... а иногда переселенцы, новоселы, выселенцы’ (т. 3, с. 862)¹. В Сл. 1847 г. *отверженец* зафиксировано с пассивным значением ‘отверженный, оставленный другими’ (Сл. 1847 г., т. 3, с. 96), а в Сл. Соколова у него два значения, причем на первое место лексикограф поставил агентивное значение, а пассивное – на второе место: *отверженец* ‘означает того, кто отверг или отступил от чего, или сам от других отвержен, отринут, оставлен’ (СС, ч. 2, с. 214). Там же *взысканец* характеризуется как носитель состояния ‘кто пользуется чьєю к себе благосклонностью, милостию’ (СС, ч. 1, с. 232), а в Сл. Даля толкуется как пассивное: *взысканец* ‘облагодетельствованный кем, взысканный милостями’ (Сл. Даля, т. 1, с. 494).

Сосуществование пассивного и активного значений в структуре полисемичных имен типа *поселенец*, *переселенец*, *выселенец*, на наш взгляд, объясняется динамикой в содержании подобных слов, а именно развитием исторически первого пассивного значения, обусловленного семантикой мотивирующего страдательного причастия. В нем отражен «ретроспективный взгляд» носителя языка, акцентирующий начальную точку в характеристике лица как объекта совершённого действия, а в непассивном значении – «взгляд» носителя языка, акцентирующий начальную точку в характеристике сложного состояния того же лица. Этому способствует отсутствие предтекста или упоминание субъекта совершённого действия, что придает ему оттенок самопроизвольности. Такое новое значение выражается в толкованиях, описывающих лицо как носителя состояния, типа *поселенец* ‘тот, кто живет в выселке’, *переселенец* ‘тот, кто живет на новом месте’.

---

¹ Ср.: *переселенец* у Даля ‘переселившийся куда-либо’ (т. 3, с. 204), *выселенец* ‘выселившийся куда’ (т. 1, с. 766).

Эта же дефиниция является корректной в отношении того, кто сам поселился в новом, необжитом месте, сам выселился, переселился в новый поселок. Смежность различных реалий: лица как объекта действия, как носителя состояния, возникшего в результате этого действия, как субъекта иного действия, связанного с первым действием причинно-логическими связями, – дала основание для возникновения значения агенса в структуре существительного типа *поселенец, переселенец, выселенец* ('тот, кто сам поселился или выселился'). Ситуация, которая исходно представлялась как вызванная чужой волей, изменяется в некаузированную, не имеющую внешнего агенса и происходящую без вмешательства извне. В этой новой ситуации агенс является внутренним ее участником. Активное значение подобных лексем семантически соотносится не со страдательным причастием, а с однокоренным возвратным глаголом (*поселиться, переселиться, выселиться*).

2. Второй вид – совмещение в содержании однозначного личного имени пассивного и непассивного компонента (или в одном из значений полисемичного имени).

Подобное явление характерно в нашем материале для лексем *пленник, каторжник, узник, тюремник, темничник, ссылочник, острожник, любовник* и т.п. Семантика названных существительных может быть охарактеризована одновременно как объект одного действия, вызванного другим действием (реже как субъект другого действия). Разные действия (по лексическому значению, по модальным и аспектуальным характеристикам) выражают неодинаковый взгляд носителя языка на одно и то же называемое лицо. Приведем примеры возможных толкований подобных слов: *тюремник* 'тот, кто заключен в тюрьму / тот, кто находится в тюрьме', *острожник* 'тот, кто заключен в острог / тот, кто находится в остроге'.

В Сл. 1847 г. названные имена в своем большинстве зафиксированы в пассивном значении (как и в других толковых словарях): это *каторжник, пленник, тюремник, узник, темничник, острожник*, в то же время *ссылочник* толкуется в нем как обладающее только агентивным значением ('живущий в ссылке' – т. 3, с. 216), а *любовник* как имеющее и агентивное и пассивное значение ('любящий особу другого пола и пользующийся взаимной любовью', т.е. тот, кто любит, и тот, кого любят – т. 2, с. 274). В Сл. Соколова, в отличие от Сл. 1847 г.,

существительное *узник* описывается как имеющее значение носителя состояния ('тот, который содержится под стражей' – ч. 2, с. 1554).

Покажем реализацию пассивного и агентивного компонентов в одном и том же значении названных имен в текстах XIX столетия. В одних текстах один из компонентов преобладает, в других – семантика пациенса и агенса / носителя состояния сосуществуют в качестве равноправных элементов.

Пленник. 1) «Отступая к королевскому двору, они вбежали во двор, хотели затворить ворота; но всадники Самуила бросились на них и открыли путь Грекам. – Борис, ты мой *пленник!* – сказал один из них королю, которого окружили уже враги его. – Кто ты, изменник? – вскричал Борис» (А.Ф. Вельтман. Райна, Королева болгарская) – *пленник* 'тот, кого взяли в плен', пациенс. 2) «Я был, наконец, *пленник*: меня консул александрийский выменял на слона. – Почему же александрийский консул? – вмешался в разговор князь. – Он всегда интересовался дипломатическим корпусом и считал его почему-то близким себе» (А.Ф. Писемский. Русские лгуны) – *пленник* 'тот, кто находился в плену', носитель состояния. 3) «Улыбка показалась на щеках урядника, когда он заметил опаленные волосы и брови несчастного *пленника*, который, не спуская с него глаз и перестав кричать, казалось, старался на лице казака прочесть свой приговор» (М.Ю. Лермонтов. Вадим) – *пленник* 'тот, кого взяли в плен + тот, кто находится в плену', пациенс + носитель состояния.

Любовник. 1) «Мы не враги, Сальгар, с тобой! Умолкни, ветер, хоть на мгновенье! Остановись, поток седой! Быть может, что *любовник* мой Услышит голос, им любимый! Сальгар! здесь Кольма ждет» (Д.В. Веневитинов. Песнь Кольмы) – *любовник* 'тот, кого я люблю', пациенс. 2) «Страшна мне, друзья мои, Краса черноокая; За темной завесою Душа ее кроется, *Любовник* пылает к ней Любовью тревожною, И взорам двусмысленным Не смеет довериться» (Е.А. Баратынский. Лазурные очи) – *любовник* 'тот, кто любит', агенс.

Полагаем, что совмещение пассивного и непассивного компонентов в рамках одного значения существительного типа *каторжник*, *узник*, *пленник*, *любовник* свидетельствует о сложности обозначаемой реалии и обусловлено коммуникативными намерениями говорящего. Выбор одного или другого семантического компонента отражает прежде всего изменения в намерениях говорящего (*как* носитель языка хочет представить соответствующую ситуацию и её участников

для выражения своих коммуникативных и прагматических целей), а не в ситуации реального мира.

В зависимости от отношения говорящего к сообщаемым сведениям, от его точки зрения на данную ситуацию происходит ранжирование семантических ролей, которые могут обозначать названные лексемы. Внимание говорящего переключается, в «кадр» попадает то один, то другой участник ситуации. При этом референт не меняется. Таким образом, мы наблюдаем ситуацию кореферентности, которая предполагает, что какие-то два участника ситуации (в нашем случае пациенс и агенс / носитель состояния) соотносятся с одним и тем же лицом, происходит ролевое раздвоение.

Виды кореферентности в значении одной и той же лексемы могут различаться. Если в семантике лексем *любовник* перед нами рефлексивная интерпретация (происходит ролевое разделение участника ситуации на активного и пассивного), то в семантике имен *каторжник*, *пленник* трудно отграничить рефлексивную интерпретацию от декаузативной: ситуация, которая исходно представлялась как агентивная, каузированная волей определенного лица (выражается предикатами «сослать на каторгу», «взять в плен»), изменяется в ситуацию, происходящую без внешнего агенса (выражается предикатами «находиться на каторге», «находиться в плену»).

3. Третий вид – совмещение в значении однозначного существительного компонентов «пациенс» и «агенс», разных по наличию / отсутствию в них указания на служебное положение, на социальную иерархию.

Активный и неактивный компоненты в таких именах являются неравноправными. Агенс характеризует человека по роду занятий, он главенствует. Пациенс описывает определенные обязанности именуемого, выражает знания и мнение говорящего как центра речевой деятельности по поводу места лица в служебной иерархии (т.е. относится к прагматике) и является добавочным. Приведем примеры.

СТ: *машинист* ‘вообще человек, хорошо знакомый с устройством известной машины и приставленный к ней для присмотра, пущения ее в ход и исправления, когда бывает нужно’ (т. 2, с. 822); *сыщик* ‘лицо, определенное для разыскивания беглых воров и разбойников и для произведения розысков в чрезвычайных обстоятельствах’ (т. 3, с. 579); *вербовщик* ‘посылаемый от правительства для вербовки’ (т. 1, с. 442);

Сл. 1847 г.: *рогаточник* ‘сторож, приставленный к рогаткам’ (т. 4, с. 66); *гуменщик* ‘приставленный к надзору за гумном’ (т. 1, с. 302);

аукционист ‘назначенный из купцов к продаже с публичного торга движимого и недвижимого имущества или товаров’ (т. 1, с. 16); *скотник* ‘человек, приставленный смотреть и ухаживать за домашним скотом’ (т. 4, с. 138); *ломщик* ‘работник, употребляемый при ломке чего-л.’ (т. 2, с. 263); *счетчик* ‘определенный для считания денег’ (т. 4, с. 256); *браковщик* ‘определенный к бракованию товаров’ (т. 1, с. 79).

СС: *больничник* ‘пристав, коему поручено смотрение, хождение за больными’ (ч. 1, с. 130); *дворник* ‘служитель, которому поручается в смотреии дом и двор, чтобы они были чисты и в сохранности’ (ч. 1, с. 594); *гуменщик* ‘приставленный к гумну’ (ч. 1, с. 578); *вестовщик* ‘определенный к подаванию вестей’ (ч. 1, с. 477).

СБ: *мелец* ‘кто приставлен или нанялся молоть’ (т. 1, с. 1843); *контрщик* ‘человек, избираемый из дворовых людей или нанятой’ (т. 1, с. 309); *сырейщик* ‘служитель, приставленный готовить собакам корм и сдирать кожи с издохших животных’ (т. 2, с. 261).

СД: *пастух* ‘кому поручено пасти скот, стадо’ (т. 3, с. 52), *защиватель*, *защивала*, *защивщик* ‘кто приставлен для зашивки чего, напр., тюков, кулей’ (т. 1, с. 1663).

Значение названных лексем прежде всего является характеристикой лица как субъекта определенного действия, которое оно выполняет по роду занятий. Напр., *больничник* ‘тот, кто смотрит за больными по роду занятий’, *гасильщик* ‘тот, кто гасит свечи по роду занятий’ и т.п. Кроме того, приведенные толкования свидетельствуют о том, что все названные существительные одновременно представляют собой характеристику лица и как объекта другого действия, субъектом которого является некий руководитель. Напр., *больничник* ‘тот, кого приставили смотреть за больными’, *гасильщик* ‘тот, кого определили для гашения свеч’ и т.п. Анализ содержания названных словарных толкований показывает, что род занятий лица мог восприниматься носителем языка XIX в. как следствие действия субъекта, занимающего более высокую должность в той или иной отрасли хозяйства Российской империи (назовем это действие, относящееся к служебной иерархии, иерархическим). По данным словарей этого периода, названное «иерархическое» действие могло выражаться следующими глагольными словосочетаниями: *кого-либо / куда-либо / для чего-либо определить, поставить, выбрать, приставить, назначить, употребить, поручить*.

Значение названных лексем может описываться в словарях и без присутствия компонента «пациенс»: *махинист* или *машинист* ‘ар-

тист, изобретающий новые и делающий изобретенные уже другими машины' (СЯ, т. 2, с. 694 – ср. выше со СТ); *гуменщик* 'смотритель гумна' (СБ, т. 1, с. 165 – ср. выше со Сл. 1847 г.); *аукционист* 'продающий вещи и имение с публичного торга' (СМ, с. 72 – ср. выше со СС); *дворник* 'служитель, имеющий смотрение за чистотою двора и за всем, принадлежащим ко двору' (Сл. 1847 г., т. 1, с. 311 – ср. выше со СС).

В некоторых словарных дефинициях субъект иерархического действия выражен лексемой или словосочетанием. *Ценощик* 'поставленный от городского начальства для оценки вещей' (Сл. 1847 г., т. 4, с. 423), *браковщики* 'лица, назначаемые для бракования **правительством** или выбираемые **купечеством**, называются браковщиками' (СТ, т. 1, с. 316); *браковщик* 'присяжный человек, выбираемый **купечеством** и определяемый при таможене, который, рассматривая товары, отделяет лучшие от худших, неспособных к употреблению или не имеющих надлежащей доброты' (СЯ, т. 1, с. 405) и др.

Значение описываемой группы наименований, корректное с точки зрения носителя языка XIX в., может быть представлено в следующих дефинициях: *больничник* 'тот, кого приставили смотреть за больными, тот, кто смотрит за больными по роду занятий'. У некоторых лексем толкования в том или ином словаре XIX в. близки к предложенному нами: *слоновщик* 'приставленный к слону, умеющий ходить за слоном', *разыщик* 'человек, употребляемый к разыскиванию, разыскатель' (Сл. 1847 г., соответственно т. 4, с. 130, т. 4, с. 39); *межевицк* 'землемер, человек искусный в землемерии, посылаемый для межевания земель' (СС, ч. 1, с. 1783); *десятник* 'поставленный над десятью человеками, имеющий в своем ведении десять человек' (СБ, т. 1, с. 177).

Компонент «деятель» (активный деятель или носитель состояния) в значении лексем данной группы выражает сущностные признаки лица – его род занятий. Компонент «пациенс» отражает представления носителя языка XIX в. о централизованности, иерархичности государственного устройства и экономического уклада страны, зависимости отдельного работника от всей государственной и экономической системы и является социально обусловленным. В современном обществе род занятий определяется по характерным признакам трудовой деятельности человека.

В целом для суффиксальных существительных мужского рода со значением пациенса в русском языке XIX в. характерны следующие семантические процессы, обогащающие содержание исследуемых имен и приглушающие пассивное значение:

- появление у пассивного имени нового агентивного значения и возникновение полисемичного слова;
- появление компонента «агенс» / «носитель состояния» как варианта прочтения содержания искомой моносемичной лексемы со значением пациенс, обусловленного коммуникативно-прагматическими намерениями носителя языка;
- сосуществование пассивного и активного значений, дающих лицу разную характеристику: пациенс – по месту в структуре государственной или земской службы в Российской империи и агенс – по роду занятий человека.

Литература

1. *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного* / под ред. В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1964. 600 с.
2. *Железнова Р.В.* Из истории личных имен существительных в русском литературном языке (XI–XX). Душанбе : Дониш, 1988. 296 с.
3. *Прокопович Е.Н., Хохлачева В.Н., Шелихова Н.Т.* Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв. / отв. ред. В.И. Борковский. М. : Наука, 1974. 222 с.
4. *Бахтурина Р.В.* Отглагольные имена лиц пассивного значения в древнерусском языке XI–XVI вв. // Историческая грамматика и лексикология русского языка. М. : Наука, 1962. С. 186–192.
5. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка* / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина и др. ; под общим руководством Ю.Д. Апресяна. Вып. 1: Лингвистическая терминология словаря. Введение. М. : Языки славянской культуры, 1997. С. XVI–XXXV.
6. *Кибрик А.Е.* Пациенс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 682 с.
7. *Грязнова В.М.* Словообразовательная категория суффиксальных личных существительных мужского рода в русском литературном языке XIX века : автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 32 с.
8. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
9. *Русская грамматика.* М. : Наука, 1980. Т. 1. 783 с.

Использованные словари

- Опыт: *Опыт* Областного словаря великорусского языка, изданный Вторым отделением Императорской академии наук под ред. А.Х. Востокова. СПб., 1852. 301 с.
- САР-2: *Словарь* Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Ч. 1–4.

СБ: *Бурнашев Вл.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843–1844. Т. 1–2.

СД: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Прогресс Универс, 1994.

СМ: *Михельсон А.Д.* Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. Составил по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и других. М., 1865. 718 с.

СС: *Соколов П.* Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и русском наречиях употребляемых, каковы суть: названия богословские, философские, математические, к естественной истории принадлежащие, юридические, военные, относящиеся до торговли, художеств, ремесел и проч.» по поручению Комитета устройства учебных заведений составленное П.С.: с присовокуплением таблиц склонений и спряжений, заимствованных из Грамматики г. Востокова, напечатанной в 1832 г. и введенной в употребление в нижних и средних учебных заведениях. СПб., 1834. Т. 1–2.

Сл. 1847 г.: *Словарь* церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1847. Т. 1–4.

СТ: *Толль Ф.* Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. СПб., 1863–1864. Т. 1–3.

СЯ: *Яновский Н.М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно, каковы суть между прочими: астрономические, математические и пр. СПб., 1803–1806. Ч. 1–3.

PERSONAL MALE SUFFIX NOUNS WITH THE MEANING OF THE PATIENT IN THE 19TH-CENTURY RUSSIAN LANGUAGE (ACCORDING TO DICTIONARIES AND TEXTS)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 13, pp. 100–116.

DOI: 10.17223/22274200/13/6

Violetta M. Gryaznova, North-Caucasian Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Keywords: definition, dictionary interpretation, semantic agent, subject, object, patient.

The object of the study is the dictionary interpretation of masculine nouns with the meaning of the patient, taken from a variety of dictionaries that record the vocabulary of the 19th century, as well as from texts of this period. The article discusses various semantic processes in the content of names with the meaning of the patient.

First, the author describes derivation model which include personal masculine nouns with a passive meaning using the data dictionaries of the period. Then she shows that the downward trend in the names of persons with a passive meaning is expressed not only in the small productivity of models with this meaning, but also in the semantic processes in the content of words with the meaning of the patient. In general, the author describes these processes as the inclusion of non-passive semantics into the structure of

the name meaning with passive semantics, which is observed in both dictionary definitions and texts of the time.

Further, the author identifies the types of inclusion. First, she describes the combination of passive and agent meanings in the structure of a polysemantic personal name, which, in the opinion of the author, is due to the dynamics of the meaning of such words. Passive semantics of words reflects a “retrospective view” of the native speaker, emphasizing the starting point in the characterization of a person as the object of an action. The “view” of the native speaker stresses a non-initial point in the characterization of the complex state of the person, especially in the absence of pretext or mentions of the subject of an action, and is expressed in definitions that characterize the person as a bearer of a state.

The second type of inclusion of non-passive semantics in the content of the name with a passive meaning is the combination in the meaning of a monosemantic personal name of passive and non-passive components. The author believes that this type of combination suggests the possibility of a dual view of the language user on one and the same person, which, in general, is due to the complexity of the denoted realia and communicative intentions of the speaker. The choice of one or another semantic component reflects changes in the intentions of the speaker rather than changes in the real world situation.

Next, the author focuses on the third type of inclusion: the combination in the content of a monosemantic noun of the “patient” and “agent” semantic components, differing in the presence/absence of the indicator of the official position in its content. The component “agent” in the meaning of words of the given group expresses the basic features of the named realia – a person by his occupation. The component “patient” reflects the ideas of the 19th-century native speaker on centralization, hierarchy of the state apparatus and the economic structure of the country; it is socially conditioned.

Based on the above, the author concludes that in dictionaries and texts of the 19th century, the definition of names of a person with the meaning of the patient reflects processes that enrich the content of names under study and reduce passive semantics.

References

1. Vinogradov, V.V. & Shvedova, N.Yu. (eds) (1964) *Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka: Izmeneniya v slovoobrazovanii i formakh sushchestvit'logo i prilagatel'nogo* [Essays on the historical grammar of the Russian literary language of the 19th century: changes in word formation and forms of the noun and the adjective]. Moscow: Nauka.
2. Zheleznova, R.V. (1988) *Iz istorii lichnykh imen sushchestvitel'nykh v russkom literaturnom yazyke (XI–XX)* [From the history of personal nouns in Russian literary language (11th–20th cc.)]. Dushanbe: Donish.
3. Prokopovich, E.N., Khokhlacheva, V.N. & Shelikhova, N.T. (1974) *Suffiksals'noe slovoobrazovanie sushchestvitel'nykh v vostochnoslavjanskikh yazykakh XV–XVII vv.* [Suffix word formation of nouns in the East Slavic languages of the 15th–17th centuries]. Moscow: Nauka.
4. Bakhturina, R.V. (1962) *Otglagol'nye imena lits passivnogo znacheniya v drevnerusskom yazyke XI–XVI vv.* [The verbal names of persons of passive meaning

in the Old Russian language, 11th–16th centuries]. In: Avanesov, R.I. (ed.) *Istoricheskaya grammatika i leksikologiya russkogo yazyka* [Historical grammar and lexicology of the Russian language]. Moscow: Nauka.

5. Apresyan, Yu.D. et al. (1997) *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Is. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. XVI–XXXV.

6. Kibrik, A.E. (1990) Patsiens [Patient]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

7. Gryaznova, V.M. (1993) *Slovoobrazovatel'naya kategoriya suffiksals'nykh lichnykh sushchestvitel'nykh muzhskogo roda v russkom literaturnom yazyke XIX veka* [The word-formation category of the suffixed personal nouns of the masculine gender in the Russian literary language of the 19th century]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.

8. Kobozeva, I.M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Editorial URSS.

9. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Dictionaries

Vostokov, A.Kh. (ed.) (1852) *Opyt Oblastnogo slovarya velikorusskogo yazyka, izdannyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk* [Experience of the Regional Dictionary of the Great Russian Language, published by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.

Russian Academy. (1806–1822) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu porядku raspolozhenny* [Dictionary of the Russian Academy, alphabetized]. Parts 1–4. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk.

Burnashev, Vl. (1843–1844) *Opyt terminologicheskogo slovarya sel'skogo khozyaystva, fabrichnosti, promyslov i byta narodnogo* [The experience of the terminological vocabulary of agriculture, manufacture, crafts and everyday life of the people]. Vols 1–2. St. Petersburg: Tip. K. Zhernakova.

Dahl, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols]. Moscow: Progress Univers

Mikhel'son, A.D. (1865) *Ob'yasnenie 25000 inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s oznacheniem ikh korney. Sostavil po slovaryam: Geitze, Beshereya, Brokgausa, Aleksandra, Reyfa i drugikh* [Explanation of 25 000 foreign words used in Russian, with the meaning of their roots. Compiled using the dictionaries by Geise, Besherey, Brockhaus, Alexander, Rafe and others]. Moscow: Izd. knigoprodavtsa A.I. Manukhina.

Sokolov, P. (1834) *Obshchiy tserkovno-slavyano-rossiyskiy slovar', ili Sobranie recheniy kak otechestvennykh, tak i inostrannykh, v tserkovno-slavyanskom i rossiyskom narechiyakh upotrebyaemykh, kakovy sut': nazvaniya bogoslovskie, filosofskie, matematicheskie, k estestvennoy istorii prinadlezhashchie, yuridicheskie, voennyie, otnosyashchiesya do tovgovli, khudozhestv, remesel i proch.: po porucheniyu Komiteta*

ustroystva uchebnykh zavedeniy sostavlennoe P.S.: s prisovokupleniem tablits skloneniy i spryazheniy, zaimstvovannykh iz Grammatiki g. Vostokova, napechatannoy v 1832 g. i vvedennoy v upotreblenie v nizhnikh i srednikh uchebnykh zavedeniyakh [General Church Slavonic-Russian dictionary, or Collection of words, both Russian and foreign, used in the Church Slavic and Russian languages: names of theological, philosophical, mathematical, natural history, legal, military, trade, arts, crafts, etc.: compiled by P.S. on the instructions of the Committee for the Organization of Educational Institutions: With tables of declensions and conjugations borrowed from the Grammar of the city of Vostokov, printed in 1832 and introduced in secondary educational institutions]. Vols 1–2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.

Second Division of the Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Akademii nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Division of the Academy of Sciences]. Vols 1–4. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk.

Tolle, F. (ed.) (1863–1864) *Nastol'nyy slovar' dlya spravok po vsem otraslyam znaniya* [Desktop dictionary for reference on all branches of knowledge]. Vols 1–3. St. Petersburg: izd. F. Tollya.

Yanovskiy, N.M. (1803–1806) *Novyy slovotolkovatel', raspolozhenny po alfavitu, sodержashchiy raznye v rossiyskom yazyke vstrechayushchiesya inostrannye recheniya i tekhnicheskije terminy, znachenie kotorykh ne vsyakomu izvestno, kakovy sut' mezhdru prochimi: astronomicheskie, matematicheskie i pr.* [A new explanatory dictionary, alphabetized, containing foreign words and technical terms that are different in Russian language, the meaning of which is not known to everyone, including astronomical, mathematical and other ones]. Vols 1–3. St. Petersburg: pri Imperatorskoy Akademii nauk.

УДК 81-11(038)

DOI: 10.17223/22274200/13/7

Е.В. Купчик

УМ / РАЗУМ В СЛОВАРЯХ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Рассматриваются реализации метафорических моделей с субъектной зоной ум / разум в словарях поэтических образов Н.В. Павлович и Н.Н. Ивановой. На основании анализа представленных в словарях фрагментов художественных текстов XVIII–XX вв. выявляются признаки сопоставления ума и разума с объектами живой и неживой природы, мира человека, определяется специфика образной составляющей каждого концепта. Проводится сопоставление словарных статей с целью выявления сходства и различия в подаче поэтического материала. Определяется соотношение характеристик ума и разума в поэтическом дискурсе и русской языковой картине мира.

Ключевые слова: ум, разум, словарь образов, метафорическая модель, концепт.

Одна из главных задач современной лингвистики – рассмотрение процессов концептуализации мира посредством языка. Особое внимание исследователи уделяют человеку, особенно его внутреннему миру, центральными компонентами которого являются душа, сердце, ум – как это представлено, например, в соответствующем разделе «Антологии концептов» [1. С. 60–68]. Каждый из данных феноменов, относящихся к ключевым концептам русской культуры, представляет собой богатый источник информации о человеке, о его внутренней жизни. Цель данной статьи – характеристика образной составляющей концептуальной пары ум / разум на материале поэтических словарей [2, 3] посредством рассмотрения реализаций отраженных в них метафорических моделей (далее ММ), представленных в сопоставлении.

Словари образных слов и выражений как источник информации о концептах. Повышение интереса лексикографов к описанию образных ресурсов языка, актуализирующееся преимущественно с начала XXI в., оформилось в настоящее время в особое направление науки о языке, получившее название фигуративной лексикографии. Данный термин в отечественной науке применяется для обозначения направления русистики, связанного с созданием словарей, предметом описания в которых являются образные единицы языка и речи. Ис-

следование М.В. Грековой, в котором представлена характеристика объекта фигуративной лексикографии, ее принципов, предложена репрезентация одного из фрагментов образной системы языка [4], дает основание сделать вывод о значительном научном потенциале данного направления. Например, словари образных средств являются важным источником изучения элементов концептосферы.

Представленный в рамках разных научных школ и направлений (работы Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой и И.А. Стернина, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, С.Г. Воркачева, М.В. Пименовой и др.), включенный в несхожие системы исследовательских координат, концепт вместе с тем имеет ряд атрибутов, признанных большинством ученых, – как, например, наличие в структуре концепта образной составляющей. Данный элемент структуры концепта находит отражение в многочисленных лексикографических источниках разного типа: словарях сравнений (В.М. Мокиенко, К.С. Горбачевич); метафор (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Н.А. Кожевникова, З.Ю. Петрова, С.Б. Козинец и др.); фразеологических (Н.Ф. Алефиренко, В.М. Мокиенко, А.Н. Баранов, М.М. Вознесенская, Д.О. Добровольский; Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова и др.); пословиц, поговорок, крылатых выражений (В.П. Жуков, В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова, М.В. Петрова, Ю.П. Князев и др.); диалектных (О.И. Блинова, Е.А. Юрина, М.А. Толстова).

Формирование в современном языкознании дискурсивного подхода способствовало возрастанию интереса лингвистов к рассмотрению и группировке «метафор дискурса» и появлению соответствующих словарей, например словаря политических метафор А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, в который вошли случаи употребления бытующих в современном политическом языке метафор с распределением их по моделям и реалиям политической жизни [5], или словаря русской пищевой метафоры под ред. Е.А. Юриной, включающего образные слова и выражения, отражающие метафоризацию кулинарной сферы [6]. При естественном несхождении лексикографических трудов, обусловленном разницей принципов организации словника, характера материала, способов его подачи, толкования и т.д., их авторов объединяет общая сверхзадача – описание русской картины мира в ее образной ипостаси, о чем иногда напрямую заявляют составители словарей, особенно современных.

Так, авторы «Большого словаря русских народных сравнений» определяют цель имеющихся в работе исторических, этнографических, мифологических и общекультурологических комментариев следующим образом: «...отразить национальную специфику образной системы русского языка и русского мировоззрения» [7. С. 10].

Образные средства языка являются неотъемлемой частью словарей лингвокультурологического типа. Например, словарные статьи «Концептосферы русского языка» под ред. Л.Г. Бабенко, включающие важнейшие для русской культуры концепты, помимо прочих отражают ассоциативно-образные когнитивные признаки (словарная зона «Ментальные составляющие концепта») и устойчивые ассоциативно-образные репрезентации концепта (словарная зона «Лексические репрезентации концепта») [8]. Обязательное наличие у культурных концептов образной составляющей зафиксировано в словаре «Русское культурное пространство», отражающем зооморфную образность применительно к концептам разных сфер бытия [9].

Современный этап исследования концептов отмечен обостренным интересом ученых к метафоре, вышедшей за пределы стилистики и риторики и осознаваемой в качестве базового, фундаментального когнитивного механизма, обеспечивающего саму возможность человеческого мышления. Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, метафора требуется человеку не только для трансляции своих мыслей другим, но и для него самого, поскольку «без нее невозможно мыслить о некоторых особых, трудных для ума предметах» [10. С. 206]. Д. Лакофф и М. Джонсон, авторы быстро ставшего классическим труда «Метафоры, которыми мы живем», не только изложили основы когнитивного подхода к метафоре, но и дали ученым новый инструмент исследования, в частности обнаружения метафорических моделей. ММ, по сути, есть отражение концептуальных метафор, представляющих собой закрепленные в языке и культуре той или иной человеческой общности «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели» [11. С. 11]. В учебных пособиях по когнитивной лингвистике метафорический анализ, предложенный данными авторами, назван едва ли не единственным из новейших методов когнитивной науки [12. С. 57].

Анализ метафоры – своеобразной оболочки когнитивной модели (или самой этой модели) – дает возможность определить, как именно данная модель интерпретируется говорящими. Структура концепта

может быть описана посредством выявления его признаков на основании рассмотрения реализаций метафорических моделей, за которыми стоят модели когнитивные. В некоторых случаях ММ вычлняются самими составителями словарей (как, например, в вышеуказанных работах Л.Г. Бабенко, А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова); в других же такая задача авторами не ставится, но исследователь получает нужный для ее решения материал. Количество работ, авторы которых обращаются к метафорическому моделированию при описании концептов, не поддается исчислению. В качестве показательного примера особого внимания ученых к ММ в плане описания картины мира можно назвать деятельность кемеровской школы концептуальных исследований, в методике исследования концептов которой важнейшее место занимает рассмотрение концептуальных метафор, отражающих признаки концепта и формирующих его структуру; сама концептуальная система понимается как «весь объем моделей осмысления и описания мира и его фрагментов» [13. С. 12].

Посредством выявления и интерпретации ММ могут быть описаны как отдельные концепты в совокупности их признаков, так и явления иного порядка. Например, в исследовании Н.А. Мишанкиной научный текст характеризуется в качестве создаваемого на основе ММ специфического ментального пространства, что в итоге приводит автора к выводу о «принципиальной метафорической природе научного текста» [14. С. 10]. Посредством ММ может быть охарактеризован целый дискурс: показательный пример в этом отношении – дискурс политический, являющийся в плане метафорического моделирования объектом и словарного (вышеупомянутый словарь А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова), и монографического [15], и диссертационного [16] описаний.

Объектом особого внимания лексикографов является поэтический дискурс, представленный в рамках фигуративной лексикографии словарями образных средств как отдельных авторов, так и сводными словарями, обобщающими опыт использования образных средств русской поэзией на протяжении длительного периода. Появление подобных работ находится в русле основного направления развития современной лексикографии, под которым понимается «движение от простейших справочников регистрирующего типа к теоретически обоснованным словарям сложной структуры, ориентированным на воссоздание картины мира» [17. С. 9]. Словари образных средств

имеют естественные различия, обусловленные задачами авторов, характером материала и т.д. Например, если словарь-трилогия Н.А. Тураниной отражает образные номинации А. Блока, С. Есенина и В. Маяковского по алфавитному принципу [18], то составители словаря тропов И. Бродского «решили пойти против общего течения и воспользоваться не методом составления семантических гнезд, а синтактико-грамматическим способом каталогизации тропов» [19. С. 13]; однако в любом случае есть основания считать подобные работы ценными источниками сведений для моделирования образной концептосферы автора.

В качестве источников материала для возможно более полного описания избранного для анализа концепта в плане метафорического моделирования наиболее предпочтительны словари сводные, отличающиеся, во-первых, объемом материала; во-вторых, обращением к текстам широкого круга авторов; в-третьих, шириной хронологических рамок; данным условиям в полной мере удовлетворяют «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович (далее СПО) и «Словарь языка поэзии» Н.Н. Ивановой и О.Е. Ивановой (далее СЯП).

УМ / РАЗУМ в словарях поэтических образов как фрагмент интеллектуальной сферы

Интеллектуальный мир человека, являющийся объектом неослабевающего внимания ученых, находит отражение – в разных его аспектах – в многочисленных научных трудах (работы Ю.Д. Апресяна, О.Ю. Богуславской, Т.И. Вендиной, В.Г. Гака, Е.В. Дзюбы, О.Г. Дубровской, Анны А. Зализняк, В.И. Карасика, М.Л. Ковшовой, О.Н. Кондратьевой, А.В. Крюкова, А.А. Мишина, Т.В. Леонтьевой, М.В. Пименовой, Н.М. Сергеевой, М.А. Соколовой и др.). В структуре интеллектуальной сферы особое место принадлежит *уму / разуму*. В представленной в исследовании М.В. Пименовой и О.Н. Кондратьевой типологии концептов *ум* и *разум* причислены к базовым концептам – наряду с *душой*, *духом* и др. [20].

Предметом нашего внимания являются отраженные в словарях поэтических образов ММ с субъектной зоной *ум / разум*. Данные понятия, относящиеся к интеллектуальной сфере человека, обладают известной близостью, что отражается, например, в соответствующих статьях словарей синонимов, в которых *ум*, *разум*, *рассудок* входят в

один синонимический ряд. В словарях русского языка Д.Н. Ушакова, Т.Ф. Ефремовой и др. *разум* во втором словарном значении определяется как *ум, интеллект*. Первичные же значения слов отражают разницу понятий. *Ум* в толковых словарях – это мыслительная способность, являющаяся основой сознательной, разумной жизни человека, а *разум* – «высшая ступень познавательной деятельности человека, его способность логически и творчески мыслить» [21. С. 461]. *Разум* является одним из основных понятий когнитивной лингвистики, поскольку основная ее задача состоит, по словам Е.С. Кубряковой, в получении «данных о деятельности разума» [22. С. 13]. Как отмечает Е.В. Урысон, *ум, разум и рассудок* обозначают «одну и ту же человеческую способность», но относятся к разным ее аспектам: *ум* – к самому процессу «думания», а *разум и рассудок* – к итогам познания. *Разум и рассудок*, в свою очередь, соотносятся с разными видами знания: первый – с высокими этическими понятиями, второй – с обыденными знаниями [23. С. 31–32]. Исследователи картины мира традиционно рассматривают *ум и разум* как два отдельных концепта на основании несходства наборов их концептуальных признаков и определенной разницы значений. Однако известная близость понятий позволила авторам рассматриваемых нами словарей поэтических образов заключить *ум и разум* в рамки одной словарной статьи. Специфика презентации данных концептов в СПО и СЯП определяется поставленными составителями словарей задачами, нашедшими отражение в том числе и в способах подачи и оформления материала.

Цель нашей работы обусловила использование таких методов и приемов исследования, как теоретический анализ источников по изучаемой проблематике, сбор материала, наблюдение, классификация, систематизация, количественные подсчеты, концептуальный анализ, сопоставительный анализ. Рассмотрение образной составляющей концептуальной пары *ум / разум* в каждом из словарей проводилось в несколько этапов:

1. Выявление в соответствующих словарных статьях СПО и СЯП контекстов, относящихся к *уму и разуму*.
2. Разграничение контекстов *ума и разума*.
3. Определение ММ и указание количества приведенных в словарях примеров – реализаций ММ.
4. Определение признаков, отраженных в реализациях каждой ММ, на основании анализа приведенных авторами фрагментов тек-

стов. В отдельных случаях приводятся фрагменты текстов – с целью уточнения содержания образа.

5. Сопоставление «метафорических портретов» *ума* и *разума* в СПО и СЯП с целью выявления черт сходства и различия.

6. Соотнесение полученных результатов с данными исследований *ума* и *разума* как составляющих русской концептосферы.

СПО. Словарь включает более 40 000 словесных поэтических образов – фрагментов текстов, содержащих образные сопоставления и представленных главным образом компаративными тропами, взятыми из текстов русской художественной литературы XVIII–XX вв. (более 600 авторов). Ключевым термином словаря является *парадигма образа* (далее ПО), отражающая ту или иную ММ, укорененную в русской поэтической традиции. Порядок следования ПО внутри каждого из 23 разделов определяется степенью распространенности соответствующей модели. На первое место автор во всех случаях ставит модели с объектной частью «существо», поскольку сопоставление с живым существом отличается, как отмечает Н.В. Павлович, наибольшей частотностью и проявляет себя применительно почти ко всем понятиям. Понятия *ум / разум* представлены в 1-м томе словаря в разделе «Ментальное» в подразделе «Ум и глупость» (с. 635–638). После заглавия («Ум») следует – в алфавитном порядке – перечень понятий: благоразумие, здравый смысл, интеллект, мудрость, остроумие, понимание, премудрость, разум, ум. Нумерация ПО в словаре отсутствует.

СЯП. Словарь включает более 4500 относящихся к *уму / разуму* образных слов и выражений, зафиксированных в русской поэзии конца XVIII – начала XX в. (250 авторов). Составители также оперируют понятием парадигмы; СЯП, как и СПО, является словарем образных парадигм, однако отличается подходом к подаче материала. Если в СПО представлены именно модели, то в СЯП обозначены только их объектные части. Словарные статьи расположены в алфавитном порядке (в СПО – по фрагментам действительности). Обозначения денотатов приводятся в форме П.п. Интересующая нас словарная статья называется «О разуме, уме» (ср. в СПО – «Ум»). В первой части словарной статьи названы образные ряды со ссылками на авторов и источники; вторая (иллюстративная) часть включает примеры реализаций моделей. Нумерация присутствует. Порядок следования моделей определяется несколькими факторами: это отнесенность единиц к общеязыковым или авторским, наличие или отсутствие связи с мифо-

логическими представлениями, объемность группы и др. (в то время как в СПО главной является степень распространенности). По нашему мнению, в таком расположении есть некоторое неудобство для исследователей поэтической образности: здесь, в отличие от СПО, не прослеживается градация значимости. Если в СПО модель «ум – существо» оказывается на первом месте, а «ум – огонь» – в конце списка, то в СЯП мы наблюдаем обратную картину: уподобления огню – на первом месте, животному – на девятом, человеку – на последнем.

1. Ум в СПО.

1. ММ «ум – существо»; примеры: 15.

а) человек. *Кормчий*: способен (или неспособен) управлять кораблем-человеком. *Садовник*: возделывает цветник души. *Рудокон*: добывает нечто ценное. *Пилигрим*: изнемогает в помыслах. «Мой бедный ум, как зимний пилигрим, изнемогал от тщетных напряжений. Мир помыслов и тягостных сомнений, как влажный снег, носился перед ним» (В. Брюсов). *Подлец*: изворачивается, отличается низостью. *Эгоист*: действует в собственных интересах. *Космополит*: склонен странствовать, не привязан к дому;

б) животное. *Скот*: засыпает при активности сердца. «Сердчишко вздулося, умишко-скот заснул» (Н. Николев); способен насыщаться;

в) птица. *Буревестник*: наслаждается бурей. *Петух*: проявляет высокомерие. *Перепел*: может быть пойман. *Крылатое существо*: летает: «На крыльях вымысла носимый, / Ум улетал за край земной» (А. Пушкин);

г) насекомое. *Овод*: преследует кого-либо.

2. ММ «ум – свет»; примеры: 8.

а) солнечный свет. *Солнце*: освещает путь во тьме бытия; рассеивает ложную мудрость. *Луч*: способен проявляться и гаснуть.

б) светильник. *Светильник*: способен светить и гаснуть.

в) молния. *Молния*: блеск, быстрота, способность разгонять тьму.

3. ММ «ум – орудие»; примеры: 6.

а) пронизывающее или режущее орудие, в том числе оружие. *Лук*: способность напрягаться, выпускать стрелу-мысль. *Меч*: острота, способность обостряться, проникать во что-либо (во тьму). *Рапира, шпага*: острота, быстрота. *Бурав*: способность проникать в глубину для добычи чего-либо ценного. *Заступ*: тяжесть;

б) механизм. *Компас*: ориентирует человека в жизни.

4. ММ «ум – вода»; примеры: 4.

Море: подвижность, способность волноваться, разливаться. *Струя*: текучесть, быстрота.

5. ММ «ум – пространство»; примеры: 5.

а) строение. *Комната, чертог*: место обитания мыслей;

б) земное пространство. *Поле*: способность быть поврежденным во время военных действий. *Гора*: дает возможность человеку далеко видеть.

6. ММ «ум – транспорт»; примеры: 2.

Колесо: подвижность. *Судно*: характер действия: ум «ломит толстый лед, как грузный ледокол» (Д. Бедный).

7. ММ «ум – орган»; примеры: 2.

Крылья: способность летать, парить.

8. ММ «ум – растение»; примеры: 3.

Повитель: цепкость. *Гранат*: ум –местилище многочисленных страданий: «Прекрасными страданиями твой ум / наполненный, как зернами гранат» (И. Бродский). *Семя*: способность взращивать плоды.

9. ММ «ум – вещество (металл)»; примеры: 1.

Чугунный: тяжеловесность, массивность. «Эпоха – арена... чугуновых умов» (Д. Андреев).

10. ММ «ум – звук»; примеры: 1.

Благовест: способность передавать информацию. «Прекрасен благовест ума, прекрасны его чистые звуки» В. Хлебников.

11. ММ «ум – огонь»; примеры: 1.

Пламя: опасность. «Как пламень, русский ум опасен: так он неустойчив, так ясен, так весел он – и так угрюм» (Вс. Иванов).

12. ММ «ум – предмет / ум-артефакт» (за исключением орудий); примеры: 4.

Камень: отягощает, причиняет человеку неудобство весом и размером. *Колокол*: способность быть слышимым, обращать на себя внимание. *Парус*: помогает движению человека по жизненному пути.

Всего: ММ – 12, примеры – 52.

I. Ум в СЯП.

1. ММ «ум – свет»; примеры: 11.

а) солнечный свет: *Солнце*: рассеивает ложную мудрость.

Свет: освещает пространство бытия;

б) светильник. *Светильник*: способность светить и гаснуть. *Свечоточ, факел, фонарь*: освещает пространство жизни;

в) молния. *Молнии*: блеск, быстрота.

2. ММ «ум – огонь»; примеры: 2.

Огонь: способность проникать. «Его ума огонь игривый / В тебя таинственно проник» (А. Пушкин). *Искры*: неспособность согреть.

3. ММ «ум – орган»; примеры: 1.

Очи: способность видеть. «Очи умственные» (В. Озеров).

4. ММ «ум – пространство», примеры: 4.

а) строение / часть строения:

Дверь: способность впускать свет в ум-помещение. «Дверь ума открыта свету настуж» (А. Жемчужников). *Чертог*: способность быть открытым для сновидений. *Ограда*: способность / неспособность лишать свободы. «И Марфы беспокойный ум – / Свободы тщетная ограда – / Вкушал покой от мрачных дум» (К. Рылеев);

б) небесное пространство:

Высь: возвышенность. «И высь умов, и глубь сердец» (А. Голенищев-Кутузов).

5. ММ «ум –местилище»; примеры: 1.

Ящик: нечто малоценное. «В нем ум – набитый сором ящик» (В. Гуманский).

6. ММ «ум – растение»; примеры: 3.

Семя: способность взращивать плоды. *Цветы*: способность развиваться, а также вянуть.

7. ММ «ум – орудие / механизм»; примеры: 2.

Горнилы: неспособность производить (нечто полезное). «Бесплодны суть ума горнилы» (Д. Хвостов). *Рычаг*: способность приводить в действие.

8. ММ «ум – предмет»; примеры: 1

Время умственных цепей: способность тяготить, сковывать человека.

9. ММ «ум – вещество (способное к деформации)»; примеры: 1.

Изгибы: способность к непрямолинейному движению.

10. ММ «ум – болезнь»; примеры: 1.

Чума: нечто отрицательное, губительное.

11. ММ «ум – существо»; примеры: 8.

а) человек. *Болтун*: склонность выдавать секреты. *Вожатый*: ненадежность. *Врач*: жесткость действий. *Палач*: убивает радость. *Потомок* просвещения: смелость, ясность.

б) животное. *Змея*: лукавство, коварство.

в) сверхъестественное существо. Ум – даритель: «В тебе блестя дары ума» (И. Крылов).

12. ММ «ум – ментальное»; примеры: 1.

Гений: высшая степень проявления таланта.

Всего: ММ – 12, примеров – 34.

Перечень ММ ума в СПО обнаруживает сходство со списком образных парадигм, приведенных составителем словаря, за исключением двух – «ум – растение» и «ум – плод», включенных нами в одну ММ («ум – растение»). Особенности же группировки материала в СЯП зачастую не предполагают совпадения парадигмы и ММ. С одной стороны, в рамках одного образного ряда оказываются реализации двух и более ММ. Например, образный ряд 1 – *заря, зной, искры, луч, молнии, огонь, свет* – отражает объектные части трех ММ: свет, огонь, стихия; *бремя (цепей)* и *ограда* из ряда 10 – объектные части ММ «ум – предмет» и «ум – строение». В ряд обозначений ума – человека включено слово *гений*, выступающее в приведенном контексте в первичном словарном значении – как высшая степень одаренности (и относящееся соответственно к ММ «ум – ментальное»): «Конечно, нет в нем этого ума, / Что гений для иных, а для иных – чума» (А. Грибоедов). С другой стороны, в СПО в отдельных случаях содержание одной ММ оказывается распределенным по разным образным рядам, как, например, *око* и *крылья* (ММ «ум – орган»), *заря* и *солнце* (ММ «ум – свет»).

Анализ словарных материалов дает основание для вывода о сходстве представленных в СПО и СЯП наборов ММ, отражающих характеристики ума, уподобляемого существу (прежде всего человеку) свету, орудию, органу, огню, пространству, строению, вместилищу, растению, веществу, предмету. Ум осуществляет свойственную человеку деятельность, отражает особенности его характера, выступает в качестве его органа, орудия его труда, проявляет себя как источник света, дающего человеку возможность увидеть и познать мир (или, угаснув, лишит его этой возможности), имеет пространственные характеристики, обладает свойствами твердого вещества и т.д. К отмеченным только в одном словаре относятся ММ «ум – вода», «ум – транспорт», «ум – звук» (СПО), ММ «ум – болезнь», «ум – ментальное» (СЯП).

Различия метафорических характеристик *ума* проявляются главным образом на уровне частных ММ и их реализаций в конкретных образах. Например, в СЯП не отмечены имеющиеся в СПО ММ, отражающие уподобление ума животному, птице, насекомому (ММ «ум – существо»), колющим и режущим орудиям, оружию (ММ «ум – орудие»); ММ «ум – орган» в СПО представлена сопоставлением только с крыльями, в то время как в СЯП – с органами зрения.

Следует отметить, что при обращении составителей обоих словарей к одному источнику – русской литературе XVIII–XX вв. – совпадение приведенных в СПО и СЯП фрагментов текстов, относящихся к *уму* (и *разуму*), является скорее исключением, чем правилом: использование одного и того же примера наблюдается в единичных случаях. Несходство иллюстративного материала обуславливает некоторые различия в обрисовке образа *ума* в СПО и СЯП, в том числе и в реализациях одной и той же модели. Например, если ММ «ум – человек» в СПО представлена сопоставлениями, отражающими разнообразную деятельность ума, в том числе и созидательную (ум – садовник, рудокоп), отсутствие привязанности к какому-либо локусу, способность ослабевать и т.д. на материале фрагментов текстов семи авторов, то в СЯП в рамках данной модели *ум* получает главным образом негативную характеристику: это палач радостей, ненадежный проводник и т.д. (В. Жуковский и П. Вяземский). Частная ММ «ум – механизм» в СПО реализована в сопоставлении *ума* с компасом, без которого невозможен путь по житейскому морю (Н. Поповский), а в СЯП – с пустым кузнечным горном (Д. Хвостов) и рычагом «свободы жалкой» (И. Ключников).

II. Разум в СПО.

1. ММ «разум – существо»; примеры: 5.

а) человек. *Кормчий*: способность направлять человека в море жизни;

б) животное. *Конь*: преодолевает пространство и время; взрывает копытами пространство любви. «Быстрее, разум-конь, быстрее! / Любви горячее пространство / Подковы звонкие распашут (А. Мариенгоф). *Вол*: способен пахать, трудиться на благо человека. *Собака*: подчиненность человеку, принятие его заботы: «Прогуливай, как фокстерьера, свой разум» (П. Антокольский).

2. ММ «разум – свет»; примеры: 4.

а) солнечный свет. *Солнце*: способность освещать, разгонять тьму. *Закат*: угасание: «Душа и разум антиподы: / Она – восход, а он – закат» (И. Северянин);

б) светильник. *Свеча*: способность светить;

в) молния. *Молния*: блеск, быстрота.

3. ММ «разум – орудие»; примеры: 6.

а) пронизывающие или режущие орудия. *Лезвие*: острота, способность резать. *Топор*: способность уничтожать. *Рубанок*: грубость действия, непригодность для тонкой работы;

б) механизм. *Машина*: способность переплавлять (эпизоды и факты). *Шпулька*: способность концентрировать мышление. «Наматывая... нити мышления на шпульку разума» (Вс. Иванов). *Землечерпалка*: способность (неспособность) добывать, извлекать нечто нужное.

4. ММ «разум – вода»; примеры: 3.

Река: широта, текучесть. *Водопад*: текучесть.

5. ММ «разум – пространство»; примеры: 2.

а) земное пространство. *Пустыня*: пустота, некультуренность;

б) небесное пространство. *Облако*: способность летать, парить: «...где разум мой парил, / как некий облак» (И. Бродский).

6. ММ «разум – транспорт»; примеры: 2.

Трактор: способность вспахивать целину души. *Судно*: способность быть обездвиженным. «Мой разум как корабль безветрием захвачен» (В. Петров).

7. ММ «разум – орган»; примеры: 3.

Крылья: способность парить. *Зуб*: укорененность, крепость, твердость.

8. ММ «разум – растение»; примеры: 1.

Растение: способность цвести.

9. ММ «разум – предмет/артефакт»; примеры: 3

Обувь: нечто причиняющее дискомфорт. «И обувь разума разую / И укажу на пальцы пота» (В. Хлебников). *Колокол*: способность быть слышимым, давать сигнал тревоги. «Большой набат в разум» (В. Хлебников). *Зеркало*: способность отражать. «Работа зеркала без усталости идет: / Оно глядит в миры – духовный и телесный; / И повествует нам всей жизни пестрый ход...» (А. Жемчужников).

10. ММ «разум – стихия»; примеры: 1.

Зной: способность причинять неудобства и мучения. «Мой монастырь, где я томлюсь безбожно, – / Под зноем разума расплавленный гранит. / Мне душно. Мне темно...» (А. Блок).

Всего: ММ – 10, примеров: 30.

II. Разум в СЯП.

1. ММ «разум – свет»; примеры: 17.

а) солнечный свет. *Солнце*: испускает яркий интенсивный свет. *Заря*: пронизывает светом душу. Души «блещут разума зарей» (В. Петров). *Луч*: светоносность;

б) светильник. *Свечоч, свеча, факел*: способность освещать духовный мир человека, его жизнь; способность гаснуть. «Жизнь, сияя:

твой светоч – разум» (В. Бенедиктов); «Рок жестокий / Задует разума свечу» (А. Жемчужников).

2. ММ «разум – орган»; примеры: 6.

Око, очи: способность видеть и познавать мир. «Очами разума пронзит он небеса» (о слепом Гомере) (Н. Гнедич) *Крылья*: быстрота, способность к полету – и ее потеря. «Счастье и нега разума крылья... давят ярмом» (Г. Державин).

3. ММ «разум – стихия»; примеры: 1.

Зной: способность причинять неудобства и мучения.

4. ММ «разум – предмет»; примеры: 1.

Престол: место пребывания разума. «Вино, ты дар земному долу, / Коснися разума престолу, / Но бури грозной не твори!» (Д. Хвостов).

5. ММ «разум – орудие»; примеры: 1.

Лоза: способность наказывать человека. «Под разума критической лозой / Вся жизнь моя мне кажется ошибкой» (В. Бенедиктов).

6. ММ «разум – существо»; примеры: 2.

а) человек. *Властелин*: повелевает страстями человека.

б) животное. *Вол*: способность трудиться. «И пашню голубую нам пашет разум-вол» (С. Есенин).

Всего: ММ – 6, примеров – 28.

Отмеченные выше особенности представления словарного материала в СПО и СЯП проявляют себя и в отношении *разума*. Например, в СПО встречается распределение одной ММ по двум парадигмам: *обувь разума*, по нашему мнению, имеет больше оснований быть отнесенной к ММ «разум – предмет / артефакт», чем к ММ «разум – свет» и «разум – стихия»; «разум – ткань». В СЯП ряд 1 включает реализации ММ ряд 7 – *лоза, семя, цвет* – отражает объектные части двух ММ: «ум – орудие» и «ум – растение». Из приведенной в словаре иллюстрации к слову *лоза* явствует, что автор (В. Бенедиктов) имеет в виду именно орудие, средство наказания – «критическую лозу», а не стебель растения.

ММ разума в обоих словарях различаются в количественном отношении (СПО – 10, СЯП – 6). К числу совпадающих относятся ММ, отражающие уподобление разума существу, свету, органу, орудию, предмету, стихии; ММ с объектной частью транспорт, огонь, вода, пространство отмечены только в СПО. Лежащие в основе общих для СПО и СЯП сопоставлений признаки в целом оказываются сходными: разум излучает свет, совершает осмысленные человеческие действия,

выполняет функции орудия и т. д. Вместе с тем практически каждая ММ обладает спецификой в плане ее реализации, что обусловлено различием объектов сопоставлений. Например, в сферу ММ «разум – существо / животное» в обоих словарях включено сопоставление разума с волком, а в СПО также с конем и собакой. Названные животные так или иначе служат человеку, однако при этом обладают существенными различиями. Уподобление коню отражает быстроту, активность разума, а также его родство со временем, как это явствует из именованного разума «скакуном столетий табуна» (В. Хлебников). Основанием сравнения разума с нуждающимся в прогулке фокстерьером (из «Новогодней кинохроники» П. Антокольского) является угнетенное, подавленное состояние разума, задушенного «сегодняшним джазом и завтрашним газом». Несходство объектов сопоставлений наблюдается в реализациях ММ «разум – орудие», «разум – предмет» и др.

Рассмотрение реализаций ММ *ума* и *разума* в СПО и СЯП дает основания для выявления сходства и различия соответствующих концептов, некоторых особенностей «метафорических портретов», отраженных в словарных материалах.

Ум в данных словарях представлен несколько большим количеством ММ по сравнению с *разумом*: *ум* в СПО и СЯП включен в 12 ММ, *разум* в СПО – в 10 ММ, в СЯП – в 6 ММ. Количество реализаций ММ *ума* в СПО (52) превышает имеющееся в СЯП (30), а реализации ММ *разума* в обоих словарях в количественном отношении различаются незначительно (соответственно 30 и 28 примеров). *Ум* и *разум* обнаруживают значительную близость в плане состава ММ, образуя сопоставления со светом, человеком и животными, орудиями, органами, объектами земного и небесного пространства, растениями, транспортом, предметами. В реализациях некоторых образных параллелей *ум* и *разум* оказываются практически синонимичными, имея один и тот же объект сопоставления (что особенно заметно на примерах наиболее старых, традиционных моделей): это, например, свет, солнце, светильник, светоч (ММ «ум / разум – свет»); кормчий (ММ «ум / разум – человек»); крылья, очи (ММ «ум / разум – орган»); цвет (ММ «ум / разум – растение»). И *ум*, и *разум* освещают путь человека, рассеивают тьму, но могут также и угасать; совершают необходимые действия, но могут и слабеть, уклоняться от правильного пути. Наличие крыльев и органов зрения у *ума* / *разума* дает человеку широкие возможности для познания мира и самого себя. Вышеназванные ММ являются глубоко укорененными в русской поэтиче-

ской традиции: их реализации зафиксированы в текстах поэтов с конца XVIII в. Например, именно в старой русской поэзии отмечена связь *ума/разума* с божественным началом, что отражено в словарных материалах: «Разум – луч от Божества» (А. Хомяков); «Бог дал мне свет ума» (Н. Карамзин). Анализ старославянского языкового материала позволил Т.И. Вендиной сделать вывод о типичности метафорического воплощения идеи божественности интеллектуальной составляющей человека «в виде света, который проливается на мир и на человека» [24. С. 150]. Как отмечает М.В. Пименова, Бог является «дарителем благ, в том числе и разума» [25. С. 105]. Являясь Божьим даром, *ум / разум* и сам оказывается подобием божества, наделяющего людей «бессмертными дарами» (Я. Княжнин) и т.д.

К более новым образным соответствиям *ума / разума* относятся объекты из предметной сферы «техника». Мыслительная деятельность – это работа, действия, к которым предъявляются требования, сформулированные Т.В. Леонтьевой как «энергичность, интенсивность, скорость и результативность» [26. С. 257]. Деятельность *ума* и *разума* оказывается родственной работе, производимой как ручными приспособлениями, так и техникой, механизмами, предназначенными для проникновения вглубь (*бурав, землечерпалка*), для преобразования – в тех или иных целях – пространства (*трактор, ледокол*).

Данные словарей позволяют определить некоторые различия *ума* и *разума*. Сопоставления с человеком несут разнообразную информацию (в том числе и негативную) о проявлениях человеческой природы: и если *ум* неоднократно характеризуется как нечто низкое (*подлец, болтун, палач* и др.), то *разум* чаще всего возвышен: это *властелин, сидящий на престоле, умелый кормчий* и т.д.

В мире живых существ *разуму* соответствуют главным образом крупные, сильные, способные выполнять тяжелую работу, а также энергичные животные; *уму* – существа меньших размеров и иного характера, в том числе птицы и насекомые. В целом *разум* по сравнению с *умом* традиционно «менее подвижен» [27. С. 302–303].

В реализациях ММ «ум / разум – орудие» отмечается несовпадение видов приспособлений для совершения тех или иных действий. Холодное оружие, колющее и режущее (меч, шпага и др.), является аналогом именно *ума*, характеризую его остроту, быстроту; *разуму* же соответствуют орудия, предназначенные для более грубых действий (топор, рубанок, орудие наказания).

Представленные в СПО и СЯП реализации ММ *ума* и *разума* несопоставимы в количественном отношении с материалом, задействованным исследователями данных концептов (М.В. Пименова, Е.В. Дзюба, Е. В. Урысон, Т.В. Леонтьева и др.) в русской языковой картине мира: в качестве источника материала учеными привлекаются – наряду с художественными текстами – данные многочисленных словарей (фразеологических, диалектных, пословиц и поговорок и т. д.). Вместе с тем проецирование образных характеристик *ума* и *разума* в СПО и СЯП на описанную в научных трудах систему признаков данных концептов в национальной языковой картине мира не представляется некорректным. Во-первых, вполне очевидным представляется отражение в русской литературе богатства языка и культуры, особенностей национального самосознания; во-вторых, выделение и группировка образных сопоставлений произведены составителями словарей на основании рассмотрения значительного объема текстов многочисленных авторов.

Концептуальные признаки *ума* и *разума*, системное описание которых представлено в исследовании Н.М. Сергеевой «Концепты «ум», «разум» в русской языковой картине мира» [28], традиционно подразделяются на типы, входящие в состав тематических блоков «Живая природа» (витальные, антропоморфные, зооморфные, вегетативные признаки) и «Неживая природа» (пространственные, артефактные, признаки стихий и т.д.), причем внутри каждой группы выделяются разновидности: например, в состав витальных признаков входят сон, возраст, движение, голос, слух, зрение, сила и т.п.

Материалы СПО и СЯП иллюстрируют наличие всех групп признаков рассматриваемых концептов. *Уму* свойственны витальные признаки (он летает, видит, засыпает, насыщается), зооморфные (уподобление птицам, животным, насекомому), вегетативные (ум проходит цикл развития растения: семя, рост, цветение, плодоношение). Относительно антропоморфных признаков следует отметить, что в СПО и СЯП *ум* объективируется практически всем набором признаков (за исключением гендерных), выделенных М.В. Пименовой в структуре данного концепта [29. С. 33–34]: ум проявляет власть (например, казнит), руководит, странствует, является помощником человека, его другом или недругом. *Уму* свойственны разнообразные проявления характера, эмоциональной сферы: беспокойство, хитрость, эгоизм, надменность и др. Как отмечает Е.В. Дзюба, с древних

времен *ум* в русском языковом сознании воспринимается в качестве не только интеллектуальной, но и нравственной категории, являясь источником и добрых, и злых намерений человека; он «нередко становится причиной бахвальства, высокомерия, гордыни» [30. С. 136], что в нашем материале отражено, например, в реализации ММ «ум – птица»: «Надменный ум кичится, как петух» (Л. Эллис). В реализациях ММ *ума* отражаются характерные для русской языковой картины мира признаки неживой природы: артефактные (оружие, инструменты), пространственные (ум как объект земного и небесного пространства, свет и др.), признаки стихий (огня, воды) и иные. Когнитивные признаки *разума* в словарях образов также в целом коррелируют с выделенными учеными в языковой картине мира.

Материалы словарей фиксируют имеющиеся в описаниях картины мира русского народа представления об *уме* и *разуме* в плане как сходства данных концептов (преобладающая антропоморфность, совпадение ряда витальных признаков, характеристика как дара небес и др.), так и различий, позволяющих дифференцировать концепты. По замечанию А.Ф. Лосева, русский язык представляет ум как «теоретическую способность правильно и целесообразно мыслить, но слово «разум» имеет уже некоторый новый оттенок, указывающий не только на теоретическое мышление, но и на способность практически пользоваться этим мышлением» [31. С. 206].

Сопоставление признаков концептов, отраженных в реализациях ММ в словарях образов и вышеназванном исследовании Н.М. Сергеевой, приводит к выводу о некоторых несоответствиях концептуальных характеристик. Например, при рассмотрении *разума* автор указывает на отсутствие в структуре данного концепта вегетативных признаков, наличие в группе зооморфных признаков исключительно орнитологических, отсутствие признаков артефакта, света, земли и воды [28. С. 14, 19–21]. В нашем материале представлены реализации соответствующих ММ, отражающие сопоставление *разума* с цветущим растением, с животными (конем, волком, собакой), с зеркалом, пустыней, рекой, водопадом; световая же характеристика – это один из важнейших признаков, объективирующих концепт *разум* не только в поэтическом дискурсе. Поэтический мир не копирует реальный, в нем отражается оригинальное мировидение авторов, что проявляется, например, в создании образов, отражающих особенности восприятия и понимания художниками слова мира и его элементов, в пополнении

языкового арсенала, отраженного в реализациях ММ. Поэты XX в. обновляют традиционные сопоставления, вводя ранее не существовавшие словесные образы, в некоторых случаях обращаясь к мало-распространенным и малопродуктивным ММ. В качестве примеров можно привести сопоставление *разума* с *фокстерьером* П. Антокольского (реализация малопродуктивной ММ «разум – животное») или *ума* с *насекомым* (реализация непродуктивной ММ, представленной единственным сопоставлением «клопный ум») В. Хлебникова: «И много невестнейших вдов вод / Преследовал ум мой, как овод».

Таким образом, рассмотрение *ума / разума* в словарях поэтических образов Н.В. Павлович и Н.Н. Ивановой позволяет считать данные словари ценным источником информации для исследователей поэтической концептосферы, поэтического языка. *Ум* и *разум* отражены в СПО и СЯП в их основных параметрах, согласующихся с имеющимися в русской языковой картине мира. ММ отражают сопоставления *ума* и *разума* с человеком, животными, светом, орудиями, органами, растениями, предметами. *Ум* и *разум* предстают как активные субъекты, способные совершать разнообразные действия, а также наделенные характером и эмоциями; как помощники человека (а иногда и недруги); как свет (в том числе божественный), без которого человек не может познавать мир; как необходимые орудия, без которых невозможна какая-либо деятельность. *Ум* и *разум* осваивают пространство вширь и вглубь, вносят вклад в его преобразование; имеют отношение и к верхней части мироздания. В реализациях ММ обнаруживаются и различия *ума* и *разума*: по сравнению с *умом* *разум* предстает более возвышенным, объемным и сильным.

При описании того или иного концепта исследователям, на наш взгляд, целесообразно использовать материалы обоих словарей, поскольку они удачно дополняют друг друга как в плане представления литературного материала, так и в принципах его классификации.

Литература

1. Кондратьева О.Н. Душа, сердце, ум // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М., 2007. С. 60–68.
2. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов : в 2 т. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1. 848 с.
3. Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.) М. : АСТ : Астрель : Русские словари : Транзиткнига, 2004. 666 с.

4. Грекова М.В. Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 18–40.
5. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
6. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А.В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 428 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
8. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 340 с.
9. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1 (Зооморфные образы) / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захарова, В.В. Красных. М. : Гнозис, 2004. 318 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Х. Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 204–208.
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер с англ. ; под ред. А.Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
12. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2007. 296 с.
13. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Серия «Концептуальные исследования». Кемерово : Графика, 2004. Вып. 3. 386 с.
14. Мишанкина Н.А. Ментальное пространство научного текста: метафорические модели // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 7–11.
15. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ин-та, 2006. 215 с.
16. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
17. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 44 с.
18. Туранина Н.А. Словарь образных средств Александра Блока, Сергея Есенина и Владимира Маяковского. Москва ; Белгород : МЭСИ, 2009. 176 с.
19. Полухина В., Пярли Ю. Словарь тропов Бродского (на материале сборника «Часть речи»). Тарту : Изд-во Тарт. ун-та, 1995. 342 с.
20. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. М. : Флинта, 2016. 176 с.
21. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. М. : Оникс : Мир и Образование, 2010. 640 с.
22. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

23. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М. : Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

24. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М. : Индрик, 2002. 336 с.

25. Пименова М.В. Структура концепта *разум* // *Mentalität und Mentales* / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau : Verlag Empirische Pädagogik, 2003. S. 95–111.

26. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург : Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2008. 280 с.

27. Никитина С.Е. Об уме и разуме (на материале русских народнопоэтических текстов) // Славянские этюды : сб. к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 298–307.

28. Сергеева Н.М. Концепты «ум», «разум» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 24 с.

29. Пименова М.В. Антропоморфная парадигма в структуре концепта *ум* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 2. С. 32–35.

30. Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2011. 224 с.

31. Лосев А.Ф. Философско-поэтический символ Софии у Вл. Соловьева // Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 203–256.

MIND/REASON IN DICTIONARIES OF POETIC IMAGES: METAPHORICAL MODELS AND THEIR REPRESENTATION

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 13, pp. 117–140.

DOI: 10.17223/22274200/13/7

Elena V. Kupchik, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: elwika@list.ru

Keywords: mind, reason, image dictionary, metaphorical model, concept.

The study of the figurative component of the key concepts of the inner world of man is an urgent task of modern linguistic science and in particular figurative lexicography. The author investigated the relevant piece of the Russian conceptual sphere “*mind/reason*”, represented in the *Dictionary of Poetic Images* by N.V. Pavlovich and in the *Dictionary of the Language of Poetry* by N.N. Ivanova. The aim of this work is to characterize the conceptual pair *mind/reason* through the examination of representations of metaphorical models in poetic discourse. Metaphorical models as the epitome of cognitive models reflect the characteristics of the concept, which can be characterized through a list of models and features of their representation.

Semantic differences between *mind* and *reason*, as well as the features of the presentation of the material in dictionaries of images resulted in a separate consideration of concepts in each dictionary. The number of models of *mind* is the same: 12. Each source compares *mind* with a living being, light, fire, gun, plant, object. *Mind* manifests itself in human activities, traits, behavior of living creatures; it is the source of light that enables man to understand the world; it has spatial parameters, etc. The

distinction of metaphorical characteristics of *mind* in dictionaries is observed mainly in the implementation of specific models: for example, Ivanova's Dictionary contains no comparison of *mind* with a weapon, a bird. Metaphorical models of *reason* find quantitative differences: Pavlovich has 10, Ivanova has six. The models that match are associations of *reason* with a creature, light, body, objects, elements. Pavlovich also has models with *transport, fire, water, space*. Fragments of texts of Russian literature are repeated in the dictionaries only in some cases; however, the difference of the material does not affect the identification of the basic models. *Mind* and *reason* have similar characteristics reflected in comparisons with light, man, animals, guns. In the texts of the 18th–19th centuries, *mind* and *reason* show connection with Deity: it is a divine light, a gift from God. Implementations of metaphorical models also show differences of *mind* and *reason*. *Reason* in comparison with *mind* is more advanced, powerful and versatile. The implementation of metaphorical models of poetic discourse reflects the rich arsenal of the conceptual features of *mind* and *reason* typical of the Russian language picture of the world.

References

1. Kondrat'eva, O.N. (2007) Dusha, serdtse, um [Soul, heart, mind]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Moscow: Gnozis.
2. Pavlovich, N.V. (1999) *Slovar' poeticheskikh obrazov: v 2 t.* [Dictionary of poetic images: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Editorial URSS.
3. Ivanova, N.N. & Ivanova, O.E. (2004) *Slovar' yazyka poezii (obraznyy arsenal russkoy liriki kontsa XVIII – nachala XX v.)* [Dictionary of the language of poetry (figurative arsenal of Russian lyrics of the end of the 18th – early 20th centuries)]. Moscow: AST: Astrel': Russkie slovari: Tranzitkniga.
4. Grekova, M.V. (2016) Figurative lexicography and its place in modern Russian philology. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 18–40. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/10/2
5. Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow: Pomovskiy i partnery.
6. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
7. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh narodnykh sravneniy* [A large dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow: OLMA Media Grupp.
8. Babenko, L.G. (ed.) (2010) *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyucheve kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovarya* [Concept sphere of the Russian language: key concepts and their representations (on the basis of vocabulary, phraseology and paremiology): the catalog of the dictionary]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
9. Brileva, I.S. et al. (2004) *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar': Vyp. 1 (Zoomorfnye obrazy)* [Russian cultural space: Linguoculturology dictionary: Vol. 1 (Zoomorphic images)]. Moscow: Gnozis.

10. Ortega y Gasset, J. (1991) *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of culture]. Moscow: Iskusstvo. pp. 204–208.
11. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
12. Maslova, V.A. (2007) *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.
13. Pimenova, M.V. (2004) *Dusha i dukh: osobennosti kontseptualizatsii. Seriya "Kontseptual'nye issledovaniya"* [Soul and spirit: features of conceptualization. "Conceptual Studies"]. Is. 3. Kemerovo: Grafika.
14. Mishankina, N.A. (2007) Mental space of the scientific text: the metaphorical models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 297. pp. 7–11. (In Russian).
15. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2006) *Metafora v politicheskom interdiskurse* [Metaphor in the political interdiscourse]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
16. Vershinina, T.S. (2002) *Zoomorfnaya, fitomorfnaya i antropomorfnaya metafora v sovremennoy politicheskom diskurse* [Zoomorphic, phytomorphic and anthropomorphic metaphor in modern political discourse]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
17. Shestakova, L.L. (2012) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: theory, history, modernity]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
18. Turanina, N.A. (2009) *Slovar' obraznykh sredstv Aleksandra Bloka, Sergeya Esenina i Vladimira Mayakovskogo* [Dictionary of figurative means of Alexander Blok, Sergei Yesenin and Vladimir Mayakovsky]. Moscow; Belgorod: MESI.
19. Polukhina, V. & Pyarli, Yu. (1995) *Slovar' tropov Brodskogo (na materiale sbornika "Chast' rechi")* [Brodsky's tropes dictionary (on the material of the collection "Part of Speech")]. Tartu: Tartu State University.
20. Pimenova, M.V. & Kondrat'eva, O.N. (2016) *Kontseptual'nye issledovaniya* [Conceptual studies]. Moscow: Flinta.
21. Ozhegov, S.I. (2010) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Oniks: Mir i Obrazovanie.
22. Kubryakova, E.S. (2004) *Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki* [On the instructions of cognitive science and current problems of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1. pp. 6–17.
23. Uryson, E.V. (2003) *Problemy issledovaniya yazykovoy kartiny mira: Analogiya v semantike* [Problems of the study of the language picture of the world: Analogy in semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
24. Vendina, T.I. (2002) *Srednevekovyy chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka* [A medieval man in the mirror of the Old Slavonic language]. Moscow: Indrik.
25. Pimenova, M.V. (2003) *Struktura kontsepta razum* [Structure of the concept "reason"]. Pimenov, E.A. & Pimenova, M.V. (eds) *Mentalität und Mentales* [Mentality and the mental]. Landau: Verlag Empirische Pädagogik.

26. Leont'eva, T.V. (2008) *Intellekt cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [Intellect of man in the Russian language picture of the world]. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University.

27. Nikitina, S.E. (1999) Ob ume i razume (na materiale russkikh narodnopoeticheskikh tekstov) [On the mind and reason (on the basis of Russian folk poetic texts)]. In: Agapkina, T.A. et al. (eds) *Slavyanskije etyudy: sb. k yubileyu S.M. Tolstoy* [Slavic etudes: to the jubilee of S.M. Tolstaya]. Moscow: Indrik.

28. Sergeeva, N.M. (2004) *Kontsepty "um", "razum" v russkoy yazykovoy kartine mira* [Concepts "mind", "reason" in the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

29. Pimenova, M.V. (2004) Anthropomorphic feature paradigm in the structure of concept "mind". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya" – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2.* pp. 32–35. (In Russian).

30. Dzyuba, E.V. (2011) *Kontsept "um" v russkoy lingvokul'ture* [The concept "mind" in Russian linguistic culture]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

31. Losev, A.F. (1990) *Strast' k dialektike* [Passion for dialectics]. Moscow: Sovetskij pisatel'. pp. 203–256.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

УДК 81'374

DOI: 10.17223/22274200/13/8

М.А. Бобунова

РУССКОЕ ФОЛЬКЛОРНОЕ СЛОВО В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРЯ (О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПЫТЕ КУРСКИХ ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТОВ)

Анализируется лексикографический опыт лингвофольклористов, работающих над созданием словарей языка фольклора. Делается обзор лексикографической продукции курских исследователей, которые, наряду с традиционными формами, апробируют экспериментальные лексикографические формы (сжатый конкорданс, конкорданс одного слова, контрастивный словарь), имеющие богатый исследовательский потенциал.

Ключевые слова: словарь, конкорданс, язык фольклора, фольклорная лексикография, лингвофольклористика.

В эпоху глобализации экономической и политической жизни обостряется интерес к истокам национальных культур, и прежде всего к фольклору. Данный интерес поддерживается и развивается разными способами: от переиздания ставших библиографической редкостью отдельных памятников устного народного творчества и создания полного академического Свода русского фольклора до компьютерной систематизации фольклорных архивов и формирования электронных баз данных. Опыт фольклористов постоянно обобщается, систематизируется и популяризируется на научных конференциях, посвященных проблемам изучения и сохранения традиционной культуры, а также на Всероссийском конгрессе фольклористов, где обсуждаются разные вопросы, связанные не только с теорией и историей фольклористики, но и с бытованием фольклора в современном информационном пространстве и сохранением нематериального культурного наследия России.

Одной из форм сохранения устного народного творчества является словарь, о целесообразности которого говорили еще в конце XIX в.

Словарь как лаконичная форма представления разных данных в систематизированном виде привлекает разных специалистов. В частности, литературоведы смогли убедиться в достоинствах словарного описания языка с развитием писательской лексикографии. Еще в 1979 г. академик М.Л. Гаспаров, говоря о пушкинском словаре, так определил его значимость: «Словарь языка Пушкина» показал всем читавшим его, сколь многое в пушкинской семантике ускользало от нас, пока мы руководствовались чутким слухом и тонким вкусом и не думали о полноте и систематичности наших знаний [1. С. 27].

Конечно, устно-поэтическая лексика как часть национального языка находила и находит отражение в лингвистических словарях (толковых, диалектных, устаревших и редких слов и др.), однако объем таких наименований и степень их лексикографической обработки в разных типах справочников разнятся.

В толковых словарях специфические фольклорные единицы представлены в ограниченном количестве, а для их характеристики используются разные способы: толкование, ремарки, стилистические пометы (*народно-поэт.* и *нар.-поэт.* – народно-поэтическое слово или значение). Приведем примеры из «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой.

Баба-яга. В русских народных сказках: злая старуха-колдунья [2. С. 54].

Богатырь. Герой русских былин, воин, отличающийся необычной силой, удастью, мужеством и умом [2. С. 101].

Голубить. *Народно-поэт.* Ласкать, нежить, лелеять [Там же. С. 328].

Горюша. *Народно-поэт.* и *обл.* Горемыка [Там же. С. 337].

Гулливый. *Народно-поэт.* и *прост.* Любящий гулять, постоянно гуляющий [Там же. С. 356].

В диалектных словарях, в частности в «Словаре русских народных говоров», лексем, которые сопровождаются специальной пометой *фольк.* (фольклорное), значительно больше, однако и этот словарь не решает проблемы лексикографического описания слов, встретившихся в произведениях устного народного творчества. Хотя диалектные словари и используют в качестве одного из источников разные фольклорные сборники, в словник попадают не все лексические единицы того или иного текста, а прежде всего слова, территориально локализованные.

- Гадючинка.** *Фольк.* Гадюка <...> Тул., Шейн [3. С. 93].
- Галань.** *Фольк.* Гавань <...> **Печор.**, Ончуков [Там же. С. 105].
- Глотучий.** *Фольк.* Эпитет к слову щука <...> **Волог.**, 1877 [Там же. С. 203].
- Глумячий.** *Фольк.* Шумливый <...> **Олон.**, 1887 [Там же. С. 212].
- Гоголинка.** *Фольк.* Утка [?] <...> **Петрозав., Олон.**, Рыбников [Там же. С. 262].

Обратим также внимание на непоследовательность и несогласованность дефиниций и стилистического комментария как в пределах одного словаря, так и в разных словарях одного типа, что обусловлено объективной трудностью адекватного отражения семантической структуры народно-песенных лексем в неспециализированных лексикографических изданиях и сложностью разграничения фольклорного, областного, просторечного и устаревшего компонентов в семантике и структуре слова. Всё это постепенно утвердило лингвистов в мысли о необходимости создания специальных словарей языка фольклора, к созданию которых лингвофольклористы приступили в конце XX в.

Хорошо известно, что «русский фольклор по богатству, обилию материала, географическому разнообразию, сложности жанрового состава несравним ни с одним фольклором Европы и советского Востока» [4]. Это во многом определяет подходы лингвистов к лексикографическому описанию народно-песенной речи. Все чаще говорится о создании системы и серии словарей языка фольклора, базирующихся на определенных принципах: опора на жанровую дифференциацию материала, его территориально-временную однородность и учет специфичности семантической структуры фольклорного слова, требующей неординарного подхода и к формированию словников, и к непосредственному описанию отдельных языковых единиц.

Отсутствие традиции фольклорной лексикографии определило тактику словарной работы. На начальном этапе лингвофольклористы сконцентрировались на создании фиксирующих словарей (дающих списки языковых единиц без толкований) в двух вариантах: алфавитном и частотном. В частности, курские исследователи подготовили около 30 алфавитно-частотных словарей разных фольклорных жанров (былин, баллад, сказок, исторических песен, обрядовой и необрядовой лирики) (см., например: [5, 6]). Позже на их базе стали создаваться конкордансы – алфавитные перечни всех слов источника с указанием контекстов их употребления. Основой для апробации лексико-

графической формы конкорданса изначально стал семитомный свод А.И. Соболевского «Великорусские народные песни» как наиболее полное авторитетное собрание необрядовой лирики, записанной в XIX в. и систематизированной по жанрово-тематическому принципу (см., например: [7]).

Полные конкордансы, включающие все встретившиеся наименования, рассчитаны прежде всего на исследователей языка фольклора, которые найдут в них надежный фактический фундамент для изучения языка народной словесности. Хотя значимость конкорданса уже не подвергается сомнению, все же приведем цитату М.Л. Гаспарова из предисловия к российскому изданию «Конкорданса к стихам А.С. Пушкина» Дж.Т. Шоу: «В нем [конкордансе] на каждое слово и на каждую словоформу <...> приводится полный текст всех фраз или всех стихотворных строк, в которых встречается это слово или эта словоформа. Все мельчайшие оттенки значения каждого слова выступают при этом так исчерпывающе ясно, как ни в каком словаре. Изучать по-настоящему язык и литературу, не имея таких конкордансов, невозможно» [8. С. III]. Полагаем, что эта мысль справедлива и по отношению к фольклорным конкордансам, которые дают объективное представление о качественном и количественном составе лексического яруса необрядовой лирики, бытовавшей на определенной территории России, и становятся своеобразными инструментами анализа фактического материала.

Кроме традиционной формы конкорданса, словарная статья которого включает заголовочное слово, статистическую информацию и исчерпывающее число контекстов с паспортизацией, курские исследователи апробировали форму сжатого (сконцентрированного) конкорданса, который является своеобразной «выжимкой» из иллюстративного материала. В этом случае в словарной статье приводится лишь один показательный контекст, а все синтагматические, парадигматико-синтагматические связи описываемой лексемы и ее участие в устойчивых поэтических приемах отражаются с помощью специальных условных обозначений¹. Приведем пример словарной статьи традиционного и сжатого конкорданса на материале онежских былин А.Ф. Гильфердинга [9].

---

¹ **S:** связи с существительными; **A:** связи с прилагательными; **Pron:** связи с местоимениями; **Num:** связи с числительными; **V:** связи с глаголами; **Adv:** связи с наречиями; **Voc:** функция обращения; **☞:** ассоциативные ряды; **F:** поэтическая функция; +: дополнительная информация, комментарии.

Гнездо 27. *Подъезжае под гнездо да Соловьиное Того Соловья Рахматова* (Калинин. Повенец. Илья МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 1, № 3); *Ты ставай-ко на резвы ноги, Ты вези-ко под гнездо да Соловьиное, Под того же было Соловья Рахматова! Подъезжае тут Илья да сын Иванович Под того же Соловья Рахматова, Под гнездо да соловьиное. Как подъехал Илья да сын Иванович Под гнездо да Соловьиное, Он натягивал свой тугой лук...* (Калинин. Повенец. Илья МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 1, № 3); *Приезжает-то Илья ко той ли речки ко Черниговской, А он слышит тут гнездо да Соловьиное* (Фепонов. Пудога. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 1, № 56); *Ен спустил-то Соловья да на сыру землю, Пристеснул его ко правому ко стремечки булатному, Ен повез его по славну по чисту полю, Мимо гнездышко повез да Соловьиное. На том гнездышке да Соловьиноем А случилось быть да и три дочери...* (Рябинин. Киж. ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 2, № 74); *Вы зовите мужика да деревенцину, В своё гнездышко зовите Соловьиное, Да кормите его ествушкой сахарною, Да вы пойте его питьицем медвяным, Да й дарите ему дары драгоценные* (Рябинин. Киж. ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 2, № 74); *А й зовут-то мужика да й деревенцину Во то гнездышко да Соловьиное...* (Рябинин. Киж. ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 2, № 74); *Что свито у Соловья Рохманова Гнездо свито свое великое, Свито гнездо на двенадцати дубах, На двенадцати кокотищах И на пяти поприщах. Что мимо его гнезда воины не проезживали, Птицы не пролетывали...* (Сарафанов. Киж. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 2, № 104); *Подъезжал Илья Муромец ко гнезду да соловьиному...* (Сарафанов. Киж. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 2, № 104); *Видит тут Соловей Рахманович, Что едет сильной храброй воин под гнездо соловьиное...* (Сарафанов. Киж. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 2, № 104); *И еще того сильнее пустился под соловьиное гнездо, И Соловей Рахманов высунул из гнезда своего буйну голову* (Сарафанов. Киж. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 2, № 104); *Лежит Добрыня о Почай-реку, А й ногамы лежит во Почай-реку, Кудрями лежит в част ракитов куст, Малолесны птички гнезда сповили Во Добрыниных во желтых кудрях* (Суханов. Водлозеро. ДОБРЫНЯ И АЛЕША. Т. 3, № 206); *Малолесны птички гнезда сповили Во Добрыниных во желтых кудрях* (Суханов. Водлозеро. ДОБРЫНЯ И АЛЕША. Т. 3, № 206); *Уж поехал тут казак да Илья Муромец, Илья Муромец да сын Иванович, Уж он едет-то мимо то Соловьиное гнездышко* (Федулов. Водлозеро. ИЛЬЯ

МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 3, № 212); *Уж он едет мимо то Соловьитое гнездышко, Уж как глядят его рожоньи де-тушки <...> Уж как проезжают оны к Соловитому-то гнездышку, Он прибил то Соловитое-то гнездышко* (Федулов. Водлозеро. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 3, № 212); *Да садился старой на добра коня Да поезжает старой ко Соловьиному ко гнездышко. Не доехал до гнезда да за три поприща, Услыхал Соловей-от разбойник-от...* (Меншиков. Кенозеро. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 3, № 274); *Приезжае к Соловьиному гнездышку. У Соловья гнездо на двенадцати дубах* (Меншиков. Кенозеро. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 3, № 274); *Увалился Соловей да со гнезда долой* (Меншиков. Кенозеро. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. Т. 3, № 274).

Гнездо (27) Видит тут Соловей Рахманович, Что едет сильной храброй воин под *гнездо* соловьиное (Т. 2, № 104) =: гнездышко¹ 10 А: свое великое 1, С (с) оловьиное 14, Солов (ь) итое 4 S: г. у Соловья 1 V_з: <быть> 1, <быть> свито 2 V_о: везти под г. 1, высунуть голову из г. 1, ехать мимо г. 2, ехать под г. 1, звать в г. 2, не доехать до г. 1, не проезживать мимо г. 1, повезти мимо г. 1, подъезжать ко г. 1, подъезжать под г. 2, подъехать под г. 1, поезжать к г. 1, прибить г. 1, приезжать к г. 1, проезжать к г. 1, пуститься под г. 1, случилось быть в г. 1, слышать 1, сповить 2, увалиться со г. 1 +: в 2 с/у гнездо птицы – Суханов (Водлозеро) «Добрыня и Алеша», в 25 с/у гнездо Соловья-разбойника; *Солов(ь)итое гнездышко* – Федулов (Водлозеро); *прибить гнездышко* – Федулов (Водлозеро)

В первом случае конкорданс предлагает читателю собранные языковые факты, не навязывая их интерпретации, и оставляет простор

¹ В словаре онежских былин, картотека для которого составлялась нами в 90-е гг. XX в. вручную, слова с суффиксами субъективной оценки, многочисленные в фольклорном тексте, не выделялись в отдельную словарную статью, но обязательно учитывались в зоне вариантов. Исключение составляли случаи лексикализации диминутивов. Впоследствии, при создании конкордансов лирической песни с применением новых информационных технологий, уменьшительно-ласкательные наименования рассматривались нами уже в качестве самостоятельных словарных единиц, например: *гнездо* 2 и *гнездушко* 2 [7. С. 41]. Заметим, что подобные промежуточные категории всегда являются острой проблемой для лексикографов, которые предлагают разные подходы к её решению.

для исследовательской мысли. Во втором же определенное лексикографическое «вмешательство» позволяет сразу сконцентрироваться на основных текстовых связях и функциях описываемого слова. Так, в онежском эпосе гнездо – это прежде всего место обитания Соловья-разбойника, о чем свидетельствуют атрибутивные и субстантивные связи существительного. Лишь в одной былине («Добрыня и Алеша») *гнездо* не связано с образом эпического существа, а оказывается неопровержимым аргументом, подтверждающим гибель Добрыни Никитича. Показательна и сочетаемость с глаголами, из которой ясно, что гнездо – это жилище, вокруг которого разворачивается действие, хотя в одном случае (в сочетании с глаголом *прибить*) сказитель Федулов использует слово в другом значении – ‘семья, род, потомство’.

Обратим внимание на то, что в сконцентрированных конкордансах былинного текста предусмотрена дополнительно-информационная часть, в которой содержится указание на связь слова с территорией бытования, если это яркая региональная черта (возможно, что в скрытой форме здесь содержится указание на исполнительскую школу), идиолектом (принадлежностью к речи конкретного исполнителя) и сюжетом. Кроме того, эта зона словарной статьи включает в себя замечания собирателя или редактора текстов, отраженные в фольклорных собраниях, а также комментарии составителей словаря, связанные с толкованием слова и др. Приведем примеры из сжатого конкорданса онежских былин (кластер «Животный мир»).

Медвежий 10. Ах ты волчья сыть, *медвежья* выть! (1, № 3, 68) **S:** выть 2, корм 1, обед 3, шерсть 4 **☞:** волчий ... медвежий **+:** в формуле «понуkanie струсившего коня» [10. С. 94].

Олень 3. Шли туто четыре гнедые туры, Гнедые туры *олени* златорогие (3, № 258, 3) **A:** златорогий 3 **S:** тур 3 **+:** Лядков (Кенозеро) «Василий Игнатьевич и Батыга». *Туры олени златорогие* – трижды в одном тексте [Там же. С. 96].

Пёс 17. Это ведь не старая собака, не седатый *пёс*, А это есте старый казак да Илья Муромец (2, № 114, 94) **A:** седатый 13, старый 3 **S:** борода 2, разбойник 1, собака 12 **Вос:** 12 **+:** только применительно к Илье Муромцу в формуле уничижительного обращения – прямого или косвенного [Там же. С. 96].

Рыкучий 8. Закричали звери тут рыкучии (2, № 152, 294) **S:** зверь 8 **+:** Кижичи [Там же. С. 97].

С течением времени первые лексикографические опыты, показав перспективность изучения фольклорной картины мира с помощью лексикографических средств, вдохновили исследователей на поиск новых подходов и форм описания. Накопленный опыт создания традиционных и сжатых конкордансов привел нас к идее конкорданса одного слова [11]. Этот экспериментальный проект требовал особого отбора исходного наименования, в качестве которого было выбрано существительное *печь*. Наш выбор был обусловлен значимостью данного сооружения, которое всегда играло особую символическую роль во внутреннем пространстве дома и являлось одним из сакральных центров человеческого жилища [12. С. 310]. Полагая, что конкорданс одного слова может включать материалы разных фольклорных жанров, в пилотном выпуске мы ограничились текстами былин, необрядовой лирики, а также баллад и исторических песен, для которых характерно сочетание эпического и лирического начал.

Материалом описания конкорданса одного слова стали десять авторитетных былинных сборников, представляющих эпос Русского Севера, Урала, Сибири и Поволжья. В качестве источника необрядовой лирики был выбран семитомный свод «Великорусские народные песни». Базой эмпирического материала также стало авторитетное издание баллад серии «Библиотека русского фольклора», в котором тексты сгруппированы по тематическому принципу, а материалом описания исторических песен – академическое издание серии «Памятники русского фольклора», где песни расположены по сюжетам отдельных столетий.

Мы полагаем, что экспериментальная форма конкорданса одного слова обладает богатым исследовательским потенциалом, так как позволяет проводить межжанровое сопоставление для выявления общефольклорных и специфически жанровых черт, внутрижанровое сопоставление с учетом разных критериев: тематического, сюжетного, идиолектного и др. Кроме того, конкорданс дает возможность говорить о территориальной дифференциации языка фольклора как в рамках одного жанра, так и с учетом материала разных жанров, записанных на одной территории. На наш взгляд, любой пользователь словаря, в котором сконцентрированы разные текстовые фрагменты, позволяющие анализировать связи слов, их структуру и семантику, может найти в нем необходимый материал для описания многослойного образа русской печи в фольклоре.

Одно из приоритетных направлений современных исследований – изучение языка в контексте «диалога разных культур». Поскольку зеркалом культуры является язык, весьма показательными становятся работы в области межъязыковых сопоставлений. С.Г. Тер-Минасова пишет: «Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи» [13. С. 14]. Следовательно, сравнение языковых единиц и фрагментов языковой картины мира разных народов может быть свидетельством этнической маркированности языковой системы. Так возникла идея создания контрастивного словаря языка фольклора, фрагмент которого представлен в приложении к кандидатской диссертации «Контрастивный словарь языка русского и английского песенного фольклора как база кросскультурного исследования» [14]. Такой экспериментальный словарь, имеющий особенности на макро- и микроструктурном уровнях, наглядно отражает разного рода асимметрию, а также выявляет концептуальную и лексическую лакуарность.

В работе на примере кластеров «Небо» и «Одежда» было показано, что словарная статья контрастивного словаря, представляющая собой «двухместную» лексикографическую ячейку, которая включает эквивалентные наименования, репрезентирующие один и тот же концепт, позволяет увидеть общие и специфические черты в языковой репрезентации конкретного фрагмента фольклорной картины мира. В частности, в английском песенном фольклоре отсутствуют слова, вербализирующие концепт «пояс», в то время как в русском это важный и обязательный компонент костюма (*пояс, кушак, опояска*), без которого находится в обществе было грешно и неприлично.

Материалы контрастивного словаря позволяют говорить об отличиях в частоте употребления соотносительных наименований (количественная асимметрия), об особенностях их атрибутивных, субстантивных и глагольных связей (синтагматическая асимметрия). Выявляется даже культурная асимметрия, о чем говорит следующее наблюдение: «В английском фольклоре наименования одежды и тканей реже сочетаются с глаголами с семантикой дарения, в то время как в русской лирике перечень таких сочетаний разнообразен (*дарить перчатки; дарить обновкой, ленточкой, платком; подарить шаль, юбку; даровать бархату, опояску, пожаловать платком; сулить кушак,*

перчатки, сапоги, плису на тулуп). Более прагматичные англичане высказывают лишь намерения о подарке в обмен на определенные действия со стороны девушки» [14. С. 171–172]. Таким образом, контрастивный словарь оказывается полезной формой для проведения кросскультурных исследований языка фольклора, имплицитно содержащего информацию о ценностных установках, характерных для разных наций и этнических групп.

В русской лексикографии давно утвердилось положение о том, что «адекватное и полное описание словарного состава языка невозможно осуществить в одном словаре, каким бы большим объемом он ни отличался» [15. С. 40]. Наш опыт в области фольклорной лексикографии подтверждает это. Мы полагаем, что разные виды словарей, разрабатываемых лингвофольклористами, будут способствовать всестороннему описанию устно-поэтического слова, специфика которого заставляет исследователей разных отраслей знания искать надежные средства для изучения данного феномена. Словарь оказывается одним из таких средств, в котором и фольклористы, и культурологи, и этнолингвисты найдут мощное эмпирическое подкрепление ранее сформулированных положений и хорошую источниковую базу для новых идей и разысканий.

Литература

1. *Гаспаров М.Л.* Филология как нравственность // Литературное обозрение. 1979. № 10. С. 26–27.
2. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. 696 с.
3. *Словарь русских народных говоров*. Л. : Наука, 1970. Вып. 6. 358 с.
4. *Лихачев Д.С.* Несколько замечаний о составлении свода русского фольклора. URL: <http://rusfolklor.ru/archives/14115> (дата обращения: 15.05.2017).
5. *Праведников С.П.* Архангельские былины, собранные А.Д. Григорьевым: Мезень: Словник и частотный словарь. Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. 63 с.
6. *Праведников С.П.* Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: словник. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. 70 с.
7. *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. 258 с.
8. *Гаспаров М.Л.* Предисловие к российскому изданию // Шоу Дж.Т. Конкорданс к стихам А.С. Пушкина. Т. 1 (А–Н). М., 2000. 662 с.
9. *Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года* : в 3 т. 2-е изд. СПб., 1894–1900. Т. 1–3.

10. *Бобунова М.А., Хроленко А.Т.* Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Ч. 1: Мир природы. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. 125 с.
11. *Бобунова М.А.* Печь нам мать родная: опыт конкорданса одного слова. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2014. 80 с.
12. *Славянская мифология*: энцикл. слов. М. : Эллис Лак, 1995. 416 с.
13. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово / Slovo, 2000. 624 с.
14. *Бобунов А.М.* Контрастивный словарь языка русского и английского песенного фольклора как база кросскультурного исследования : дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. 262 с.
15. *Сороколетов Ф.П.* Традиции русской советской лексикографии // Вопросы языкознания. 1978. № 3. С. 26–42.

THE RUSSIAN FOLKLORE WORD AS REFLECTED IN DICTIONARIES (CONCERNING THE LEXICOGRAPHIC EXPERIENCE OF LINGUOFOLK-LORISTS FROM KURSK)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 13, pp. 141–153.

DOI: 10.17223/22274200/13/8

Mariya A. Bobunova, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: bobunova61@mail.ru

Keywords: dictionary, concordance, folklore language, folklore lexicography, linguofolkloristics.

The article describes the lexicographic experience of linguofolklorists working on folklore language dictionaries compilation. The Russian folklore is distinguished by the complexity of genre composition, geographic diversity and abundance of materials, which determines the approaches of linguists to lexicographic description of the folk song language. We often hear about the creation of a system and a series of folklore language dictionaries which have certain principles.

Since there had been no tradition in folklore lexicography the following tactics was adopted. Firstly, linguofolklorists focused on compiling register dictionaries of two types: alphabetic and frequency dictionaries. The researchers from Kursk have compiled approximately 30 alphabetic-frequency dictionaries of different folklore genres. Later these dictionaries gave way to creating concordances – alphabetic listings of all the words from the text under analysis including the contexts of their usage. In addition to the traditional concordance form (the entry consists of the core word, statistic data and contexts with passportization), researchers from Kursk have tested the form of the concentrated concordance which is a sort of “essence” of the illustrative material. In this case, we observe an entry with one demonstrative context; the syntagmatic, paradigmatic and poetic device links of the analyzed lexeme are presented by means of specially adopted symbols.

The experience with traditional and concentrated concordances led to the development of the one-word-concordance. This experiment required a special choice of the initial nomination. The choice fell on the noun “stove” due to its high symbolic importance for every house. The one-word-concordance presumably may comprise mate-

rials of different folklore genres; thus, researchers from Kursk took the texts of bylinas and non-ritual lyrics as well as ballads and historical songs (these sources combine both epic and lyrical moods) as the basis of their pilot project.

Cross-cultural language studies have become a high priority trend of modern research. The contrastive dictionary of folklore language has become an original idea. This dictionary consists of entries which are double lexicographic units comprising equivalent nominations, which enables researchers to see common and specific traits in language representation of a certain fragment of the picture of the world in different cultures.

The conclusion focuses on the significance and scientific reliability of dictionaries of different kinds in the study and comprehensive description of folklore.

References

1. Gasparov, M.L. (1979) Filologiya kak npravstvennost' [Philology as morality]. *Literaturnoe obozrenie*. 10. pp. 26–27.
2. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Rus. yaz.
3. Filin, F.P. & Sorokaletov, F.P. (1970) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 6. Leningrad: Nauka.
4. Likhachev, D.S. (n.d.) *Neskol'ko zamechaniy o sostavlenii svoda russkogo fol'klora* [A few comments on the compilation of the Russian folklore]. [Online] Available from: <http://rusfolklor.ru/archives/14115>. (Accessed: 15.05.2017).
5. Pravednikov, S.P. (2002) *Arkhangel'skie byliny, sobrannye A.D. Grigor'evym: Mezen': Slovník i chastotnyy slovar'* [Arkhangelsk epics, collected by A.D. Grigoriev: Mezen: A glossary and a frequency dictionary]. Kursk: Kursk State Pedagogical University.
6. Pravednikov, S.P. (2006) *Pesni, sobrannye P.N. Rybnikovym: slovník* [Songs collected by P.N. Rybnikov: a glossary]. Kursk: Kursk State University.
7. Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. (2007) *Konkordans russkoy narodnoy pesni: Pesni Kurskoy gubernii* [Concordance of Russian folk song: Songs of Kursk province]. Kursk: Kursk State University.
8. Gasparov, M.L. (2000) Predislovie k rossiyskomu izdaniyu [Foreword to the Russian edition]. In: Shaw, J.T. *Konkordans k stikham A.S. Pushkina* [Concordance to the verses of A.S. Pushkin]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
9. Hylferding, A.F. (1894–1900) *Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [The Onega epics recorded by A.F. Hylferding in the summer of 1871: in 3 vol]. 2nd ed. St. Petersburg: tip. Imp. Akad. nauk.
10. Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. (2006) *Slovar' yazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny* [Dictionary of the language of Russian folklore: Vocabulary of the byliny]. Pt. 1. Kursk: Kursk State University.
11. Bobunova, M.A. (2014) *Pech' nam mat' rodnaya: opyt konkordansa odnogo slova* [The stove is our mother: the experience of concordance of one word]. Kursk: Kursk State University.

12. Petrukhin, V.Ya. (ed.) (1995) *Slavyanskaya mifologiya: entsikl. slov.* [Slavic mythology: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Ellis Lak.
13. Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo.
14. Bobunov, A.M. (2012) *Kontrastivnyy slovar' yazyka russkogo i angliyskogo pesennogo fol'klora kak baza krosskul'turnogo issledovaniya* [Contrastive dictionary of the language of Russian and English song folklore as a basis for cross-cultural research]. Philology Cand. Diss. Kursk.
15. Sorokoletov, F.P. (1978) Traditsii russkoy sovetskoy leksikografii [Traditions of Russian Soviet lexicography]. *Voprosy yazykoznaneya*. 3. pp. 26–42.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/22274200/13/9

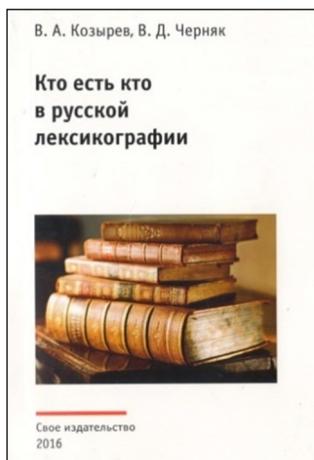
СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ АВТОРЫ

Рецензия на книги:

Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 631 с. – (Герценовская антология.)

Монография посвящена русской лексикографии – теории и практике составления словарей. В ней рассматриваются традиции русской лексикографии, основные направления словарного дела в России, аспекты описания русского слова в словарях различных типов. Рассматриваются конкретные типы словарей, сложившиеся в отечественной лексикографии. Особое внимание уделяется лексикографическим изданиям конца XX – начала XXI в. В книге представлено почти 3 200 различных словарей, таким образом, она является не только полезным пособием для изучающих русское слово во всех его проявлениях, но и своеобразным путеводителем по русским словарям для широкого круга читателей.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга. СПб. : Свое издательство, 2016. – 594 с.

В книге представлено более 2 700 лексикографов – авторов, составителей, авторов-составителей, редакторов более 3300 одноязычных словарей русского языка XIX–XXI вв. (частично и конца XVII–XVIII в.). Сведения об отечественных лексикографах в таком объёме предлагаются впервые. Информация о лексикографах, как правило, содержит указание на год рождения (годы жизни), учёную степень, учёное звание, должность и место работы, сферу научных интересов, опубликованные труды, изданные словари. Общий список лексикографических изданий представляет собой наиболее полное библиографическое описание опубликованных отечественных словарей (более 3 300 изданий).

Внимание лингвистов, занимающихся не только проблемами лексикологии и лексикографии, но и другими аспектами русского языка, должны привлечь две книги, написанные профессорами Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, докторами филологических наук В.А. Козыревым и В.Д. Черняк и посвященные словарям русского языка.

Первая из них – «Лексикография русского языка. Век нынешний и век минувший», посвященная теории и практике составления словарей, – рассматривает разнообразные типы словарей, сложившиеся в российской лексикографии. Хотя авторы и пишут, что их задача заключается в том, чтобы «показать основные направления развития лексикографической теории и практики в XX и XXI веках» (с. 3), что, несомненно, говорит об актуальности данной монографии, они рассматривают и словари, вышедшие и до XX в., фактически предлагая читателю энциклопедию русской лексикографии.

Книга начинается с раздела «Современная русская лексикография в социокультурном контексте», задача которого – выявить общие тенденции лексикографии конца XX – начала XXI в., периода, для которого характерен так называемый «лексикографический бум», отражающий, с одной стороны, наметившееся осознание ценности культуры и словарей как ее носителей, а с другой стороны, обусловленный коммерческими факторами. С тревогой отмечая снижение общего уровня речевой культуры, авторы монографии подчеркивают «роль словаря как самого важного и незаменимого пособия, формирующего навыки сознательного отношения к своей речи» (с. 13). В книге отмечается, что современное развитие лексикографической практики в России идет по нескольким направлениям: создаются словари, представляющие широкие лексические массивы; расширяется круг словарей, описывающих отдельные уровни языка; активно разрабатываются словари, учитывающие широкий круг адресатов (учебные словари разной ориентации, двуязычные словари разного объема). Создаются и принципиально новые словари, в которых воплощаются современные достижения лингвистической науки (с. 6).

Раздел «Истоки и традиции русской лексикографии» представляет собой очерк истории словарей в России начиная с XI в. В нем даются сведения о протословарях, отмечается значение для развития лексикографии трудов Лаврентия Зизания и Памвы Берынды. Особо подчеркивается значимость лексикографического опыта XVIII в., начиная

со словаря Ф.П. Поликарпова и закачивая «Словарем Академии Российской». Охарактеризованы труды лексикографов XIX в.: П.И. Соловова, А.Х. Востокова, В.И. Даля, И.И. Срезневского и многих других. Описание словарей XX и XXI вв. строится в соответствии с положенной в основу книги типологией словарей.

Проблема типологии словарей рассматривается в отдельном разделе монографии. Авторы книги справедливо отмечают, что задача создания типологии словарей диктуется, с одной стороны, практическими потребностями обобщения и систематизации имеющейся лексикографической продукции, с другой – потребностями развития теории лексикографии, поскольку «позволяет не только осмыслить уже осуществлённое, но и прогнозировать создание новых типов словарей, определять характер лексикографических проектов, стимулировать усилия лексикографов в разных направлениях» (с. 64). В разделе «Типология словарей русского языка» дается глубокий аналитический обзор существующих классификаций словарей, начиная с известной классификации Л.В. Щербы. Сами же авторы придерживаются разработанной в издательстве «Русский язык» классификации филологических словарей, в основу которой положены тематика, адресат словаря, типы заголовочной единицы – объекта описания, объём словника (с. 70–71). К сожалению, информация о разработчиках этой классификации и о времени её создания остается за рамками исследования.

Интересен раздел «Аспекты лексикографического описания слова в словарях различных типов». Авторы отмечают, что полнота и характер лексикографической информации в словаре связаны с её ориентированностью на определённого адресата: «Особое значение для читателей словаря имеют структура словарной статьи, набор её компонентов, обеспечивающих достоверную информацию о слове, о разных видах его языкового окружения. В компонентах и структуре словарной статьи отражаются объективная сложность описываемых словарных единиц, своеобразие лексикографических жанров, совокупным объектом которых является практически открытое множество лексических единиц в их современном состоянии и исторической перспективе» (с. 73–74). При этом в зависимости от типа словаря меняются количество, соотношение лексикографических параметров и глубина их разработки.

Основная часть книги строится в соответствии с выбранной авторами типологией словарей. В каждом разделе описывается конкретный тип

словарей и приводится полный список лексикографических изданий данного типа. В связи с естественным пересечением типов словарей ряд изданий приводится в нескольких разделах. В монографии анализируются толковые и динамические словари, словари неологизмов, иностранных слов, синонимов, антонимов, омонимов, паронимов, словообразовательные, словари сокращений, сочетаемости, грамматические, синтаксические, словари идиоматики (фразеологизмов, пословиц и поговорок, крылатых слов, афоризмов), идеографические, тематические, ассоциативные, ортологические (орфографические, орфоэпические, словари трудностей русского языка), комплексные, словари редких и устаревших слов, стилистические, словари языка писателей, рифм, этимологические, исторические, диалектные, словари разговорной речи и городского просторечия, жаргонной лексики, профессиональной лексики, детской речи, ономастические (антропонимические, словари прозвищ, топонимические, словари ономастической лексики), лингвострановедческие, лингво-культурологические, частотные, обратные, словари лингвистических терминов, учебные.

Завершает монографию список рассмотренных словарей русского языка – наиболее полный из существующих в научной литературе. Всего в нем представлены 3189 словарей языка различных типов (в него не вошли только двуязычные и терминологические словари, за исключением словарей лингвистических терминов). У читателя увлекательной книги В.А. Козырева и В.Д. Черняк, несомненно, будет возникать желание больше узнать о каждом отдельном словарном произведении. Возможно, авторам, следовало бы, например, немного подробнее написать о «Словаре современного русского литературного языка» как о теоретической и практической базе для создания многих современных словарей – не секрет, что многие словари и справочники открыто или имплицитно «основываются» на метаязыке и лексико-фразеологическом материале 17-томного словаря; уделить больше внимания новаторской трансформации нормативной традиции, осуществленной под руководством А.С. Герда и воплощенной в «Большом академическом словаре русского языка»; сообщить больше сведений о петербургской «фразеологической триаде» – «Большом словаре русских поговорок», «Большом словаре русских сравнений» (2008) и «Большом словаре русских пословиц» (2010), подготовленных В.М. Мокиенко и его соавторами. Но сложность задач и обширность материала диктуют свои жесткие ограничения. Книга «Лекси-

кография русского языка. Век нынешний и век минувший» является новым и фундаментальным исследованием, необходимым современной русской науке и словесной культуре. Этот труд, несомненно, будет востребован лингвистами и библиографами, преподавателями и студентами как ценный источник лексикографической информации.

Вторая книга В.А. Козырева и В.Д. Черняк «Кто есть кто в русской лексикографии» (2016) представляет собой издание справочного типа – биобиблиографический словарь. В ней содержатся сведения о более 2 700 российских и восточнославянских лексикографов – авторов, составителей, авторов-составителей, редакторов одноязычных словарей русского языка XIX–XXI вв. (частично и конца XVII–XVIII в.). Таким образом, справочник основывается на понимании термина *русская лексикография* в узком смысле: в него включаются данные авторов / составителей только тех словарей, «левая» часть которых отражает разнообразные факты *общенародного* (национального) *русского языка* (т.е. литературный язык, диалекты, социолекты, просторечие и пр.) разных исторических состояний – в том числе единицы меньше слова, равные слову, больше слова, предикативные единицы и микротекст, а «правая» часть содержит информацию (толкование, объяснение) на русском языке.

Информация о лексикографах, как правило, содержит указание на годы их жизни, ученую степень, ученое звание, должность и место работы, сферу научных интересов, опубликованные труды, изданные словари. Уникальность этой книги состоит также в том, что сведения о лексикографах в таком объеме предлагаются впервые. Кроме информации о лексикографах, в книге дан список их произведений – более 3 300 словарей русского языка. Отметим, что подобное издание в отечественной лексикографии появилось впервые.

Обе книги являются результатом многолетнего кропотливого труда В.А. Козырева и В.Д. Черняк. Их научная ценность не вызывает никакого сомнения. Подобные издания не следует критиковать за мелкие погрешности и лакуны; гораздо важнее дружески помогать авторам терпеливо, шаг за шагом восстанавливать недостающие звенья «orbis lexicogum» (для некоторых лексикографов, заметим, остаются неизвестными даже имя и отчество – сохранились только инициалы, а то и только фамилия). К сожалению, в указатель не включено имя Александра Васильевича Семерикова (1902–1968), скромного подвижника русской практической лексикографии, не подготовившего ни одного словаря, но в течение многих лет заведовавшего Большой словарной

картотекой Института языкознания Академии наук в Ленинграде (в настоящее время – Институт лингвистических исследований РАН) и, таким образом, обеспечивавшего не только её постоянное пополнение, но и бесперебойное снабжение составителей «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах необходимыми лексическими материалами. Очевидно, по техническим причинам или только по недоразумению утрачена информация о замечательном петербургском исследователе народного слова и лингвогеографе, докторе филологических наук Игоре Александровиче Попове (1926–2000) – многолетнем составителе и редакторе «Словаря русских народных говоров», инициаторе, главном организаторе и идеологе проекта «Лексический атлас русских народных говоров», в котором сейчас участвуют более 60 университетов России.

Остается только пожалеть, что книги В.А. Козырева и В.Д. Черняк изданы малыми тиражами – первая 30, а вторая 100 экземпляров. Хотя их тексты можно найти в Интернете, было бы чрезвычайно полезно иметь их в печатном виде в каждой университетской и областной библиотеке. Хочется верить, что когда-нибудь это произойдет. Надеемся также, что почтенные авторы, собравшись с силами и укрепившись духом, возьмутся когда-нибудь за справочник по двуязычной лексикографии (хотя бы по иноязычно-русской и русско-иноязычной), в области которой работало немало ярких филологов (В.К. Мюллер, И.П. Гальперин, А.И. Смирницкий, О.И. Москальская, А.И. Кунин и многие, многие другие).

С.С. Волков, Л.В. Московкин

DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR AUTHORS. BOOK REVIEW: KOZYREV, V.A. & CHERNYAK, V.D. *LEKSIKOGRAFIYA RUSKOGO YAZYKA: VEK NYNESHNIY I VEK MINUVSHIY* [LEXICOGRAPHY OF THE RUSSIAN LANGUAGE: THE PRESENT AND THE PAST CENTURIES]; KOZYREV, V.A. & CHERNYAK, V.D. *KTO EST' KTO V RUSSKOY LEKSIKOGRAFII: SPRAVOCHNAYA KNIGA* [WHO IS WHO IN RUSSIAN LEXICOGRAPHY: A REFERENCE BOOK]

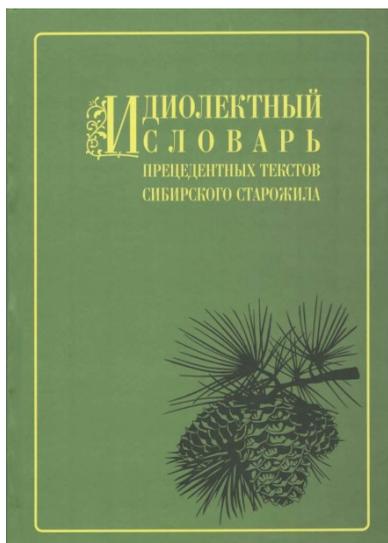
Voprosy leksikografii – *Russian Journal of Lexicography*, 2018, 13, pp. 154–159.

DOI: 10.17223/22274200/13/9

Sergey S. Volkov, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sergejvolkov2006@yandex.ru

Leonid V. Moskovkin, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: moskovkin.leonid@yandex.ru

DOI: 10.17223/22274200/13/10

Рецензия на книгу: Иванцова Е.В. Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – 132 с.

Издание продолжает словарную серию, посвященную комплексному представлению диалектной языковой личности. Предметом описания являются прецедентные тексты – широко известные в социуме цитаты: пословицы, поговорки, присказки и другие малые жанры фольклора, а также фрагменты песен. Зафиксированный в речи сибирской крестьянки В.П. Вершиной, типичного носителя русских старожильческих говоров Сибири, цитатный фонд даёт представление о системе взглядов и ценностей в русской народной культуре.

Для специалистов в области лингвистики, а также всех тех, кого интересуют народная речь и культура.

Лингвоперсонологическое направление отечественного языкознания активно развивается в рамках томской диалектологической школы. Большой цикл публикаций Е.В. Иванцовой, изданных в разное время ([1–4] и др.), положил начало всестороннему изучению языковой личности сибирской крестьянки В.П. Вершиной. Серьёзным вкладом в разработку лингвоперсонологической проблематики стала серия словарей, посвящённых разным аспектам исследования конкретной диалектной личности, – полный толковый словарь недифференциального типа [5], словарь сравнений и ономастикон [6–7].

К аспектным словарям следует отнести и рецензируемый «Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила» [8].

Объектом лексикографического исследования вновь стала языковая личность носителя сибирского старожильческого говора Веры Прокофьевны Вершиной (1909–2004), уроженки с. Вершино Томской области. Несомненно, привлекателен для изучения именно рядовой носитель языка. Избранный для анализа языковой материал – типичные для народно-речевой культуры прецедентные тексты – «дают возможность выявления национальной специфики» русской

ментальности, «особенностей социума и отдельных его членов» [8. С. 4]. И что представляется особо ценным – этот уникальный, собранный автором материал (около 400 единиц) позволит в какой-то мере не только познать особенности мироотражения и мировосприятия, но и «реконструировать труднодоступный для непосредственного наблюдения мотивационно-прагматический уровень» языковой личности [Там же].

На самом деле прецедентные феномены активно изучаются в отечественной и зарубежной лингвистике, но практически не представлены в лексикографической практике. Чаще всего прецедентные тексты включаются в иллюстративный материал (как, например, в «Словаре языка А.С. Пушкина» [9], хотя есть и словари крылатых выражений (см. [10]). Рецензируемый нами словарь – первый словарь, в центре описания которого, оказались прецедентные высказывания конкретного человека в повседневной спонтанной речи. Автору словаря потребовалось поэтому разработать основные принципы лексикографирования идиолектных данных в этом аспекте. Полагаем, что с этой задачей Е.В. Иванцова успешно справилась и положила начало новому этапу в исследовании феномена языковой личности старожилы и прецедентных феноменов в частности.

В качестве дополнения к иллюстративному материалу прецедентные тексты были частично включены в «Полный словарь диалектной языковой личности», однако он даёт весьма ограниченное представление о фонде прецедентных текстов диалектоносителя, буквально «рассыпанным» по разным словарным статьям толкового словаря. Поэтому комплексный подход к представлению всех типов культурно значимых высказываний в дискурсивной практике диалектной личности, реализованный в новом издании, считаем актуальным и значимым.

Представляется, что словарь является новым аспектным словарем, обеспечивающим всестороннее изучение феномена носителя традиционной культуры. Само издание включает не только собственно словарь (словарные статьи расположены по алфавиту), но и своеобразный справочный отдел (*Тематические группы прецедентных текстов*, с. 102–117; *Семантические поля прецедентных текстов*, с. 118–119) и очерк «Мир личности в прецедентных текстах» (с. 120–130), что обеспечивает верификацию комплексного подхода, взятого автором в качестве основного принципа отбора материала и его лексикографирования.

Полагаем, что ещё одна цель может быть достигнута с помощью этого оригинального издания: словарь служит источником для дальнейшего теоретического осмысления проблем прецедентности (языковой картины мира, вербализованной в цитатном фонде индивида и социума; формальной и семантической специфики описываемого явления, проблем варьирования и функционирования прецедентных текстов и т.д.). Сравнение, предпринятое Е.И. Иванцовой, показало, что в речи старожилка есть ряд паремий, отсутствующих в других словарях или имеющих иной смысл (ср.: *Без рук, без ног ворота открыват* 'об активном, инициативном человеке' в рассматриваемом источнике и у В.И. Даля это загадка о ветре [11. С. 363]). Словарь может выступать источником самых разных исследований (кроме прецедентности как таковой). Так, словарная статья СТАРОСТЬ НЕ МЛАДОСТЬ (с. 90) позволит изучить функционирование неполногласных церковнославянских по происхождению слов в современном говоре, проследить концептуализацию в языковом сознании старожилка представлений о старости – молодости, болезни – здоровье, а обращение к статье ПОД КРЫЛЬЦОМ, ДА С МОЛОДЦОМ (с. 84) даст возможность исследовать деривационные связи в говоре с историко-этимологической точки зрения. Именно такой уникальный материал составляет особую ценность рецензируемого лексикографического труда и выявляет национальную специфику традиционной народной речи сибиряков.

Структура словарной статьи построена с учетом двух параметров, включающих формальные и содержательные признаки прецедентных высказываний. В первой части издания словарные статьи расположены в алфавитном порядке по тому знаменательному слову в их составе, которое ближе всего к началу алфавиту. Это слово графически выделено с помощью жирного шрифта, например: **ДАРОМ** ЧИРЕЙ НЕ садится – И ТОТ ПОЧЕШЕТСЯ (ТАК И ЧИРЕЙ НЕ САДИТСЯ). В этой части словаря представлена вся информация о форме, семантике и особенностях функционирования прецедентного текста. Ударение в заглавном слове фиксируется, если это нелитературное слово или если возможно вариантное прочтение. Факультативные компоненты, не всегда воспроизводимые информантом, заключаются в < >: СМЕРТЬ <ПРИДЁТ,> ПРИЧИНУ **НАЙДЁТ**. Части текста, реконструируемые составителем словаря, помещаются в квадратных скобках со знаком *, далее следует семантическая (или комментарии к

ситуативному употреблению) и стилистическая характеристика (при наличии):

[*В ЖОПЕ] **ВЕТЕР**, В ПОЛЕ ДЫМ. *Неодобр. О легкомысленном человеке.* [А за Лену кто работает?] А её дочка. Начальника почты дочка. Тоже... [пропускает часть пословицы, считая слово грубым] ветер, в поле дым: газету... это, газеты шли... Тебе не идёт сейчас газета? А что... газету Колину – ну хоть так, «сорок» же [номер дома], записала бы внимательно – она Лёньке, неделю ли две носила Лёньке, Колькину газету – Лёньке. 1. *Легкомыслие* (с. 41).

Зона семантики (как и зона помет) совершенно необходима в таком словаре. Возможны семантические и стилистические расхождения в лексикографическом материале даже при фиксации высказываний, известных в общенародном употреблении, поскольку они могут отличаться своеобразием в речи диалектоносителя. Как видим, функционирование прецедентных высказываний репрезентировано в обширной иллюстративной зоне словарной статьи, которая представляет, на наш взгляд, самостоятельную ценность. Заключает словарную статью справочная информация, где указаны количество словоупотреблений в дискурсе информанта и тематическая группа(ы), к которой прецедентный текст отнесён во второй части словаря, ср.: 1. *Легкомыслие* (с. 108).

Так выглядит статья в тематической части издания: [*В жопе] **ветер**, в поле дым. Куды **ветерок**, туды умок. Пока гром не **грянет**, до тех пор не перехрестимся. 3.

Здесь уже нет иллюстративной зоны, а нежесткая классификация (неизбежная при анализе диалектного материала) становится основным принципом отбора прецедентных текстов, расположенных в соответствии с алфавитным порядком опорных слов, выделенных в заглавиях статей первой части словаря. Примеры, попавшие одновременно в разные группы, графически маркированы знаком *. Цифра, замыкающая словарную статью, указывает на количество единиц в данной группе.

Последняя часть словаря – классификация прецедентных текстов по семантическим полям, где выделены основные поля (**ЧЕЛОВЕК ФИЗИЧЕСКИЙ**, **ЧЕЛОВЕК МЕНТАЛЬНЫЙ**, **ЧЕЛОВЕК СОЦИАЛЬНЫЙ**, **СОБСТВЕННОСТЬ**, **ПРИРОДА**, **АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ**, **АСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПТ**), часть из них разбита на более мелкие подполя, указаны тематические группы прецедентных

текстов, входящие в состав полей. Так, приведённая словарная статья размещена в поле **ЧЕЛОВЕК СОЦИАЛЬНЫЙ** и в подполе *НЕ-НОРМАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ*.

Работы Е.В. Иванцовой всегда отличает логика изложения, безупречный научный стиль, широкая эрудиция и новаторский характер. Всё это в полной мере касается нового словаря, открывающего неисследованные грани феномена языковой личности и прецедентности в том числе.

Литература

1. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.

2. *Иванцова Е.В.* Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Общественное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово ; Барнаул, 2009. Ч. 1. С. 321–356.

3. *Иванцова Е.В.* Мировидение языковой личности в традиционной русской народно-речевой культуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 27–42.

4. *Иванцова Е.В.* Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. М., 2014. С. 308–347.

5. *Полный словарь диалектной языковой личности* / авт.-сост. Т.Б. Банкова, О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др. ; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.

6. *Иванцова Е.В.* Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005.

7. *Идиолектный ономастикон сибирского старожила* / авт.-сост. Е.В. Иванцова, Е.А. Берестова ; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 308 с.

8. *Иванцова Е.В.* Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 132 с.

9. *Словарь языка А.С. Пушкина* / под ред. В.В. Виноградова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956–1961. Т. 1–4.

10. *Мокиенко В.М., Сидоренко К.П.* Басни И.А. Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения: словарь-справочник. СПб. : Свое изд-во, 2013. 682 с.

11. *Пословицы русского народа.* Сб. В.И. Даля : в 2 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. 2. 399 с.

М.А. Харламова

BOOK REVIEW: IVANTSOVA E.V. IDIOLEKTNYY SLOVAR' PRETSEDENTNYKH TEKSTOV SIBIRSKOGO STAROZHILA [THE IDIOLECT DICTIONARY OF PRECEDENT TEXTS OF THE SIBERIAN OLD-TIMER]

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2018, 13, pp. 160–165.

DOI: 10.17223/22274200/13/10

Marina A. Kharlamova, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: khr-spb@mail.ru

References

1. Ivantsova, E.V. (2002). *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The phenomenon of the dialect language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Ivantsova, E.V. (2009) *Metazykovoe soznanie dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Meta-linguistic consciousness of the dialect linguistic personality]. In: Golev, N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary meta-linguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. Pt. 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University.
3. Ivantsova, E.V. (2014) *Worldview of the language personality in the traditional Russian folk-speech culture. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (30). pp. 27–42. (In Russian).
4. Ivantsova, E.V. (2014) *Issledovanie tipologicheskikh chert dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Study of typological features of dialect language personality]. In: Golev, N.D. (ed.) *Yazykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Language personality: modeling, typology, portraying. Siberian linguoperersonology]. Moscow: Lenand.
5. Bankova, T.B. et al. (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [A complete dictionary of the dialect language personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
6. Ivantsova, E.V. (2005) *Idiolektnyy slovar' sravneniy sibirskogo starozhila* [The idiolect dictionary of comparisons of the Siberian old-timer]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Ivantsova, E.V. (ed.) (2015) *Idiolektnyy onomastikon sibirskogo starozhila* [The idiolect onomasticon of the Siberian old-timer]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Ivantsova E.V. (2016) *Idiolektnyy slovar' pretsedentnykh tekstov sibirskogo starozhila* [The idiolect dictionary of precedent texts of the Siberian old-timer]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Vinogradov, V.V. (ed.) (1956–1961) *Slovar' yazyka A.S. Pushkina* [Dictionary of A.S. Pushkin's language]. Vols 1–4. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye.
10. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (2013) *Basni I.A. Krylova: tsitaty, literaturnye obrazy, krylatye vyrazheniya: slovar'-spravochnik* [Fables by I.A. Krylov: quotations, literary images, idioms: a reference dictionary]. St. Petersburg: Svoe izd-vo.
11. Dahl, V.I. (1984) *Poslovitsy russkogo naroda: v 2 t.* [Proverbs of the Russian people]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАБЕНКО Людмила Григорьевна – д-р филол. наук, зав. кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).
E-mail: lgbabenko@yandex.ru

БОБУНОВА Мария Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета.
E-mail: bobunova61@mail.ru

ВОЛКОВ Сергей Святославович – канд. филол. наук, зав. отделом «Словарь языка М.В. Ломоносова» Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: sergejvolkov2006@yandex.ru

ГЕНЕРАЛОВА Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: elena-generalova@yandex.ru

ГРЯЗНОВА Виолетта Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь).
E-mail: violetta-sgy@mail.ru

КРЮКОВА Лариса Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

КУПЧИК Елена Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Тюменского государственного университета.
E-mail: elwika@list.ru

МОСКОВКИН Леонид Викторович – д-р пед. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: moskovkin.leonid@yandex.ru

ПАНКОВ Дмитрий Иванович – мл. науч. сотр. словарного отдела Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: mitr1979@gmail.com

ПУРИЦКАЯ Елизавета Владиславовна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. словарного отдела Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: purichi@list.ru

ХАРЛАМОВА Марина Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: khr-spb@mail.ru

ХИЗНИЧЕНКО Анна Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: anna_khiznichenko@mail.ru

ЦУМАРЕВ Алексей Эдуардович – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела культуры русской речи Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: zumarew@yandex.ru

ШЕСТАКОВА Лариса Леонидовна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: lara.shestakova@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит 2 раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2018. № 13

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелюор
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 26.07.2018 г. Формат 80×84 ¹/₁₆.
Печ. л. 10,6; усл. печ. л. 9,9. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 3322.

Дата выхода в свет 10.08.2018 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru